STEPHANOS

СТЕФАНОС

2023

№ 3 (59) || Май

#3 (59) || May

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-1-199

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:
докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова
докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская
доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец
ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны
докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская
доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета им. Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)
канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина
докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина
докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен
канд. филол. наук доцент А.В. Уржа
канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:
старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*
Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*
Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*
Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*
Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*
Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*
Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*
Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*
Елена Стерьёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*
Антон Элиаш, канд. филол. наук, проф., *Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе (Словакия)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013
© 2013–2023. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
© 2013–2023 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:

Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Anton Eliáš PhD, Prof., *Comenius University in Bratislava (Slovenská republika)*
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science, *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)*
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,* Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (North Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)*
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje (North Macedonia)*
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz (USA)*
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno (Czech Republic)*
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and Capodistrian University of Athens (Greece)*
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2023. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
© 2013–2023 Stephanos

Содержание

Статьи

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия) «Маленький человек» конца XX века в повести Александра Григоренко «Потерял слепой дуду».....9

А.В. Сергеев (Москва, Россия) Йенс Петер Якобсен – первый датский писатель «Современного прорыва» 16

А.Ю. Папченко (Москва, Россия) Языковая ситуация в Андорре в свете эпилингвистических данных 26

Н.В. Николенкова (Москва, Россия) Об индивидуально-авторском значении лексемы «благоговение» в русском литературном языке XVII века: дополнение к историческому словарю 37

Н.Н. Сакальчикова, Е.С. Штернина (Санкт-Петербург, Россия) Обучение выражению отрицания в иноязычной аудитории.....47

З. Шенгюдер (Стамбул, Турция) Сопоставительный анализ турецких и русских пословиц с компонентом «семья».....56

Н.И. Гиясов, Б.П. Ашрапов (Худжанд, Республика Таджикистан) Морфологические особенности и уровень употребления составных наречий в таджикском литературном языке XVIII века (на примере исторического сочинения под названием «Тухфат-уль-хони» Мухаммадвафои Карминаги).....69

Т.И. Вендина (Москва, Россия) Н.И. Толстой и новые направления в культурно-языковой диалектологии (к столетию Никиты Ильича Толстого)....81

С.В. Алпатов (Москва, Россия) Идеи и подходы Н.И. Толстого в контексте современных исследований народной Библии.....89

Материалы и сообщения

Е.Н. Филиппов (Трнава, Словацкая республика) Царь Голод в Стране чудес: Сатирическое изображение суда в сказке Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» и драме Л. Андреева «Царь Голод».....94

А.А. Павлова (Москва, Россия) К вопросу об эстетике метареализма в поэзии Алексея Парщикова и Александра Ерёменко 101

К.К. Берикашвили (Москва, Россия) «Сюжет обольщения» в повести М.Ю. Лермонтова «Княжна Мери» (своеобразие печоринской интриги: игра или мечтание) 107

Д.М. Васина (Москва, Россия) Раннее поэтическое творчество Никоса Энгонопулоса: особенности воплощения художественных образов..... 113

Т.А. Кириченко (Донецк, Россия) Система парадигматических объединений сложносокращенных онимов 120

П.Л. Коган (Москва, Россия) Особенности употребления форм сослагательного наклонения в староиспанском языке на материале сборника притч «Калила и Димна» 127

А.С. Пунда (Москва, Россия) Мотивы и образы средневековых рыцарских романов в «Квентине Дорварде» У. Скотта..... 133

Библиографии

М.М. Громова (Москва, Россия) Библиография исследований русской литературы в Словении (1990–2021). Часть 2 141

Программы

А.А. Жукова, Е.В. Потёмкина (Москва, Россия) Концепты в русской песенной традиции: от романса до рэпа. Рабочая программа дисциплины 153

Научная жизнь

М.М. Опачич (Белград, Сербия) В сербской славистике: журнал «Наш Језик» отметил юбилей профессора Срето Танасича 175

Заметки. Впечатления

В.Г. Карапетян (Москва, Россия) Интерпретация поэмы «Демон» М.Ю. Лермонтова в творчестве С.И. Параджанова..... 184

В.И. Хаустова (Москва, Россия) Рецепция идей Сэмюэля Тейлора Колриджа Эдгаром Алланом По 191

Contents

Articles

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia) The "Little Man" of the End of the 20th c. in Aleksandr Grigorenko's Long Story "The Blind Dudu Lost" 9

A.V. Sergeev (Moscow, Russia) J.P. Jakobsen as the First Writer of the "Modern Breakthrough" 16

A.Y. Papchenko (Moscow, Russia) The Language Situation In Andorra In The Light Of Epilinguistic Data 26

N.V. Nikolenkova (Moscow, Russia) On the Individual Author's Meaning of the Lexeme "reverence" [blagogovenie] in the Russian Literary Language of the 17th century: Supplement to the Historical Dictionary 37

N.N. Sakalchikova, E.S. Shternina (St. Petersburg, Russia) Negation Expression Teaching in Foreign Language Audience 47

Z. Şengüder (İstanbul, Türkiye) Comparative Analysis of Russian and Turkish Proverbs that Involve the Concept of "Family" 56

N.I. Giyasov, B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan) Morphological Peculiarities and Level of Usage of Composite Adverbs in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadvafo Karminagi) 69

T.I. Vendina (Moscow, Russia) Nikita Tolstoy and New Trends in Cultural and Linguistic Dialectology (on the centenary of Nikita Ilyich Tolstoy) 81

S.V. Alpatov (Moscow, Russia) Ideas and Approaches of N.I. Tolstoy in the Context of Modern Studies of Folk Bible 89

Communications and Materials

E.N. Filippov (Trnava, Slovak Republic) Tsar Hunger in Wonderland: A Satirical Depiction of the Curt in L. Carroll's Fairy Tale "Alice in Wonderland" and L. Andreev's Drama "Tsar Hunger" 94

A.A. Pavlova (Moscow, Russia) Some Aspects of the Metarealistic Aesthetics in the Poetry of Alexei Parshchikov and Alexander Eremenko 101

K.K. Berikashvili (Moscow, Russia) The "Plot of Seduction" in Mikhail Lermontov's Long Story "Princess Mary" (the peculiarity of the Pechorin's intrigue: a game or a vision) 107

D.M. Vasina (Moscow, Russia) The Early Poetry of Nikos Engonopoulos: Aspects of the Embodiment of Imagery 113

T.A. Kirichenko (Donetsk, Russia) The System of Complex Abbreviated Onyms Paradigmatic Units 120

P.L. Kogan (Moscow, Russia) Features of Subjunctive Mood Forms Usage in Old Spanish Based on the Collection of Parables "Kalila and Dimna" 127

A.S. Punda (Moscow, Russia) The Motives and Images of the Medieval Romance in W. Scott's "Quentin Durward" 133

Bibliography

M.M. Gromova (Moscow, Russia) Bibliography of Russian Literature Studies in Slovenia (1990–2021). Part 2 141

Programs

A.A. Zhukova, E.V. Potemkina (Moscow, Russia) Concepts in the Russian Song Tradition: from Romance to Rap. Work Program of the Discipline 153

Academic Life

Marija M. Opačić (Belgrade, Serbia) In Serbian Slavonic Studies: The Magazine «Nash Jezik» Celebrated the Anniversary of Professor Sreto Tanasić 175

Notes. Impressions

V.G. Karapetyan (Moscow, Russia) Interpretation of the Mikhail Lermontov's Poem "Demon" in the Works of Sergei Parajanov 184

V.I. Khaustova (Moscow, Russia) Edgar Allan Poe's Reception of the Ideas of Samuel Taylor Coleridge 191

Статьи

Articles

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-9-15

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

«Маленький человек» конца XX века в повести Александра Григоренко «Потерял слепой дуду»

Аннотация: Статья обращена к сегодняшнему литературному материалу – повести А. Григоренко «Потерял слепой дуду» (2016), где вариация на тему современного «маленького человека» окрашена в сибирский колорит и оригинально соотнесена с движением семейной и социальной истории второй половины прошлого века. «Текст» повседневности усилен в произведении мифопоэтическими ассоциациями и достигает уровня притчевого обобщения.

Ключевые слова: современная русская проза, социально-психологическая повесть, образ «маленького человека», семейная история

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

The "Little Man" of the End of the 20th c. in Aleksandr Grigorenko's Long Story "The Blind Dudu Lost"

Abstract: The article is addressed to the contemporary literary material – A.Grigorenko's long story "The Blind Dudu Lost" (2016), where the variation on the theme of the modern "little man" is touched by the Siberian coloring and is originally inscribed in the context of family and social history of the second half of the last century. The "text" of everyday life is enriched in the work by mythopoetic associations and reaches the level of parable generalization.

Key words: modern Russian prose, socio-psychological novel, the image of a "little man", family history

Проза сибирского писателя Александра Евгеньевича Григоренко (род. 1968) представляется достойным обсуждения явлением современной литературы. Его романы «Мэбэт» (2011), «Ильгет. Три имени судьбы» (2013) номинировались на премию «Большая книга» (2012, 2014), как автор повести «Потерял слепой дуду» (2016) он стал лауреатом «Ясной Поляны» (2016).

В насыщенной атмосферой сибирского края повести «Потерял слепой дуду»[1] плотная ткань реалистической образности, «умеренная гармония лексики, описаний, диалогов, порядка повествования»[2] обогащаются мифопоэтическими ассоциа-

[1] *Григоренко А.* Потерял слепой дуду // Октябрь. 2016. № 1 (magazines.gorky.media/october/2016/1/poteryal-slepoj-dudu.html). Текст повести приводится по данному источнику.

[2] *Трушина О.* Хочется, чтобы это стало классикой: «Потерял слепой дуду»: kasdom.ru/r_kultura/r_kontekst/11296/ (дата обращения: 05.04.2023).

циями, а драматичная семейная история в трех поколениях протекает в условиях стремительно меняющегося времени, когда внезапно персонажам открылось, что «родной страны больше не существует, а реальность вокруг перевернулась с ног на голову»[1].

Центральный персонаж – слабослышащий от рождения Шурик – выведен как неповторимая индивидуальность и при этом эмблематичная для русской литературы фигура «маленького человека», стихийный выразитель социально-психологического климата современности, того общего состояния, когда «копившееся годами внутреннее одиночество в какой-то момент стало внешним, и Шурик оказался истинным его воплощением»[2].

В экспозиционной части произведения картина мира увидена в мифопоэтическом ракурсе. Февральский «белый змей» творит самобытные мысленные и речевые образы, выступает проводником сверхличной, но и одушевленной, неравнодушной к человеку, заряженной нравственным чувством энергии, поскольку, «пребывая на земле бесконечное множество лет, он знал такое, чего не знали люди, – что каждый из ветров, такой же, как они, обитатель местности, носит в себе их исчезающую жизнь». В сострадательном восприятии змея запечатлелось первое появление на безлюдной заснеженной трассе главного героя – Александра Александровича, Шурика, парня в трехцветной куртке, беспомощной, окровавленной, сброшенной в кювет и обреченной на замерзание жертвы злой воли своих преследователей.

Начальные картины бросают трагический отсвет на развернутые в основной части повествования истории Шурика и его близких. Отец героя Шурка Шпигулин – легкомысленный и несуразный, в отличие от своего серьезного, служившего на флоте младшего брата Константина, поспешно женился по возвращении из армии в начале зимы 1967 г. Появление сына Шурика в апреле 1968 г. подтачивает непрочный семейный союз: мальчик имел «совсем нездешний вид», выглядел, по метафорическому выражению деда, «как в церькве, на иконе», уродился глухонемым, отстающим в развитии, «слегка задетым параличом». Бегство матери, длительные загулы захолостяковавшего отца, который «принялся… рассеивать сердечные смуты по соседним деревням», омрачают картину мира ребенка факторами «наследственности вкупе с нелюбовью»[3], вводят его в ранний опыт переживания одиночества, которое скрашивалось, однако, любовным участием бабушки Валентины и ее родни: «С рук Шурик не сходил и по грешной земле ступал лишь в особых случаях. Болезнь его как-то не замечалась, хотя о ней все знали, но будто не хотели замечать. Сами того не понимая, люди видели в нем не будущего работника, а украшение жизни – как заветная брошь, будет оно храниться в сундуке, переходить от человека к человеку и никогда не изменится».

Ребенок, как позднее выяснилось, все же «слышал немного» и формировался «на границе мира немых и мира говорящих», под смешанным влиянием дома и интерната. Он напряженно вникал в бабушкину песенку «Потерял слёпой дуду…», где крылось пророчество о его судьбе, обнаруживал выборочный творческий отклик на действительность; мир его детских чувств напоминал «разноцветные лампы простенькой елочной гирлянды». Однажды, в процессе сокрытого от окружающих усвоения этого «стишка», Шурик «глянул на бабку с непонятным

[1] *Трушина О.* Хочется, чтобы это стало классикой: «Потерял слепой дуду».
[2] Там же.
[3] *Ратников С.* «Потерял слепой дуду» Александра Григоренко: stepanratnikov.ru/blog/literature/poteryal-slepoy-dudu/ (дата обращения: 05.04.2023).

ей вызовом, скатился по ее коленям, отошел в угол и, покраснев от натуги, начал с силой топать ногой и громко выкрикивать в такт: “Ду-ду-ду! Дуду! Потедял! Депой! Дуду! Дудуду!”»

Скрупулезное воспроизведение поведенческих проявлений, дефектов речи особенного подростка сочетается у Григоренко с художественным проникновением в потаенную область его душевной жизни, где случайные впечатления рождали смутные прозрения о неумолимых велениях бытия. Знаковыми вехами на этом пути оказались для Шурика и увлечение «коварной» и «вероломной» городской девочкой Светкой, и припоминание своего крещения, при совершении которого он ощутил «идущее изнутри нежное тепло», когда «вели его от купели к родне». Жестокая шутка односельчанина, который из хулиганства чуть не утопил его, десятилетнего, заставила героя «увидеть ужас» в поглотившей его на мгновение глубине пруда. Однако вопреки и собственной ущербности, и периодически случавшимся на его глазах деревенским трагедиям в нем складывалась «бессловесная уверенность» в торжестве «прекрасной» жизни, превозмогающей ужас. Не до конца вербализованные чаяния Шурика подхватываются сдержанным, но исполненным драматизма авторским словом: «Он и не должен был пропасть, раз уж так вышло, что весь мир за него».

Звенья биографии «маленького человека», связанные с окончанием интерната, освоением столярного ремесла, работой в мастерской, где инвалиды изготавливали «посылочные ящики и табуретки», получением места в общежитии и неприкаянными передвижениями между городом и родной деревней, – прочерчены на объемном эпическом фоне. Трудное вхождение героя в относительно самостоятельное существование совпадает с резким поворотом социальной истории, что искусно детализируется автором в мозаике частных событий, выдающих тектонические разломы народной жизни: «Вскоре в жизни что-то щелкнуло, исчезла привычная страна, немного погодя – колхоз «Победа». В обоих деревенских магазинах… вдруг стало совсем пусто. Но вскоре появились какие-то смуглые небритые мужики, каковых сразу зачислили в цыгане, а с ними – непонятные цветастые бутылки, шоколадки, курево с нерусскими надписями на коробках… Потом исчезли привычные, надежные деньги, а новые были легки и неуловимы, как мошкара… Перемена была еще и в том, что как-то странно стали умирать люди… казалось многим, что смерть утратила причину. Уехал парень в город – и нет его, пропал с концами. Другой сам себе сделал укол какого-то подогретого бензина и околел вмиг. В августе на полевом стане пятеро механизаторов выпили в обед по стаканчику из цветастой иностранной бутылки – так всех пятерых разом и вынесли на кладбище».

В художественном строе повести болезненно-рубленая, часто требующая терпеливого «перевода» речь Шурика служит экспрессивным ритмическим сопровождением как его личной, так и семейной драмы. Под чей-то жалостливый «всхлип» он женится на Ирочке, которая тоже была из интернатовских и «не слышала почти ничего». Зато теща прагматично разгадала «нехитрую механику его души», составила ему протекцию при устройстве на автозавод, однако после рождения ребенка «его уже совсем исключили из общего дела», а Ирочкина мать «несокрушимой своей правотой» усмотрела дальнейшее счастье дочери только «в младенчике» и «просто искренне возненавидела зятя»: «Еще через год Шурик от жены ушел... Стихия изгнала Шурика – он испугался, мигом протрезвел и утром уехал на работу с чемоданом своих вещей».

Проступившая на пороге 30-летия склонность героя к пьянству обостряется его невысказанной горечью от фальши семейных и социальных отношений. В деформированном, но и безжалостно правдивом зеркале несобственно-прямой речи персонажа мелькают и его «забытый отец», который вдруг «решил принять участие в судьбе сына», и безжалостно-расчетливый дядя, «привыкший определять каждому часу свое место», раз за разом изгоняющий Шурика к бабушке и охотно повторяющий чужую клевету на него. Под надуманным предлогом уволенному с автозавода, ущемленному в законном отцовском праве герою, которому «дочку… не давали», оставалось вести горький подсчет своих «изгнаний», «закипевшая было обида осела, стала равнодушием… он бессловесно чувствовал в этом игру какой-то внешней, непонятной ему силы».

С надрывом выражая свое отринутое миром «я», Шурик на пределе душевного волнения мог порой «заорать, не дожидаясь приглашения», строки из бабушкиной песни «Потедял депой дуду», а сама бабушка видится ему путеводной звездой, воплощением исцеляющей от страданий женственности. В сюжетном рисунке повести уход бабушки знаменует трагическую кульминацию родовой истории, влечет за собой целую «череду смертей», «будто к Валентине были привязаны жизни других людей», усугубляет атомизацию семьи и дает толчок длительной тяжбе братьев из-за наследства.

В неизбывном «внуке» Шурике воспоминания о бабушке пробуждают восходящий к детству дар тайновидения, устремленность к инобытию, что приближало его к «почти равнодушному согласию» с земными бедами. *«Маленький» перед внешними испытаниями человек наделяется у Григоренко глубоким мистическим чувством, чье действие художественно постигается в духе «фантастического» реализма*. Когда бабушка заведовала библиотекой, Шурик имел незначительный опыт чтения, но со временем почувствовал, что силой воображения «знал несуществующие книги», «мог читать во сне». После нападения злоумышленников он в полубеспамятстве валялся в снегу и спасался лишь тем, что каким-то уцелевшим краем сознания «читал» послание от бабушки, которое вводило его в бессмертную жизнь, одухотворенную единением человеческих душ. Это письмо он «подобрал где-то в воздухе, в котором растворены мысли и слова людей – живущих и умерших, – слова и мысли, никогда не покидающие землю». Сокровенным зрением герой всматривался в «покосившийся забор старческих букв», а «дух его, временно отпущенный на волю», возвестил ему трагическую перспективу непродолжительного земного пути, поэтому теперь «не было уже того прежнего Шурика, уверенного с самого рождения, что весь мир за него».

В повествовании о Шурике нарастает звучание лейтмотива ускользающей реальности, *разрушение социальных связей оборачивается для него метафизическим правдоискательством и блужданиями между мирами*. Ему все чаще «казалось… что люди перестали узнавать его», что жизнь сродни «бесконечному течению, которое никаких мыслей не требовало». Утрата паспорта из-за козней интернатовских «ребят» означала потерю им и без того шаткого социального статуса, скитания по улице «обледеневшим мартовским утром» как будто растягивали время и превращали его в «бездомный день», вызывали чувство, что «впереди простирался огромный непонятный день», что «маленький город стал еще меньше», а в отношениях с избегающими его родственниками «теперь встала перед ним стена». Отчуждаясь от современности, Шурик мысленно возвращается к «письму» бабы Вали, слышит, как в деревне по старинке «окала бабушкиным

голосом песенка», таинственным образом «три года без бабушки он разговаривал с ней, не замечал ее отсутствия, он сам был жив и уже потому в глубине себя не верил в бабушкину смерть», представлял ее молодой, неустанно переосмыслял свои прошлые отношения с ней. Внутренний голос этого «отчасти юродивого», «ушедшего в себя человека»[1] льется как будто помимо его воли, его мелодия свободна от «глухонемых» акустических изъянов, от бремени «овечьей покорности» и переносит героя через порог инобытия, направляет к критическому самоисследованию на перепутье между «двумя правдами»: «Ему скажут: мы помогали тебе всегда, а что ты? Тебя отовсюду прогнали – из семьи, с работы. Ты пьешь, опустился до бродяги. Ну и что, что ты глухонемой, посмотри, как живут такие, как ты. Они сами карабкаются, к тому же государство им помогает. Ты карабкаешься? Нет. Ты обращался к государству? Опять же нет. Почему ты не можешь так же, как другие? У тебя проблемы, а у нас? Наши беды ты знаешь? Ты – ленивый, пьяный, грязный – хоть раз спросил нас, как мы бьемся? И за что мы бьемся? За жизнь, Шурик. За нормальную и как таковую. А тебе тридцать шесть лет. Ведь если бы ты пришел сразу и трезвый, тогда, наверное… Он перебирал в уме эти слова, простые, как гвозди, и понимал, что они тоже – правда, такая же, как и его собственная. Можно, конечно, спросить: отчего же вы с бабушкой так хорошо, а со мной – нет… Так он и жил, между двумя этими правдами, не зная, какая из них сильнее».

Едва уловимыми, но и психологически достоверными «эманациями» бабушки Валентины овеяны в повести натуры Дины и Анны.

Вместе с интернатовской воспитанницей Диной, которая лелеяла к Шурику едва ли не материнские чувства и ласково внушала ему: «Никому тебя не отдам, мой мишка плюшевый», – он «в новом обличье – в шортах, гольфах, яркой майке» успел предстать перед живой еще бабушкой, когда «вела его под руку красивая молодая женщина». Милость судьбы угадывалась в том, что это было «единственное имя, которое он выговаривал, не искажая ни звука». Вдохновение Шурика от нежной привязанности к Дине как будто вытекало из прошлого общения с бабушкой, которая «умерла, а жизнь у Шурика только начала разворачиваться». Не имевший прежде своего угла, он вместе с новой возлюбленной снял комнату, «слегка приподнялся над землей, впервые ощутив себя хозяином». Беременность Дины сулила ему восполнение упущенного в прошлом браке отцовства, однако хрупкие чувства героини заглушаются былыми травмами, повседневной неустроенностью, переживанием крушения возлагавшихся на так и не повзрослевшего Шурика надежд. Невольно поддаваясь синдрому «маленького человека», Дина «обижалась на саму жизнь, она казалась ей приближающимся страшным катком, который раздавит ее именно в тот день, когда надо будет рожать, она стала замкнутой, руки ее молчали целыми днями, и эти руки доводили Шурика до слез… этот большой мальчик, похожий на глазастого медведя ее детства, мальчик, которого она сама выбрала и приручила, вовсе не способен превратиться в мужчину, он вечный внук… Она плакала оттого, что так неожиданно рухнула эта любовь, которую теперь оставалось только вспоминать».

Если в болезненном мироощущении Дины преломилось характерное и для Шурика навязчивое видение себя в роли извечной жертвы враждебных обстоятельств, то его дальняя родственница Анна из Нижнеудинска близка ему своим правдоискательством, получившим, в сравнении со стихийными порывами Шу-

[1] *Трунин К.* «Потерял слепой дуду» Александра Григоренко (2016): trounin.ru/grigorenko16/ (дата обращения: 05.04.2023).

рика, более заостренное протестное выражение. Жена инженера полка, который был, впрочем, «не по-военному мягким человеком», она дерзнула на банкете по случаю 7 ноября перед всем гарнизоном обличить в крепостнических «повадках» могущественного «начальника тыла подполковника Мана, подтянутого, звенящего хама». Долго живя вдали от Шпигулиных, Анна помнила о Шурике, «судьба этого мальчика, памятного тем, что как-то не по-детски степенно радовался он, когда она дарила ему заграничные игрушки, запала ей в душу и отвлекала от спокойной жизни». Она укоряет родню Шурика за то, что тот «по подъездам… ночует», проникается «азартом большого дела» и самоотверженно заботится о его тошнотворно пахнущих немытом теле и обмороженных ногах, «бинтует эти страшные тумбы», сочувственно наблюдает, как он у нее «ел – жадно, громко, незнакомо, как дикий». Она предпринимает волевое усилие по радикальному переустроению его судьбы; как бабушка, когда-то учившая Шурика говорить, Анна «кричала на него, доставая по слогам всю его историю», своими хлопотами вернула ему возможность быть полноправным «человеком с документами» и словно для какой-то иной жизни обработала его свадебную фотографию, откуда безжалостно «отсекла невесту». По горькой иронии судьбы очень скоро на могильном кресте окажется «тот самый свадебный снимок Шурика, который Анна разрезала большими ножницами, – в уголке виднелось белое плечико невесты»…

Бесприютная смерть не сразу опознанного А.А. Шпигулина на улице от переохлаждения, угроза того, что он при живых близких «будет похоронен как безродный», нескладное поминание покойного его разобщенной родней, то ли покаянные, то ли равнодушные воспоминания дяди о «мальчике с лицом неваляшки», что «лежит под землей, рядом с их матерью», – довершают трагическую картину ослабления семейных связей, утери нравственных ориентиров в общественной жизни на рубеже исторических эпох. В финале произведения гнетущая атмосфера отчасти просветляется сочувственным, брошенным с недоступной людям высоты взглядом «белого февральского змея» на посмертную маску Шурика, которая «сохранила немногие детские черты», интуицией этого доброго духа о посмертном пути исстрадавшегося на земле «маленького человека»: «И змей сказал про себя: “Вот, Александр Александрович, и приложился ты к праотцам своим, и, может, с праотцами тебе лучше будет, потому как старики и дети всегда рядом, они похожи, и любовь меж ними бестревожная, неспешная, не как у расцветших, занятых людей”».

Итак, повесть А. Григоренко содержит потенциал семейного романа, разворачивающегося на фоне перипетий середины и второй половины прошлого века вокруг короткой жизни чудаковатого, физически неполноценного, но душевно незамутненного и наделенного мистическим чувством «маленького человека». Произведение примечательно сопряжением социально-бытовых реалий и прорывов к инобытию, местным речевым колоритом, эскизными, но выписанными емкими психологическими штрихами характерами, пронзительным изображением женских индивидуальностей. Хроникально организованный сюжет о современном «маленьком человеке» увенчивается неожиданным путешествием во времени: притчевой историей о «той самой дуде, помогающей людям не растерять друг друга»[1], о странствовавшем «в сенокос 1860 года» «слёпом» старике, чья вдохновенная игра на «знатной дуде» сплачивала его незрячих спутников, ведь «вроде нестояща вещь была, а всех вместе держала».

[1] *Сергеева Н.* Александр Григоренко «Потерял слепой дуду»: zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2811 (дата обращения: 05.04.2023).

ЛИТЕРАТУРА

Григоренко А. Потерял слепой дуду // Октябрь. 2016. №1 (magazines.gorky.media/october/2016/1/poteryal-slepoj-dudu.html).

Ратников С. «Потерял слепой дуду» Александра Григоренко: stepanratnikov.ru/blog/literature/poteryal-slepoy-dudu/ (дата обращения: 05.04.2023).

Сергеева Н. Александр Григоренко «Потерял слепой дуду»: zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2811 (дата обращения: 05.04.2023).

Трунин К. «Потерял слепой дуду» Александра Григоренко (2016): trounin.ru/grigorenko16/ (дата обращения: 05.04.2023).

Трушина О. Хочется, чтобы это стало классикой: «Потерял слепой дуду»: kasdom.ru/r_kultura/r_kontekst/11296/ (дата обращения: 05.04.2023).

REFERENCES

Grigorenko A. The Blind Dudu Lost. Oktyabr. 2016. No 1 (magazines.gorky.media/october/2016/1/poteryal-slepoj-dudu.html).

Ratnikov S. “The Blind Dudu Lost” by Alexander Grigorenko: stepanratnikov.ru/blog/literature/poteryal-slepoy-dudu / (date accessed: 05.04.2023).

Sergeeva N. Alexander Grigorenko “The Blind Dudu Lost”: zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2811 (date accessed: 05.04.2023).

Trunin K. “The Blind Dudu Lost” by Alexander Grigorenko (2016): trounin.ru/grigorenko16 / (date accessed: 05.04.2023).

Trushina O. I want it to become a classic: “The Blind Dudu Lost”: kasdom.ru/r_kultura/r_kontekst/11296 / (date accessed: 5.04.2023).

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,	Ilia B. Nichiporov,
доктор филол. наук	Doctor of Philology
профессор	Professor
филологический факультет	Philological Faculty
МГУ имени М.В. Ломоносова	Lomonosov Moscow State University
	il-boris@yandex.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2023-5-3-16-25

А.В. Сергеев (Москва, Россия)

Йенс Петер Якобсен – первый датский писатель «Современного прорыва»

Аннотация: В статье анализируются эстетические взгляды и основные мотивы художественной прозы Й.П. Якобсена, активного участника культурного движения Г. Брандеса «Современный прорыв», ставившего своей целью создание верного жизни проблемного искусства. Якобсен внес заметный вклад в развитие литературы Скандинавии, которая к концу XIX в. вышла на передовые позиции в Европе.

Ключевые слова: эстетические взгляды, мотивы творчества, проблемное искусство, заметный вклад

A.V. Sergeev (Moscow, Russia)

J.P. Jakobsen as the First Writer of the "Modern Breakthrough"

Abstract: The article analyzes the aesthetic views and main artwork motives of Jens Peter Jacobsen, who actively participated in the Georg Brandes' cultural movement "Modern Breakthrough," that aimed at creating a true to life problematic art. Jacobsen made a significant contribution to the development of literature in Scandinavia, which by the end of the 19th century reached the forefront in Europe.

Key words: aesthetic views, motives of creativity, problematic art, notable contribution

Йенс Петер Якобсен (1847–1885) – один из самых ярких и самобытных датских писателей второй половины XIX в. В 1870-е гг. он активно участвовал в культурном движении Г. Брандеса «Современный прорыв», целью которого ставилось создание верного жизни проблемного искусства. Как и другие видные участники «прорыва», Х. Ибсен, Б. Бьёрнсон, А. Стриндберг, Х. Банг и др., Якобсен внес заметный вклад в развитии литературы Скандинавии, вышедшей к концу XIX в. на передовые позиции в Европе.

Якобсен родился в городе Тистед в богатой купеческой семье. В 1863 г. он переехал в Копенгаген изучать биологию. В университете Якобсен был удостоен золотой медали за работу о пресноводных водорослях. Главными достоинствами молодого ученого, по мнению профессорского жюри, были огромное трудолюбие и целеустремленность. Еще на студенческой скамье Якобсен увлекся теорией Дарвина, которая в то время активно обсуждалась в научных кругах. Труды Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) и «Происхождение

человека и половой подбор» (1871) Якобсен перевел на датский язык и опубликовал в журнале «Нют данск монедскрифт» (1870–1874), освещавшем на своих страницах последние достижения в области естественных наук, философии, искусства и художественной литературы. Редактором журнала был известный литератор и переводчик Ф.В. Мёллер (18461904). Он разделял радикальные убеждения Г. Брандеса и сумел сделать свой журнал рупором идей «Современного прорыва». В журнале Якобсен опубликовал несколько статей о дарвинизме. В одной из них он писал о задачах современного естествознания: «Мы изменим представление о произвольном, установленном сверхъестественным образом порядке вещей в пользу представлений о ясной природной упорядоченности, а культу чувств придется уступить место удовлетворению более высоких духовных потребностей» [Писатели Скандинавии о литературе 1982: 25]. Другой источник формирования представлений Якобсена – сочинения немецких философов, критиков религии. Дарвинистское преклонение перед закономерностями в природе дополняется у Якобсена фейербаховским атеизмом. «В христианстве, на мой взгляд, слишком много противоречащего законам природы. Я предпочитаю относиться к христианству как к своего рода мифологии» [Dansk litteratur historie 1971, 3: 62].

На фоне усиленных занятий естественными науками у Якобсена выработалось особое отношение к художественному творчеству. Его увлекала идея создания литературы, которая, подобно науке, могла бы дать ответ на все волнующие человека вопросы. «Бывают моменты, когда мне кажется, будто изучение природы – мое призвание, но иногда я думаю, что должен посвятить себя литературе. Если бы мне удалось выразить вечные законы природы, ее чудеса и загадки на языке поэзии, то, почти убежден, сумел бы создать нечто новое, выходящее за рамки обыкновенного» [Dansk litteratur historie 1971, 3: 61].

Первую попытку объединить научные интересы с художественным творчеством можно отнести к 1875 г., когда у Якобсена возник замысел романа «Атеист». Этот замысел так и не был осуществлен, однако к проблеме атеистического мировоззрения Якобсен вернется, когда начнет работать над романом «Нильс Люне» (1880). В период с 1866 по 1869 г. Якобсен пишет множество стихотворений, предполагая издать их в двух поэтических сборниках «Герберт Сперринг» и «Кактус расцветает». Однако философская глубина и поэтическое своеобразие лирики Якобсена не были по достоинству оценены издателями. Оба сборника стихотворений были изданы уже после смерти Якобсена, в 1886 г.

Сотрудничая в журнале, Якобсен тесно сблизился с Г. и Э. Брандесами. Он участвовал в работе созданного ими в 1872 г. «Литературного общества», в котором живо обсуждались острые проблемы общественной и культурной жизни страны и которое в консервативных кругах называли «Обществом безбожников».

Дружба с братьями Брандес имела большое значение для формирования эстетических взглядов Якобсена. Он разделял идеи Г. Брандеса о литературе, которая создавалась бы на основе научного подхода к явлениям действительности и – одновременно – защищала бы право личности реализовать заложенные в ней возможности. Как и для Г. Брандеса, материалом творчества должна была служить «вся реальность бытия», исключающая «трансцендентальные сверхчувственные формы». «Писателю следует руководствоваться знанием законов природы в самом широком смысле этого слова и не переступать грань, отделяющую точное знание от всевозможных догадок и гаданий» [Breve fra J.P. Jakobsen 1968: 120]. Якобсен был согласен с Г. Брандесом и в том, что «изображение исторической и

культурной среды в художественном произведении должно быть точным и убедительным» [Ibid.: 128].

В то же время далеко не все во взглядах Г. Брандеса на художественное творчество удовлетворяло Якобсена. «Сегодня после лекции мы возвращались домой вместе с твоим братом и беседовали о датской литературе. Господи, как в наших взглядах мало общего» [Ibid.: 112], – писал он Э. Брандесу 13 марта 1873 г., выражая решительное несогласие с Г. Брандесом по вопросу тенденциозности искусства. «У меня нет желания принимать участие в дискуссиях о литературе, которая якобы обсуждает проблемы, тогда как ответ на них уже дан заранее», – пишет он далее и заявляет, что «смертельно устал» от лозунга «ставить проблемы на обсуждение» [Ibid.: 113]. По поводу романа Бьёрнсона «Флаги веют над городом и над гаванью» (1884) Якобсен иронически заметил: «Что за вздорное желание сделать главной проблемой романа требование улучшить преподавание психологии в женской гимназии. Просто удивительно, как неглубоко эта проблема вошла в плоть и кровь романа. Вместо нее можно было бы с успехом взять любую другую, и содержание книги ни сколько бы не изменилось» [Ibid.: 156].

В отличие от Г. Брандеса, считавшего, что главная задача писателя – постановка общественных проблем, Якобсен предлагал сосредоточиться на внутренней жизни человека, показать, как раскрывается в нем высокое духовное начало. Именно «духовная эволюция должна быть в центре внимания автора, даже если у читателя может возникнуть впечатление, что характеру героя недостает цельности» [Ibid.: 133], – писал он, объясняя «отсутствие настоящей развязки» в «Кукольном доме» Ибсена незавершенностью развития личности героини. Эта особенность ибсеновской драмы обусловлена тем, что «развитие персонажей, если они изображены правдиво и жизненно, не может вдруг прекратиться, оно постоянно, как в самой действительности. Отношения между людьми не есть нечто застывшее, и, сколько бы мы ни убеждали себя, что в них внесена окончательная ясность, пока герой жив, они все равно будут развиваться и всякий раз требовать новой исчерпывающей характеристики» [Ibid.: 130]. И, напротив, навязывание личности заданной идеи, как, например, у Золя, противоречит жизненной правде. «Человек в одно и то же время жалкое, страшное и удивительное животное. Золя же утверждает, что человек даже в наиболее привлекательных проявлениях своего естества необычайно отвратительное животное» [Ibid.: 132]. Золя, по мнению Якобсена, извращает реальную картину человеческой натуры, которая не может быть оценена однозначно.

Впервые свое представление о задачах литературы Якобсен воплотил в рассказе «Могенс» (1872), считающемся литературным манифестом «Современного прорыва». В нем повествуется о молодом человеке, в образе которого, на первый взгляд, много общего с героями романтической литературы. Сын богатого и влиятельного чиновника, Могенс удалился от общества и ведет одинокую жизнь в лесу, где он ощущает гармонию с окружающим миром. Однако его отношение к природе отлично от ее обожествления романтиками. Могенс не признает ничего якобы скрытого в ней таинственного и сверхъестественного. И если природа лишена божественного начала, значит, нет оснований верить и во всемогущего Создателя. Когда во время пожара гибнет невеста Могенса, он в отчаянии молит Бога сделать так, «будто бы ничего не случилось, и невеста вернулась бы к нему». Но небеса глухи к его мольбам. И тогда Могенс теряет веру в «любимого Бога». Проходят годы, Могенс женится, любовь дарит ему возможность вновь ощутить

полноту жизни. В финале рассказа Могенс словно сливается с природой, когда вместе с молодой женой выходит из дома и направляется через ржаное поле к подножью холма.

Современников писателя «Могенс» покорил прежде всего яркой образностью, красочным колоритом, изяществом и лиричностью поэтического стиля, – все это, безусловно, свидетельствовало о выдающемся таланте молодого писателя. Но не менее важной была новизна и оригинальность воззрений, представленных автором в рассказе. «Могенс» – это гимн человеку, решающему проблему выбора самого себя, своей человеческой сущности, и решающему ее не в иллюзорном мире мечты, а в реальной действительности.

Изображению этого трудного, подчас мучительного процесса, требующего от человека максимального напряжения духовных сил, посвящены романы писателя «Фру Мария Груббе» (1876) и «Нильс Люне» (1880).

Весной 1873 г. Якобсен прочитал Г. Брандесу две первые главы романа «Фру Мария Груббе», и летом того же года уехал за границу. Он направился привычным для скандинавских писателей маршрутом через Германию и Австрию в Северную Италию. В Дрездене Якобсен встретился с Э. Брандесом, и они вместе продолжили путь на юг. Когда они прибыли в Венецию, Якобсен простудился и заболел, у него горлом пошла кровь. Он повернул назад и возвратился на родину, в Тистед, где прошел медицинское обследование. Врачи обнаружили у Якобсена прогрессирующую форму туберкулеза, не оставлявшего больному никакой надежды. Через одиннадцать лет борьбы с тяжелой болезнью писателя не стало.

После возвращения в 1874 г. на родину Якобсен нашел в себе силы продолжить прерванную из-за поездки работу над романом. Он несколько раз выезжал из Тистеда в Копенгаген изучать архивные материалы. Главной героиней романа он решил сделать Марию Груббе, заметную фигуру в датской истории XVII в.

Образ Марии Груббе неоднократно привлекал к себе внимание датских писателей. Впервые загадку Марии Груббе попытался разрешить Людвиг Хольберг, которого заинтересовал вопрос: что заставило супругу внебрачного сына датского короля Фредерика III увлечься человеком низкого сословия? В начале XIX в. С.С. Бликер историю Марии Груббе положил в основу рассказа «Дневник сельского пономаря» (1824). Он изобразил ее под именем Софии и перенес действие из XVII в XVIII в. Судьба Марии Груббе волновала и Х.К. Андерсена, который рассказал о ней в истории «Предки птичницы Греты» (1870). Андерсеновская Мария Груббе – сильная и свободная личность – оказалась по духу наиболее близка Якобсену. Однако религиозная идея бренности земной жизни и вечности жизни небесной, воплощенная Андерсеном в истории, не наша отклика у писателя. В отличие от великого сказочника он решил дать судьбе героине романа «научное, исторически и психологически верное» объяснение.

В «Фру Марии Груббе» Якобсен не случайно обратился к жанру исторического романа. Изучение прошлого полностью отвечало его интересам ученого. В процессе работы над романом ему пришлось изучить множество «старых документов, писем и свидетельств <...> об убийствах, прелюбодеяниях, церковных расходах, рыночных ценах <...>, об осаде Копенгагена, о бракоразводных процессах, о крещении детей; списки товаров, родословные, надгробные проповеди», свести воедино «многочисленные зарисовки пестрых событий», сообщения о которых он нашел в архивах, и «связать все это едиными неразрывными нитями» [Ibid.: 132], – словом, воссоздать картину жизни и нравов датского общества XVII в.

Главную героиню романа Марию Груббе он собирался изобразить в полном соответствии с культурно-исторической средой, обычаями и нравами того времени: «Мой план заключался в том, чтобы изобразить Марию Груббе как главное историческое лицо романа, которому я дал подзаголовок “Из семейной жизни XVII столетия”, во всевозможных событиях и происшествиях в культурно-исторической действительности, во всем, чем обусловлено развитие действия…» [Ibid.: 78]. Современникам образ Марии Груббе в романе показался идеализированным. По мнению Х. Банга, опиравшегося на исследования ученых-историков, Мария Груббе была плоть от плоти невежественной среды, где под тонким слоем культуры скрывались дикие первобытные инстинкты. Однако Якобсен не считал, что образ героини романа не соответствовал исторической правде. Писатель не был склонен приукрашивать события и людей, которые несли на себе отпечаток грубости и жестокости нравов своего времени. Точно так же он не собирался представлять героиню романа жертвой врожденных «дурных инстинктов» или неотвратимого влияния среды. Якобсен ставил перед собой задачу совершенно иного рода. В лице Марии Груббе он хотел создать образ человека, отстаивающего естественное право личности «быть самим собой» и проявить лучшие свои качества, заложенные в нем природой. Мария Груббе для Якобсена – это самобытная, цельная натура, для которой борьба за право любить и быть любимой составляет смысл и содержание всей ее жизни.

Образ Марии Груббе в романе находится в постоянном развитии. Якобсен изображает юную Марию своевольной, импульсивной, живущей в мире фантазий. Она выросла без матери, а отец никогда не был близким ей человеком. Копенгагенская родственница, фру Ригице, обращается с Марией ничуть не лучше, чем любовница ее отца. Девушка чувствует себя всюду чужой, никому не нужной. Горьким разочарованием оборачивается для нее встреча с «молодым полководцем» Ульриком Христианом. Блестящий рыцарь вызывает в ней восторг и восхищение, ей кажется даже, будто она его рабыня и несвободна больше: «Словно ей наступили ногой на затылок, словно растоптали ее в прах... Но горечи в этом чувстве не было». Однако зрелище Ульрика Христиана на смертном одре, когда, утратив былое мужество, он поднимает вверх обломки сломанной шпаги со словами «прости, Иесусе, прости!», убеждает ее, что он вовсе не тот герой, о котором она так мечтала. Марии остается только «утешаться чтением духовных книг о мирской суете и бренности всего земного». Однако своей красотой и очарованием Мария по-прежнему привлекает к себе внимание мужчин. Вскоре она влюбляется в королевского сына Ульрика Фредерика и выходит за него замуж. Но и он не тот человек, который ей нужен. Опьянение первых дней замужества проходит, и ничто не может заполнить душевную пустоту, избавить от ощущения «бесконечного одиночества и покинутости». После грубого насилия над ней она пытается ударить пьяного мужа кинжалом: «лучшее и благороднейшее в ее натуре» бунтует. Любовь уступает место «невыразимому отвращению». И все же неудачи и разочарования не сломили ее, а, напротив, сделали самостоятельной и зрелой, воспитали чувство духовного превосходства над людьми: «...взор стал теперь свободен и вольно озирается на весь Божий мир, в движениях появилась спокойная уверенность, в речах – почти враждебная утонченность, а в выражении лица – умная осмотрительность».

Следующая встреча – со Сти Хоем, которого в мимолетном ослеплении Мария принимает за «сильного и свободного» человека. Сти Хой поверяет ей, что принадлежит к «потайному содружеству меланхоликов», охваченных жаждой наслаждений. Но они не приносят им радости, потому что за каждым успехом

следует разочарование, и всякое счастье отмечено мыслями о смерти и тлене. Поэтому их тайная мечта – церковная келья, аскеза и одиночество, которые только и могут наполнить душу покоем. Мария выслушивает страстные признания Сти Хоя с удивлением. Ей кажется, что его исповедь – это исповедь больной души. Марии тоже знакомо гнетущее чувство тоски, которая, по словам ее священника, не что иное, как «тоска каждой христианской души по царствию небесному». Мария в это не верит, но страшится, что сама не сумеет ощутить всю полноту жизни, такой «великой и богатой». «Гордиться надо бы да радоваться, сколько силы есть, что и ты тут на этом свете. Будь то горе, будь то счастье – лишь бы я страдала да радовалась... Пусть бы жизнь взяла меня в оборот, унизила или вознесла... Пусть бы истаяла я в горе либо сгорела от радости» – она готова принять от жизни все, как хорошее, так и плохое. Она хочет быть безраздельно преданной мужчине, но только если этот мужчина – «хозяин своей судьбы».

Полгода совместной жизни со Сти Хоем убеждают ее в том, что он далек от ее идеала. Теперь она и сама уже не верит, что сможет быть счастливой. Напрасно Мария пытается заглушить тоску развлечениями, которые благодаря богатству может себе позволить. В нее влюбляется молодой и пылкий Золотой Ремигий. Его любовь помогает ей утолить душевную боль. Но он умирает, и Марии не остается ничего другого, как по настоянию отца выйти замуж за «скупого и мелочного» Пале Дюре и провести с этим ничтожным человеком долгие шестнадцать лет жизни.

И вот наконец встреча с молодым конюхом Сёреном Меллером, бесстрашно спасающим из конюшни лошадей во время пожара. Эта встреча неожиданно пробуждает в ней «те же самые заманчивые, полные предчувствий мечты и неугомонные надежды, от которых дрожью била ее молодость». Мария знает, что связь с Сёреном уронит ее в глазах людей ее круга, но это ее не пугает. Ведь в Сёрене воплотилась ее мечта о настоящем мужчине.

В последней главе романа Мария – женщина преклонных лет, спокойная, уверенная в себе и не сомневающаяся в правильности своего выбора. В ее жизни было много страданий, но она никогда не изменяла себе и, не считаясь с мнением других, не думая о богатстве и положении в свете, в конце концов все же одержала победу, добилась своего: нашла и полюбила человека, с которым обрела счастье и душевный покой. «Движущая сила в жизни Марии Груббе часто обозначается автором как “længsel” (русск. тоска, жажда, желание. – *А.С.*), – пишет С.М. Кристенсен. – Это эрос – воплощение могучих сил природы, вечного инстинкта продолжения жизни, бессмысленного или унижающего, по мнению пессимистов, “святого” или “божественного”, в глазах тех, кто любит жизнь. Якобсен как ученый не любил рассуждать о тайнах бытия, но, без всякого сомнения, верил во взаимосвязь природных явлений, в эту жизненную силу, выступающую в различной форме во всем живом, в растениях, животных, человеке. В то же время он не собирался редуцировать эрос до простого либидо или животного инстинкта, а хотел видеть его облагороженным мечтой, духом, культурой. Поэтому он и употреблял слова “længsel”, “higen”, обозначающие одновременно и проявление бессознательного инстинкта и его неразрывную связь с духовным началом, идеалом и мечтой» [Kristensen 1970: 40].

Оценивая роман, Г. Брандес выразил сожаление, что Якобсен не противопоставил «смелую, упорную, необузданную Марию» «смиренным, набожным женщинам» и что он не позволил Хольбергу, «самой светлой, самой разумной голове скандинавской литературы вершить суд над варварством той эпохи» [Kristensen 1970: 40].

Однако Якобсен предпочел роль более объективного исследователя жизни. Он изобразил Марию человеком верующим, однако лишенным христианского смирения и не раскаивающимся в совершенных ошибках. Беседуя с Хольбергом, Мария говорит о себе как о человеке, который «жестоко коснел в грехе и соблазне, но затем долгие годы своей жизни клал все силы, чтобы исполнить свой долг, хотя ни на молитве, ни в открытом покаянии не оплакивал своего прежнего жития». Мария прожила свою жизнь так, как ей подсказывала совесть, она «веровала, по разумению своему, что живет праведно, не надеясь на загробное воздаяние и не молясь о нем».

Проблема духовного освобождения личности, затронутая в финале «Фру Марии Груббе», становится центральной в романе Якобсена «Нильс Люне», создававшемся в период с 1876 по 1880 г. В июле 1875 г., еще до выхода в свет «Фру Марии Груббе», Якобсен сообщил Г. Брандесу, что обдумывает план «романа о современности», в центре которого «проблема атеизма». С этого момента упоминание о новом романе в письмах Якобсена встречается постоянно. В декабре 1876 г. он пишет Мёллеру, что отсылает издателю последние страницы «Фру Марии Груббе» и тотчас же приступает к работе над новой книгой: «Ее основная мысль будет иметь нечто общее с “Отцами и детьми” Тургенева, и она будет более личной, чем “Фру Мария Груббе”» [Breve fra J.P. Jakobsen 1968: 132]. Якобсен оставляет за собой право «каждую новую книгу писать по-новому, независимо от требований каких-либо школ и стилей», сообразуясь только с «требованиями материала». Его новый роман – это «лирическая исповедь» человека, чье «мировоззрение обычно называют пессимистическим, хотя таковым оно вовсе не является». «Герой романа – один из нас, хотя принадлежит к поколению перед нами», заявляет он и добавляет, что проблемы этого поколения он «понимает лучше, чем кто-либо другой» [Ibid.: 133]. В письме Г. Брандесу в декабре 1877 г. Якобсен сообщает, что решил дать роману название «Нильс Люне» с подзаголовком «История одной юности». Он повествует «о людях, которым в то время было столько же лет, сколько нам сейчас, и среди них были свои собственные атеисты <…>. Молодежь в моем романе взрослеет, влюбляется, заблуждается, сбивается с пути, сражается, лишается иллюзий <…>, открывает для себя, как трудно быть атеистами, подвергаясь, с одной стороны, воздействию с детства воспринятых традиций и осуждению со стороны общества – с другой. И все это представлено в мягких, расплывчатых тонах, окутано туманом и погружено в мир любовных томлений, мук, предчувствий, фантазий. В центре романа психологическое исследование характеров» [Ibid.: 138].

Мысль о том, какие трудные требования ставит человеку новое, атеистическое мировоззрение, – ключевая для замысла романа, в котором речь идет о «плохом атеисте», мучительно решающем для себя проблему отказа от религии. Реальной основой проблематики романа послужили острые дебаты по религиозным вопросам, вспыхнувшие в середине 1860-х гг. между епископом Х.Л. Мартенсеном (1808–1884), с одной стороны, и университетскими профессорами философии Р. Ниельсеном (1809–1884) и Х. Брёкнером (1820–1875) – с другой. В этих дебатах участвовал и Г. Брандес, принявший сторону своего учителя профессора Брёкнера. В своих аргументах против Мартенсена Г. Брандес опирался на Фейербаха, для которого мир религиозных представлений возник как отчуждение и объективирование человеческих свойств и желаний. Фейербаховский взгляд на религию как проявление «бессознательного самосознания» человека нашел свое отражение и на страницах романа Якобсена.

Действие романа «Нильса Люне» охватывает период с 1830-х по 1860-е гг. Якобсен обращается в нем к традиционной жанровой структуре «романа воспитания», прослеживая, как и в «Фру Марии Груббе», процесс духовной эволюции героя от его юных лет до последних дней жизни (герой гибнет в датско-прусской войне 1864 г.). Однако, в отличие от объективной по стилю повествования исторической хроники, в «Нильсе Люне» максимально усилено лирическое звучание, а основной конфликт перенесен в душу, и сознание героя и является ключом к самовыражению его личности. Впервые в истории скандинавских литератур создается художественное произведение, в котором субъективное личностное начало играет доминирующую роль. В письме Мёллеру весной 1881 г. Якобсен характеризует содержание романа как «лирическое выражение мировоззрения героя» [Ibid.: 206].

История духовных исканий Нильса Люне – это упорная борьба с романтической мечтательностью, с иллюзорной верой в потустороннее за обретение своего истинного «я», борьба человека, несмотря на поражения и неудачи способного выстоять и торжествовать над обстоятельствами и собственной судьбой.

Жестокая реальность жизни впервые по-настоящему открывается маленькому Нильсу в тот момент, когда умирает от туберкулеза его молодая и красивая тетя Эделе, а его страстные мольбы к Богу «сотворить чудо и не забирать у них ее» остаются без ответа. Потрясенный Нильс отворачивается от Бога, «вырывает его из своего сердца». Но этот бунт еще не означает прощания героя со «сказочной верой во всемогущего Вседержителя, у которого всегда наготове чудо». Он только подтачивает устои его религиозного мировоззрения.

Нильс всерьез заявляет о своем атеизме в студенческие годы, когда усваивает «новые идеи» времени. В духе фейербаховского материализма он доказывает своему приятелю, доктору Йеррилю, преимущество нового, научного мировоззрения перед старым, религиозным: «...в тот день, когда человечество, ликуя, возгласит: “Бога нет!” – в тот день, словно по волшебству, родятся новая земля и новое небо! <...> И как обогатится жизнь, когда все вместится в ней, а не будет оставаться вовне. Поток любви, сейчас восходящий к Богу, вернется на землю, когда опустеет небо, и нежно прольется на все те людские особенности и черты, какими мы изукрасили Бога, чтобы сделать его достойным поклонения». Доктор Йерриль тоже атеист, но он лучше, чем Нильс, разбирается в людях и поэтому скептически относится к его словам: «Вера в карающего, правящего Творца – последняя великая иллюзия человечества, и что, как оно ее утратит? Положим, оно станет умней; но богаче ли, счастливей?»

Весь ход событий в романе подтверждает обоснованность сомнений доктора Йерриля. Процесс расставания со старым, религиозным мировоззрением и замена его новым, атеистическим необычайно сложен. Он требует от героя подлинного мужества, полной мобилизации всех душевных сил. В несчастьях, выпадающих на его долю, полагаться только на себя, на свои силы Нильсу намного труднее, чем надеяться на «покровительство небес». Нильс признается своей юной жене Герде в том, «как мучительно тяжела и безотрадна правда атеизма в горький час в сравнении со светозарным сном о Вечном отце, которому дано разрешать все сомнения». И когда Герду поражает смертельная болезнь, а следом за ней уходит из жизни их единственный сын, Нильс ощущает, что ноша атеизма слишком тяжела, и у него нет сил ее нести. В отчаянии, что он не может спасти умирающего сына, Нильс на коленях молит Бога о помощи, «только Его есть сила вовеки».

Однако точку в споре Нильса с доктором Йерриля ставит не эта сцена, а финальная часть романа. Смертельно раненный в грудь Нильс на больничной койке ожидает своего смертного часа. Но он не теряет мужества. Нильс отказывается от предложения доктора Йерриля пригласить к нему священника, и, «умирая трудной смертью», «бредит о доспехах и о том, что он умрет стоя».

Г. Брандес не был удовлетворен новым романом Якобсена. «В “Нильсе Люне” слишком много разговоров о Боге» и «все атеисты показаны в нем людьми несчастными» [Omkring «Niels Lyhne» 1970: 16], – писал он Э. Брандесу 18 декабря 1880 г., полагая, что Якобсен мог бы более последовательно отстаивать атеистическое мировоззрение. Но, стремясь к безусловной правдивости изображения, Якобсен поставил перед собой иную задачу – показать, что «жить по законам самой жизни», не питая пустых иллюзий и ложных надежд, – трудный личный выбор, требующий огромного напряжения сил.

«Твердость души и та дорогая цена, которую надо за нее заплатить, – вот в каком направлении повертывается в романе проблема отказа от религиозного мировоззрения и создания мировоззрения нового, чисто человеческого» [Адмони 1969, XIV: 233], – пишет исследователь, по мнению которого такой подход к смене религиозного мировоззрения атеистическим, предъявляющим огромные требования к человеку, сближает Якобсена с Ибсеном и Достоевским.

Восторженную, хотя и неоднозначную, оценку замысла Якобсена в романе «Нильс Люне» дал С. Цвейг: «Его Нильс Люне, этот тщедушный полупоэт, был, по сути дела, задуман как борец, как трагический герой, вступивший в самую грозную борьбу духа – в богоборчество. Он был призван стать жертвой и мучеником богоборчества, богоотступничества, того героического атеизма, который возвестил новому миру новое откровение: «Нет бога, и человек – пророк его». Отнюдь не то, что больше всего пленяет нас в этой книге, отнюдь не душевные тревоги личности, пасующей перед действительностью, а богоборчество мысли было всего важней для Якобсена» [Цвейг 1963, 7: 63]

Для современников писателя творческие достижения Якобсена ознаменовали безусловную победу в датской литературе реалистического (натуралистического) направления: «Те, чьи воззрения, эстетические и этические, во время битвы были поставлены на карту, восторженно приветствовали писателя-победителя. Ему был воздвигнут памятник, ставший своеобразной “вехой” <…>, обозначилась граница между старым и новым в датской литературе» [Банг 1982: 25]

Художественное творчество Якобсена оказало заметное влияние на развитие литературы скандинавских стран и поставило его в один ряд с выдающимися европейскими писателями конца XIX – начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Адмони В.Г. Роман Йенса Петера Якобсена «Нильс Люне» // Скандинавский сборник. Вып. XIV. Таллин, 1969.

Банг Х. Й.П .Якобсен // Писатели Скандинавии о литературе. М. 1982. С. 24–36.

Цвейг С. Й.П. Якобсен // Цвейг С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1963. С. 457–465.

Brandes G. J.P. Jakobsen // Samlede skrifter. Bd. 3. København, 1919. S. 3–74.

Breve fra J.P. Jakobsen. København, 1968. 214 s.

Dansk litteratur historie. Bd. 3. København, 1971. 608 s.

Ferlov N. J.P. Jakobsen's «Niels Lyhne» // Jakobsen J.P. Niels Lyhne. København, 1952. S. 7–23.

Kristensen S.M. Digtning og livssyn. København, 1970. 140 s.

Omkring «Niels Lyhne». København, 1970. 317 s.

REFERENCES

Admoni V.G. Jens Peter Jacobsen's Novel "Niels Lühne". In: Scandinavian Collection. Issue XIV. Tallinn. 1969.

Bang H. J.P. Jakobsen. In: Scandinavian Writers about Literature. Moscow. 1982, ss. 24–36.

Zweig S. J.P. Jakobsen. In: Zweig S. Collected Works: In 7 vols. Vol. 7. Moscow. 1963, pp. 457–465.

Brandes G. J.P. Jakobsen. In: Samlede skrifter. Bd. 3. København, 1919, ss. 3–74.

Breve fra J.P. Jakobsen. København. 1968. 214 s.

Dansk litteratur historie. Bd. 3. København. 1971. 608 s.

Ferlov N. J.P. Jakobsen's "Niels Lyhne". In: Jakobsen J.P. Niels Lyhne. København. 1952, ss. 7–23.

Kristensen S.M. Digtning og livssyn. København, 1970. 140 s.

Omkring "Niels Lyhne". København. 1970. 317 s.

Сведения об авторе:

Александр Васильевич Сергеев,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Aleksandr V. Sergeev,
PhD
Associate Professor
филологический факультет
Lomonosov Moscow State University

av-sergeev@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2023-5-3-26-36

А.Ю. Папченко (Москва, Россия)

Языковая ситуация в Андорре в свете эпилингвистических данных

Аннотация: В статье рассматриваются эпилингвистические данные о языковой ситуации в Андорре, полученные в рамках исследований, посвященных этнографии языковой политики в этой стране. Несмотря на благоприятную ситуацию для единственного государственного языка – каталанского, эпилингвистические высказывания субъектов языковой политики указывают на расширение функционала испанского языка за счет использования его в качестве языка общения между носителями разных языков, языка социальной интеграции для мигрантов, языка частного бизнеса и в ряде других сфер.

Ключевые слова: каталанский язык в Андорре, языковая ситуация, эпилингвистика, эпилингвистический дискурс, языковая политика

A.Y. Papchenko (Moscow, Russia)

The Language Situation In Andorra In The Light Of Epilinguistic Data

Abstract: The article examines epilinguistic information on the language situation in Andorra within the framework of research dedicated to the ethnography of language policy in this country. Despite the favorable situation for the only official language - Catalan, epilinguistic statements of language policy subjects indicate the expansion of the functionality of the Spanish language through its use “by default” as a language of communication between speakers of different languages, a language of social integration for migrants, a language of private business, and in a number of other spheres.

Key words: Catalan language in Andorra; language situation; epilinguistics; epilinguistic discourse; language policy

Если обратиться к концепции лингвистической справедливости, впервые сформулированной бельгийским философом Филиппом Ван Парайсом [Van Parijs 2015], то единственный принцип, способный обеспечить равные права разным языкам, – это принцип лингвистической территориальности, который заключается в том, что каждый язык на определенной территории должен быть доминирующим во всех смыслах, беря на себя все функции по обслуживанию определенного общества. В первую очередь это касается двух сфер: образования и публичной коммуникации, т. е. языка административных институций в широком смысле – от

судов, государственных СМИ, законодательных актов и представительных органов до вывесок в общественных местах.

В этом смысле княжество Андорра, самое крупное из карликовых государств Европы, расположенное в восточных Пиренеях между Францией и Испанией и ассоциированное с ними, являет собой единственный пример реализации принципа лингвистической справедливости, по Ван Парайсу, в отношении каталанского языка: в этой единственной в мире стране он признан единственным государственным языком.

В пункте первом статьи 2-й Конституции Андорры однозначно говорится, что официальным государственным языком страны является каталанский язык: «La llengua oficial de l'Estat és el català» (La Constitució, el títol 1, article 2). [BOPA, 1993]. Это положение развивается и уточняется с помощью многочисленных юридических инструментов, главным из которых является «Закон о порядке использования официального языка» (Llei d'ordenament de l'ús de la llengua oficial) от 2000 г., который регулирует использование языка в государственных институтах, образовании, СМИ, топонимии, туризме, общественном транспорте и других сферах. Это закон дополнен многочисленными нормативными актами для более детального регулирования – настолько, что практически не оставляет правовых лакун в этой сфере, устанавливая «необходимый уровень владения каталанским как для муниципальных полицейских, так и для желающих обновить вид на жительство или получить андорранское гражданство, попутно затрагивая использование языка в образовательных центрах, на горнолыжных курортах и в торговых предприятиях княжества» [Jiménez-Salcedo 2015: 221].

Несмотря на такую консолидированную государственную языковую политику в отношении каталанского, языковой ландшафт в стране ни в коем случае нельзя назвать одноязычным. Помимо каталанского в Андорре широко распространены также испанский, французский и португальский языки, что связано, в первую очередь, с экономическим и демографическим скачком: всего за полвека население страны увеличилось практически в 12 раз – с 6189 жителей в 1955 г. до 73600 в 2009 г. – за счет притока иммигрантов, сначала из Каталонии, а затем из других частей Пиренейского полуострова, включая Португалию, выходцы из которой составляют одну из четырех основных диаспор страны.

Миграционная политика Андорры позволяет сохранять гражданство страны происхождения, что привело к любопытному демографическому казусу: собственно граждане Андорры составляют менее 50 % населения, а не так давно их было даже меньше, чем жителей с испанским паспортом. По данным на 2020 г. население Андорры по гражданству в количественном и процентном отношении делится на следующие группы [Departament d'Estadística 2021a; 2021b]:

Гражданство	**Количество**	**Процент**
Андорранцы	37 999	48,1 %
Испанцы	19 211	24,6 %
Португальцы	9 083	11,6 %
Французы	3 423	4,4 %
Другие	8 299	11,3 %
Всего	78 015	100 %

Андорранское правительство в целях осуществления собственной языковой политики в течение нескольких последних десятилетий регулярно проводит социо-

лингвистические исследования, что позволяет оценить эволюцию владения наиболее многочисленными языками и изменения в процентном соотношении использования различных языков. Так, опрос 2014 г. впервые за 20 лет зафиксировал в том числе преобладание использующих в домашнем обиходе только каталанской язык по сравнению с использующими только испанский [Torres-Pla 2016]:

	1995	**1999**	**2002**	**2009**	**2014**
Только каталанский	41,2%	31,9%	25,4%	26,2%	33,9%
Только испанский	20,5%	26,8%,	28,4%	28,9%	26,9%

Известный каталонский социолингвист Жоаким Торрес-Пла объясняет это тем, что в целом за последние годы увеличился процент населения Андорры, родившегося внутри княжества и на других каталаноязычных территориях, что и обусловило прирост использования каталанского на протяжении второго десятилетия этого века.

Исследователь заключает также, что социолингвистическая эволюция Андорры в последние годы являет собой достаточно специфический случай в мировой демолингвистической панораме именно в силу заметных положительных сдвигов в том, что касается владения каталанским языком и его использования: «Совсем не часто происходит заметный рост использования языка в такой важной функции, как язык семейного общения, после того как это использование сокращалось долгое время, оставшись в ходу менее чем у трети населения» [Torres-Pla 2016].

Наряду с увеличением использования каталанского в семейном общении, выросла доля андорранского населения, для которого этот язык родной [Nationalia, 2022]. Если в 2018 г. в этом рейтинге лидировал испанский (43,2 %), за ним следовал каталанский (35,7 %), а затем с большим отрывом португальский (17,1 %) и французский (8,9 %), то в 2022 г. каталанский впервые с 1995 г. обогнал испанский – родным его назвали 44,1 % жителей страны старше 14 лет, что делает каталанский первым родным в Андорре, тогда как испанский является родным для 40,3 % населения (в 1995 соотношение было 42,7 % для родного каталанского против 34,6 % родного испанского).

Данные опросов, безусловно, отражают успехи и завоевания языковой политики андорранского правительства, которая, как уже было сказано, отличается большой (большей, чем, например, в соседней Испании) детализацией на законодательном уровне. Однако выводы о состоянии и функционировании каталанского языка, как правило, проистекают из статистических исследований, которые не всегда отражают истинное положение дел в обществе, особенно в тех сферах, где остаются вне юридически регулируемого поля. Ясно, что место каталанского языка в Андорре не может быть понято без анализа функционирования других языков, в первую очередь испанского, присутствие которого настолько велико, что приводит на практике к ситуации, сходной со сложившейся в соседней Каталонии – развитому каталано-испанскому билингвизму значительной доли населения.

Одновременно методы социолингвистических опросов лишь весьма приблизительно позволяют оценить не декларативные, а реальные компетенции говорящих в разных языках. Так, например, результаты опроса о языковых компетенциях в четырех основных языках, оцениваемых информантами по шкале от 0 до 10, таковы [EAI 2019: 12–13]:

	Понимает	**Читает**	**Говорит**	**Пишет**
Каталанский	8,9	8,6	8	6,6
Испанский	9,6	9,4	9,3	8,8
Французский	6,1	5,7	5,3	4,4
Португальский	4,5	3,3	2,7	2

Эта таблица демонстрирует, в частности, что каталано-испанский билингвизм андорранского населения в соответствующих группах неравноправен как минимум в сфере письменного владения языком, несмотря на успехи государственной политики в отношении каталанского языка. Представляется, что в подобной ситуации мультилингвизма большое практическое значение приобретают исследования в рамках этнографии языковой политики, которая в последние годы стала одним из перспективных методов изучения языковых практик, утверждая, что «низовые» процессы играют не менее значимую роль, чем языковые политики, проводимые правительством.

Основным принципом этнографии языковой политики является изучение «агентов, контекстов и процессов на нескольких уровнях создания, интерпретации и присвоения языковой политики» [Johnson 2013: 44]. Таким образом, она «может снять противоречия между взглядом на языковую политику как исключительно на действия властей (макроуровень) и учетом активного творчества отдельных говорящих (микроуровень). Более конкретно, этот подход предполагает взгляд на политику как социокультурный процесс, и тогда в анализ вовлекаются практики, идеологии, установки и механизмы, которые влияют на выбор языка людей повсеместно и повседневно» [Хилханова 2020].

Такого рода механизмы и установки, связанные с репрезентацией языка, которая отражает результаты размышлений носителей языка об их языковой компетенции и практике, обсуждаются через термины «метаязыковой дискурс», «субъективный дискурс носителей языка», «эпилингвистика». «Комплекс методов и методик эпилингвистики помогает «вскрыть» степень осознания языка и его репрезентацию в сознании носителей. Говоря о категориях эпилингвистики, репрезентации языка в сознании носителей или об осознании языка, нужно иметь в виду, что речь идет об идеологических, а не концептуальных категориях, не о реальном репертуаре языка, а о его символическом, даже мифологическом бытии. Однако идеологический характер данных понятий не делает их ни научной фикцией, ни произвольными конструктами. Именно высокий престиж и положительная репрезентация каталанского языка, подавляемого на протяжении большей части XX в., позволили в относительно короткий срок нормализировать язык и придать ему статус официального в Каталонии сразу после падения режима Франко» [Вио, Москвичева 2013: 93].

В этом смысле важно проанализировать эпилингвистический дискурс субъектов языковой политики в Андорре, которые, выступая в разном качестве, становятся «творцами» языковых политик в разных сферах, в первую очередь в семейной, политической, образовательной, общественной и культурной. Такая задача, в частности, была поставлена в полевом исследовании эпилингвистических высказываний Хуана Хименеса-Сальседо [Jiménez-Salcedo 2021], проведенном с участием следующих категорий субъектов языковой политики:

- преподавателей, которые непосредственно осуществляют языковое регулирование в учебных центрах;

- пользователей образовательных услуг (родителей школьников), которые определяют семейную языковую политику и в этом вопросе взаимодействуют с учителями;
- чиновников, связанных со сферой образования;
- политиков, не отвечающих непосредственно за проведение государственной политики, но имеющих глобальное понимание контекста и сути вопроса;
- журналистов, имеющих большой опыт наблюдения над реальностью, в том числе языковой.

На основании интервью, с методологией которого подробно можно ознакомиться в [Jiménez-Salcedo 2021], были получены эпилингвистические оценки использования разных языков в Андорре в ряде сфер, где это использование не регулируется законодательством, но которые, однако, имеют определяющее значение для описание языковой ситуации. Рассмотрим подробнее некоторые из этих сфер.

ОБЩЕНИЕ МЕЖДУ РАЗНОЯЗЫЧНЫМИ ГРУППАМИ НАСЕЛЕНИЯ

Результаты анализа высказываний респондентов показывают, что при общении между носителями разных языков на территории Андорры языком «по умолчанию», т. е. таким, который будет первым использоваться в ситуации, когда языковая принадлежность собеседника неизвестна, является испанский. Информанты называют его языком, «который все знают», «наименьшим общим кратным», «лингва франка», «общим языком», приводя в качестве примера ситуации такого рода: «Если в кафе ты заговариваешь с кем-то на общие темы, в трех случаях из десяти разговор пойдет по-каталански, в остальных случаях – по-испански». Сами респонденты не считают такое положение дел провалом государственной языковой политики, объясняя его некой социальной динамикой.

Одним из механизмов этой динамики следует, видимо, признать ту самую «любезность», от которой предостерегал французский политолог Жан Лапонс, когда говорил «чем любезнее люди, тем коварнее языки» [Laponce, 1984]. Лапонс имел в виду, что когда выбор языка зависит от доброй воли говорящих, то не обслужить, например, на почте человека, который обратился не на том языке, значит поступить не любезно. Но, проявляя любезность, говорящий еще сильнее ослабляет и так более слабый язык.

Нечто подобное, согласно участникам опроса, происходит в Андорре в ситуациях повседневного общения не только среди знакомых людей, но и, например, в сфере услуг, если каталаноговорящий андорранец чувствует, что кто-то из его собеседников не владеет каталанским в достаточной степени, чтобы продолжать общение. Это приводит к сокращению сфер эффективного использования каталанского, что выражается в ситуациях, которые один из информантов описывает так: «если в компании из шести человек двое не говорят по-каталански, все шестеро между собой будут разговаривать по-испански».

Одним из возможных объяснений конвергенции узуса в пользу испанского является самый факт многоязычия андорранцев и их способность адаптироваться к языку собеседника. Кроме того, представление о том, что испанский – язык «по умолчанию», получает «подпитку» в позиции многих представителей испаноговорящего сообщества, которые убеждены в том, что им достаточно их языка, чтобы вести «нормальную» жизнь в Андорре, и что им не нужен для этого никакой другой язык (уж во всяком случае не каталанский, хотя многие из них на нем говорят). Это, по словам респондентов, ярко проявляется в поведении испаноязычных

учеников в школах андорранской системы: в классе они говорят по-каталански, но переключаются на испанский, как только выходят в коридор. Это дает неожиданный эффект, когда, например, франкоязычные дети, не имеющие контактов в обиходной жизни с испанский языком, выучивают его только благодаря неформальному использованию в школах во внеучебное время.

Никто из информантов не сомневается в важности роли каталанского как языка государственного общения, называя испанский, наоборот, «языком личного, приватного общения». Однако, несмотря на отсутствие у испанского официального статуса и при том, что он, по сути, является иностранным языком в Андорре, респонденты отмечают рост случаев его использования в ситуациях формального, публичного общения в качестве общего языка для разноязычных групп населения. В таких случаях прибегающие к нему представители андорранского истеблишмента оправдывают свой выбор необходимостью «быть понятыми всеми».

Отсутствие официального статуса (и требований придать таковой) в действительности только укрепляет позиции испанского в качестве «общего языка», поскольку такая ситуация не кажется говорящим «представляющей проблему». Соответственно, действия правительства по укреплению статуса каталанского языка некоторым группам граждан видятся излишними, поскольку проблематизируют то, «в чем нормальные люди не видят проблемы».

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ

О языковой интеграции иммигрантов в Андорре нет точной статистики, однозначно можно сказать только, что разные группы иммигрантов по-разному ведут себя в языковом плане: некоторые, особенно те, для кого родной язык не испанский, достаточно успешно овладевают каталанским. Но есть и довольно многочисленные группы, которые интегрируются в общество с помощью испанского языка. Это отчасти можно объяснить тем, что тот самый «социальный лифт», который обеспечивает владение каталанским (доступ к определенным должностям или процессам, которые были бы недоступны без владения оным), не представляется многим приезжим, во-первых, понятным (они не понимают, какие именно функции выполняет государственный язык и как он может быть им полезен); во-вторых, привлекательным (их не интересуют предлагаемые им возможности).

Особенно любопытна в этом смысле интеграция португалоговорящих иммигрантов, выбирающих испанский язык в качестве более нужного «общего» языка. Это происходит, как правило, в среде экономических мигрантов с низким образовательным уровнем, которые в свое время приехали в Андорру – часто на ограниченный период времени – для выполнения неквалифицированных работ, что не требует знания каталанского. Такие коллективы, обосновавшись в конце концов в стране, укрепили и укрепляют позиции испанского как языка общения между разными языковыми группами в Андорре.

Информанты в целом оценивают эту ситуацию как негативную с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения характеристики андорранского общества, в котором до сих пор бытует стереотипизированное отношение к португальской диаспоре как к закрытой, консервативной, обособленной группе, что не способствует лучшей интеграции ее членов в каталаноязычные круги. Во-вторых, с точки зрения действий андорранской администрации, которая не смогла выработать и предложить такому демографически значимому этнолингвистическому сообществу, каковыми являются португалоязычные андорранцы, эффективных инстру-

ментов для языковой интеграции. Отсутствие последовательной политики в этом отношении касается также и других языковых групп, что достаточно тревожно для страны, в которой проживают так много мигрантов и их потомков.

СФЕРА ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Все информанты отмечают все большее распространение испанского языка в частнопредпринимательском секторе, где не требуется демонстрировать знание каталанского языка, как в государственном секторе, хотя именно частный бизнес является экономическим «локомотивом» в Андорре. Так, в сфере услуг и торговли в столице страны Андорра-ла-Велья, клиентами которой являются в основном иностранцы, работники часто знают каталанский только на уровне понимания, а отвечают по-испански, редко встречая сопротивление со стороны клиента. В этом случае сочетается как отсутствие заинтересованности со стороны частных компаний (многие из них иностранные или совместные) в обучении сотрудников каталанскому языку, так и со стороны самих работников, которым оказывается достаточно испанского, чтобы устроиться в том числе на престижную и высокооплачиваемую работу, например в банковском секторе.

Также следует добавить, что сама структура частного сектора за последние десятилетия значительно изменилась: традиционные андорранские торговые предприятия, например, сильно сдали свои позиции в стране, уступив место франшизам, которые в большинстве своем приходят из Испании и также способствуют укреплению испанского языка в этой сфере.

Широкое использование испанского языка характеризует и другие сферы общественной жизни в Андорре. В частности, в сфере административно-правовой коммуникации представители администрации обязательно используют каталанский язык, однако по требованию гражданина может быть использован испанский, что информанты описывают так: «Я знаю, что могу гарантированно получить любую услугу на испанском в стране, где единственным государственным языком признается каталанский».

В сфере культурного потребления испаноязычные продукты также доминируют, особенно в сравнении, например, с франкоязычными. В частности, что касается телевидения информанты отмечали, что «в Андорре 80 % телеканалов вещают по-испански», что «в смысле телевизионной аудитории все точно так же, или почти точно так же, как в любой испанской провинции», что «самый популярный канал в Андорре Tele5, а не TF1 и даже не TV3». Речь идет не о фактических данных, поскольку официально языком средств массовой информации является каталанский. В стране выходят 6 ежедневных газет (все на каталанском языке), а с 2000 г. действует государственная телерадиокомпания RTVA (Ràdio i Televisió d'Andorra). При этом, по ощущению информантов относительно телевизионных привычек сограждан, в Андорре предпочитают самый популярный и в Испании телеканал (Tele5) наиболее востребованным во Франции (TF1) и в Каталонии (TV3).

Что касается культурных привычек среди молодежи, то респонденты отмечают, что помимо массовой культуры (например, кино, которое в 99 % случаев также демонстрируется на испанском) основным языков внешкольного чтения является испанский, вне зависимости от школьной системы, за исключением французских школ. Наряду с этим следует отметить, что школьное образование – одна из немногих сфер, где каталанский (наряду с французским, особенно в школах французской системы) сохраняет устойчивые ведущие позиции, в первую очередь

в силу функционирования системы обязательного образования, предусматривающей три типа государственных бесплатных школ: андорранские, испанские и французские. Языком обучения (lengua vehicular) в андорранских школах является каталанский, но французский вводится уже с четырех лет, в восемь лет вводится английский как дисциплина, а испанский только в десять. В средней школе французский уступает место языка обучения испанскому, хотя в школах французской системы он остается единственным языком обучения на протяжении всех лет. Испанские школы, в свою очередь, делятся на два сектора: государственные светские и частные религиозные, которые управляются соответствующим религиозным орденом. Несмотря на то что оба сектора придерживаются программы Министерства образования Испании, в государственных школах язык обучения испанский, а в религиозных – каталанский.

Кроме того, испанские и французские школы, хотя и подчиняются соответствующим Министерствам образования, обязаны посвящать определенное количество учебных часов так называемой «андорранской подготовке» (formación andorrana, FA) [BOPA 1994], включающей в себя, помимо каталанского языка, историю, географию, культуру, институции Андорры и другие аспекты, которые регулируются специальными французско-испанскими соглашениями и глобальная цель которых – служить инструментом интеграции для детей иммигрантов [Molla 2003: 84; Cairat 2006: 55].

Последние данные [Departament d'Estadística 2018a; 2018b] указывают на то, что 41,2 % учеников записываются в андорранские школы, 32,6 % – во французские и 26,1 % – в испанские, хотя нет данных о распределении учащихся между государственным и частным сектором.

Несмотря на устойчивое положение каталанского языка в сфере образования, которая обеспечивает высокий или достаточный языковой уровень каталанского языка во всех трех типах школ, информанты выражают обеспокоенность тем, что, как уже было сказано выше, во внеучебное время школьники часто используют испанский как общий язык и дети, происходящие из не испаноязычных семей и посещающие французские и андорранские школы, овладевают им в устной форме.

Вообще, распространение испанского языка как языка неформального и межгруппового общения вызывает во всех информантах, вне зависимости от их собственного происхождения и языкового поведения в разных сферах, чувство тревоги, несмотря на то что, как указывают многие исследователи [Cairat 2006] [Margarit 2012], андорранское многоязычие не связано исключительно с иммиграцией, а коренится в самом характере приграничного микрогосударства, где отношения с обеими соседними странами были непрерывными, хотя более активными с Испанией, граждане которой также традиционно наиболее многочисленны в Андорре. Это беспокойство связано не с реальными опасениями политической аннексии со стороны Испании, а с ситуацией социокультурной зависимости от Испании в отсутствие точек опоры для подлинно национального проекта в Андорре.

Это, в частности, происходит из-за ощущения прогрессивной утраты равноудаленности Андорры по отношению к Испании и Франции, которая, по мнению информантов, является ключевой опорой национальной идентичности андорранцев. Так, например, рассуждает об этом один из респондентов: «Сама сущность андорранской реальности заключается в нахождении равновесия между Францией и Испанией [...]. Ни в коем случае нельзя позволить одной из этих идентичностей стать преобладающей, потому что есть риск, что она станет доминирующей. [...]

Этот поиск баланса между двумя идентичностями с целью не дать себя поглотить ни одной из сторон ведется со Средних веков и является основным элементом андорранской идентичности».

ВЫВОДЫ

Эпилингвистический дискурс информантов свидетельствует о преобладании испанского языка, который, парадоксальным образом, является иностранным, но одновременно родным для значительной части населения и языком общения между разноязычными группами населения страны в самых различных сферах общественной жизни в Андорре, несмотря на успех государственной языковой политики в отношении единственного государственного языка – каталанского. Таким образом, оказывается верна гипотеза Ван Парайса [Van Parijs 2011: 13–14], о том, что когда два языка вступают в контакт, более слабый оказывается постепенно вытесняемым более сильным, будь то по причине его более высокого престижа или просто более широкой и активной экспансии.

В том, что касается престижности, вряд ли можно говорить о преимуществах испанского языка перед каталанским или французским, поскольку первый является языком доступа к элитам, а второй, несмотря на миноритарное использование, обладает очень большой символической значимостью как язык культуры и образования, а также как элемент национальной идентичности андорранцев. Однако эпилингвистические свидетельства с ясностью указывают на доминирование испанского как наиболее распространенного языка в обществе, что подтверждается статистическими данными социолингвистических исследований.

То, что испанский взял на себя роль лингва франка, согласно эпилингвистическому дискурсу, имеет два объяснения. С одной стороны, это связано с мультилингвизмом андорранского общества, который в сочетании со здоровым прагматизмом обеспечивает возможность приспособления к коммуникативному контексту, оставляя за каталанским скорее символическую ценность. С другой стороны, в Андорре воспроизводится ситуация каталано-испанского билингвизма, как в Каталонии. Перенос моделей языкового поведения соответствует такой ситуации, которую Лапонс [Лапонс 1984: 107] охарактеризовал как «односторонний билингвизм», т. е. общество является двуязычным, но в действительности только одна из двух групп использует оба языка. На практике это проявляется в том, что в Андорре (и в Каталонии, об этом [Casesnoves 2015]) все языковые группы владеют (в той или иной степени) испанским языком и пользуются им, поэтому испаноязычное сообщество предпочтительно (а в некоторых случаях исключительно) использует свой язык для межгруппового общения, что не означает, что оно не владеет другими языками, в частности каталанским.

С юридической точки зрения это вызывает удивление, поскольку Андорра как суверенное государство обладает механизмами, способными увеличить использование каталанского языка. Это объясняется информантами отсутствием политической воли, мощным присутствием испанского и моделью экономического роста, основанной на труде мигрантов, не всегда имеющих жизненный проект, связанный с постоянным проживанием в стране.

Кроме того, не следует забывать, что в Андорре испанский контактирует с каталанским, динамичным и общественно значимым языком, однако характеризующимся отсутствием достаточных институциональных структур для развития в Испании, основной территории его распространения. Все вместе это порожда-

ет благоприятный контекст для функционирования испанского языка, который не нуждается в официальном статусе, чтобы поддерживать свое доминирующее положение в некоторых сферах общественной жизни в Андорре. В действительности сами информанты, позитивно оценивающие исключительное положение каталанского как единственного государственного языка, не способны сформулировать его практическую значимость кроме как языка государственного общения и компонента мультиязычного ландшафта.

Тем не менее в стране, где традиционные элиты остаются каталаноговорящими, а государственная языковая политика ориентирована на укрепление статуса официального языка, очевидна и ожидаема положительная динамика в его использовании. Однако эпилингвистический дискурс субъектов языковой политики ставит вопрос о том, как долго может сохраняться такое положение дел без учета нерегулируемой экспансии испанского в ряде сфер общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Баканова А.В. Каталанский язык в Андорре: диалектные особенности и социолингвистическая ситуация // Stephanos. 2015. №3(11). С. 68–77. / Bakanova A.V. Catalan Language in Andorra: Dialectal Features and Sociolinguistic Situation. *Stephanos*. 2015. No 3(11), pp. 68–77.

Вио А., Москвичева С.А. Проблема репрезентации языка в сознании его носителей в условиях языкового приграничья: к вопросу о потребности в карельском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. №1. С. 92–97. / *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2013. No 1, pp. 92–97.

Гринина Е.А., Романова Г.С. Экскурс в социолингвистическую ситуацию в Андорре: заметки на полях // Вопросы иберо-романистики: Статьи по итогам X Международной научной конференции. Т. 18. М., 2021. С. 85–93. / Grinina E.A., Romanova G.S. Excursus to the Sociolinguistic Situation in Andorra: Marginal Notes. In: Issues of Ibero-Romanistics: Articles on the results of the X International Scientific Conference. Vol. 18. Moscow. 2021, pp. 85–93.

Хилханова Э.В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. №XVI. 2020: cyberleninka.ru/article/n/lyudi-v-yazykovoy-politike-teoriya-i-praktika-diskursivnogo-povorota-v-sotsiolingvistike-na-primere-rossii-i-zapadnoy-evropy / Khilkhanova E.V. People in Language Policy: Theory and Practice of the Discursive Turn in Sociolinguistics (on the example of Russia and Western Europe). In: Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research. No XVI. 2020.

BOPA. Butlletí Oficial del Principat d'Andorra. 1993 No 24: http://www.comuna.cat/apropiacion-catalunya/Cdu946-DC46.pdf

BOPA: Llei d'ordenament del sistema educatiu andorra, 48. 1994, pp. 1048–1055.

Cagiao y Conde J., Jiménez-Salcedo J. (2015) Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid. Catarata. 304 p.

Cairat M.T. Plantejament lingüístic de l'Escola Andorrana. *Treballs de Sociolingüística Catalana*. 2006. No 19, pp. 53–69.

Casesnoves Ferrer R. Los efectos de la política lingüística en educación: nivel de conocimiento y uso del catalán de los castellanohablantes catalanes, valencianos y baleares. In: Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid. 2015, pp. 131–160.

Departament d'Estadística (2021a): «Demografia i població: Població per parròquia i nacionalitat». Andorra la Vella. 2021: www.estadistica.ad/serveiestudis/web/banc_dades4.asp?lang=1&codi_tema=2&codi_divisio=2780&codi_subtemes=8

Departament d'Estadística (2021b): "Últimes dades". Andorra la Vella. 2021. En línea: www.estadistica.ad/serveiestudis/web/ index.asp

Jiménez-Salcedo J. (2015) El Principado de Andorra: una política lingüística en un contexto microestatal y multilingüe. In: Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, pp. 209–225.

Jiménez-Salcedo J. De lengua extranjera a lengua dominante: representaciones epilingüísticas del castellano en el Principado de Andorra. Revista de Investigación Lingüística. 2021. No 24, pp. 119–145.

Johnson D. Ethnography of language policy. *Language Policy*. 2009. Vol. 8. Issue 2, p. 139–159.

Laponce J. (1984) Langue et territoire. Quebec. 265 p.

Margarit E. (2012) Les relacions frontereres entre el Principat d'Andorra i l'Alt Urgell. Lleida. 342 p.

Molla G. El català a Andorra: tota una lluita. *Revista Philologica Romanica.* 2003. No 4, pp. 73–90.

Nationalia.cat El català torna a ser la primera llengua materna a Andorra. 15.11.2022 : www.nationalia.cat/breu/11506/el-catala-torna-a-ser-la-primera-llengua-materna-a-andorra

Torres Pla J. (15 de septiembre de 2016). Una bona notícia per al català a Andorra. In: Blog de la Revista de Llengua i Dret: eapc-rld.blog.gencat.cat/2016/09/15/una-bona-noticia-per-al-catala-a-andorra-joaquim-torres/#comment-639

Torres Pla J. Presència social de les llengües a Andorra (1995–2014). *Revista de Llengua i Dret*. 2019. No 72, p. 127–145.

revistes.eapc.gencat.cat/index.php/rld/article/view/10.2436-rld.i72.2019.3291/n72-torres-ca.pdf

Van Parijs P. (2011) The Linguistic Territoriality Principle: Right Violation or Parity of Esteem? Bruselas. 2011. 78 p.

Van Parijs P. Por una territorialidad lingüística. In: Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid. 2015, pp. 15–28.

Сведения об авторе:

Анна Юрьевна Папченко,
канд. филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna Yu. Papchenko,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

aanxen@yandex.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-37-46

Н.В. Николенкова (Москва, Россия)

Об индивидуально-авторском значении лексемы «благоговение» в русском литературном языке XVII века: дополнение к историческому словарю

Аннотация: В статье рассмотрено формирование индивидуально-авторского значения лексемы «благоговение» в ученом регистре церковнославянского языка второй половины XVII в. Для данного регистра характерно отношение к языку как объекту моделирования, что во многом и предопределяет поиск Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским, переводчиками текста, разных стратегий перевода. В данном случае авторы используют прием создания нового значения для уже существующей в языковом арсенале лексемы – прием, который традиция описания истории лексики выделяет только для языка следующего столетия.

Ключевые слова: история русского языка, лексика памятников XVII в., индивидуально-авторское значение

N.V. Nikolenkova (Moscow, Russia)

On the Individual Author's Meaning of the Lexeme "reverence" [blagogovenie] in the Russian Literary Language of the 17th century: Supplement to the Historical Dictionary

Abstract: The article considers the formation of the individual author's meaning of the lexeme "reverence" in the academic register of the Church Slavonic language of the second half of the 17th century. This register is characterized by an attitude towards language as an object of modeling, which in many ways determines the search by Epiphany Slavinetsky and Arseniy Satanovsky, translators of the text, for different translation strategies. In this case, the authors use the technique of creating a new meaning for a lexeme already existing in the linguistic arsenal – a technique that the tradition of describing the history of vocabulary allocates only for the language of the next century.

Key words: history of the Russian language, vocabulary of monuments of the 17th century, individual author's meaning

Вторая половина XVII в. в большинстве историко-лингвистических работ рассматривается как период внутреннего распада системы церковнославянского языка, который в результате приводит к прекращению его использования как русского литературного языка и к формированию литературного языка нового типа. Исторические труды и работы в области культурологии описывают данный период как этап подготовки к прорыву в русской культуре начала XVIII в. В.О. Ключевский, к примеру, писал: «...русские люди XVII в. делали шаг вперед и потом останавливались, чтобы подумать, что они сделали, не слишком ли далеко шагнули» [Ключевский 1916: 463]. Важным следствием подготовительного периода историк считал понимание и осознание того, как много разных культурных явлений оказывается вне сферы внимания русских людей. Для характеристики второй половины XVII в. исследователями используются определения «канун Петровских реформ», «переходная эпоха» и другие.

Введение сегодня в лингвистический оборот новых текстов, созданных во второй половине XVII в., подтверждает именно вторую точку зрения: начиная с этого времени происходят определенные перемены в литературном языке Московской Руси – церковнославянском. В.В. Виноградов писал о двух тенденциях в письменности рассматриваемого периода: московские книжники стараются вернуть «чистоту славянской речи», стремясь к архаизации и искусственной славянщизне; параллельно, под влиянием киевской церковнославянской традиции, церковнославянский язык подвергается систематической нормализации и грамматикализации [Виноградов 1982: 10–12]. А.И. Соболевский на рубеже XIX–XX вв. предлагал для последней разновидности формулировку «ученый церковнославянский» [Соболевский 1903: 61]. Про «ученый регистр» церковнославянского языка, формирующийся как раз во второй половине XVII в., писал В.М. Живов; с его точки зрения «ученые» авторы постепенно вырабатывают собственный взгляд на церковнославянский язык «как на свою собственность», язык их текстов начинает восприниматься подобными авторами как язык «их собственной учености»; церковнославянский язык воспринимается «как объект ученого моделирования» [Живов 2017: 883].

Одним из текстов, представляющих этот ученый регистр, является сделанный Епифанием Славинецким и его товарищами в 1650–1660-х гг. перевод с латинского географического трактата «Атлас Блау» [Николенкова 2013; Николенкова 2015]. Атлас, содержащий и астрономические, и географические, и исторические сведения, был новым для читателей Московской Руси жанром (переведенные ранее космографии такой научной направленности, как Атлас Блау, не имели). Перед переводчиками стояла задача предложить читателю новую терминологию, в том числе научную, – и с этой задачей Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский справляются, опережая свое время и предугадывая во многом те принципы, которые лягут в основу формирования русской терминологии в середине XVIII в. [там же].

Помимо терминологической лексики, переводчики сталкиваются с необходимостью передать латинские лексемы, значение которых оказывается новым для потенциального читателя. Переводчики используют разные стратегии: транслитерацию, передачу латинизма более известным грецизмом, попыткой перевода и создания нового слово или словосочетания. В исключительных случаях мы можем столкнуться с приемом, обычно отмечаемым для XVIII в., когда переводчики используют уже известное церковнославянскому языку слово, несколько трансформируя его значение.

В качестве примера мы рассмотрим передачу Славинецким и Сатановским латинского *religio*.

ЛЕКСЕМА «РЕЛИГИЯ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

По данным этимологических словарей, слово «религия» появляется в начале XVIII в. Фасмер пишет, что впервые слово отмечено в 1705-1706 гг. и считает его заимствованием из латинского через польский язык [Фасмер]. Той же точки зрения придерживаются авторы других этимологических словарей, говоря о заимствовании лексемы из польского языка в Петровскую эпоху[1].

Национальный корпус русского языка фиксирует следующие ранние примеры употребления:

> *Протенстантскую религию* во Империи в прежнее состояние, как по Минстерскому договору (по которому король швецкой гарантом) надлежит паки привесть («Гистория Свейской войны», первая четверть XVIII в.);

> Того ради учинилъ ему Султанъ за то жестокой выговоръ, рассуждая такъ: чтобъ или весьма тово не писать или даннаго слова уже не возвращать, потому что Шведской Король чрезъ то лишился своей надежды, а вѣрность Оттоманскаго государства и *Мугамеданскія релігіи* принуждена отъ того терпѣть (І.К. Таубертъ, перевод книги Готлиба Байера с немецкого языка, 1738 г.);

> Он не поносилъ болѣе той *релігіи*, которой, такіе знатные люди, почитали за честь жертвовать все то, что за драгоцѣннѣйшее въ свѣтѣ почитается (перевод с французского повести С.В.Сен-Реала «Исторія о донъ Карлосѣ» (1754 г.) [НКРЯ].

Активно используется лексема в текстах Д.И. Фонвизина, в историческом предисловии М.М. Хераскова к «Россиаде» (1771–1779): «Волтер начинает свою «Генриаду» убиением Генриха III, а оканчивает обращением Генриха IV из одной *религии* в другую». Еще один пример обнаруживается в разборе В. Тузова: «князь Димитрій Кантемиръ въ системѣ своей о *Магомеданской релігіи*…» (1769) [НКРЯ].

Анализ примеров, относящихся к XVIII в., показывает, что чаще всего лексема «религия» употребляется по отношению к чужим (и даже чуждым) вероисповеданиям («Римская *религия*, *религия* язычников, древние религии, отступники *религии*»; в «Историческом изображении жизни…» И. Голикова (1800) читаем о вымышлении «новыхъ въ Религіи Сектъ и Расколовъ» и под.) либо в обобщенном значении ‘вера’. Второе частотно в текстах, противопоставляющих религиозные взгляды философским или научным:

> Но надлежит только взглянуть на самих господ нынешних философов, чтоб увидеть, каков человек без *религии*, и потом заключить, как порочно было бы без оной все человеческое общество!» (из писем Д.И. Фонвизина П.И. Панину, 1778–1779 гг.);

> Коперник умер спокойно в своем мирном жилище, но Тихо де Браге должен был оставить свой философский замок и отечество. Науки, подобно *религии*, имели своих страдальцев (Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника», 1793 г.);

> Если бы можно было извлечь его, например, из Мендельзоновых «Философических писем» или Иерузалемовой книги «*О религии*», то в первых осталось бы одно схоластическое мудрование, а во второй – обыкновенные догматы теологии; но, одушевляемые сим огнем, возвышают они душу читателя (там же) [НКРЯ].

Синонимом «религии», но только в контекстах «православная / христианская вера» может выступать лексема «благочестие»: «Производити восхотел от тьмы неверия ко свету христианскаго благочестия – и дарова Владимира» (Гавриил Бу-

[1] https://gufo.me/dict/

жинский, 1723); «…исповедуем и проповедуем, что она [мудрость. – *Н.Н.*] есть начало и истинный вождь к Закону и благочестию христианскому» (В.К. Тредиаковский, 1752) [НКРЯ].

Лексема «вера» выступает как гипероним: «Принесено его царскому величеству прошение мелетинской царицы Екатерины, что племянник ее Грузинские земли царевич Вахтанг Леонович пленен от персидского шаха, от которого усильственно принуждается, чтоб принял *их веру*, но он однако ж непоколебимо содержит *православную христианскую веру*, и за то он пребывает от шаха под великим гнетом и содержут его в вящей нужде и утеснении» (Петр I, 1715); «Сія домовица *Мусульманскія вѣры* надъ властями великаго властя и учителя Мусульманскаго закона…» (И.И. Лепехин, 1769); «За знатнѣйшую *вѣру* въ Азіи должно почитать *Магометанскую*, а впротчемъ находятся тамъ разныхъ законовъ Хрістіане, Жиды и Язычники» (Политическая География, 1758); Славный Ольгерд умер в 1377 году, не только христианином, но и схимником по убеждению его супруги, Иулиании, и печерского архимандрита Давида, приняв в крещении имя Александра, а в монашестве Алексия, чтобы загладить свое прежнее отступление от *Веры Иисусовой* (Н.М. Карамзин, История государства Российского, 1809–1820) [там же].

Малое распространение и небольшое число контекстов употребления заимствования «религия» стали причиной того, что в Словарь Академии Российской лексема не была включена – в оба издания [САР V: 113; САР2 V: 1034]. В значениях ‘мировоззрение, основанное на вере в сверхъестественные силы’ (современное толкование [БРЭ]), ‘вероисповедание’ и ‘православное вероисповедание’ употребляется «*вѣра*», представленная в САР [САР I: 1007–1032] обширным словарным гнездом, где есть такие примеры: *вѣрный* как ‘исповѣдующій Христіанскую вѣру; послѣдующій Христіанскому благочестію›; *вѣроотступникъ* – ‘тотъ, который отпалъ, отступилъ, отвергся отъ какого закона или вѣры›; *безвѣріе* – ‘непризнаніе никакой вѣры или закона›; *кривовѣрный* – ‘содержащій противныя православной церквѣ мнѣнія или обряды› и т. д., демонстрирующие разные оттенки значения корня. Устойчиво лексема «религия» и образования от нее начинают употребляться лишь в XIX в.: в Словаре 1847 г. наряду с *религія* находим *религіозно*, *религіозность*, *религіозный*; само слово «религія» истолковано как ‘богопочитаніе, вѣра въ Бога’ [Сл-1847 IV: 62]. Значение ‘вероисповедание’ фиксируется у лексемы «религия» в Словаре иностранных слов 1865 г. [Михельсон 1865: 543], там же можно встретить словарные статьи «религіозность» (‘набожность, благочестие’), «религіозный» и «религіозы» в значении ‘в католической церкви монахи’ (в НКРЯ примеров употребления лексемы не зафиксировано).

Как сказано выше, в значении ‘православная вера’ (значение 2: «иогда берется за вѣру Христіанскую») может использоваться лексема «благочестіе» (с более широкой дефиницей ‘набожность, благоговеніе къ Богу› [САР VI: 728]): «во всякомъ благочестіи и чистотѣ» (I Тим 2:2). Прилагательное «благочестивый» толкуется как ‘истинно набожный, благоговѣйный, имѣющій страхъ и любовь къ Богу’ [там же: 729]. Синонимом выступает *благоговѣніе* – «благочестіе, страхъ божій» [САР I: 160], однако примеров употребления в значении ‘какое-либо вероисповедание’ нами не обнаружено. Те же выводы содержатся в словаре XVIII в., где у лексемы «благочестие» выделено значение ‘истинная, христианская вера, православие’, тогда как у лексемы «благоговение» такого значения нет [СлРЯ XVIII].

ВЫБОР ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО И АРСЕНИЯ САТАНОВСКОГО ПРИ ПЕРЕВОДЕ АТЛАСА БЛАУ

До начала работы над переводом Атласа Блау Славинецкий и Сатановский осуществляют перевод словаря Калепино и составляют латино-славянский и славяно-российский лексиконы [Німчук 1973]. В латинской части для перевода *religio, religiositas* выбраны две лексемы: *блг҃очестие*, *блг҃оговѣніе*; *religios(us)* переведено как *блг҃оче(с)тивъ*, *блг҃оговѣненъ* и только для слова «religiose» выбран один вариант – *блг҃оче(с)тивѣ* [там же: 349][1]. Отчетливой тенденции к выбору одного из двух композитов составители славяно-латинского лексикона не отмечают – в переводе на латинский лексем «благоговение» и «благочестие» используются практически одни и те же латинские слова и обороты: «Благоговѣніе. Religio. Pietas in deum. Благоговѣнный. Religios(us). Pius in deu(m). Благоговѣннѣ. Religiose. Pie. Благоговѣнствую. Religiose me gero in deum. Religione teneor. <…> Благочестивый. Pius. Religios(us). Religioni deditus. Благочестивѣ. Pie. Religiose. Благочествую. Pie colo deum». «Благочестіе. Pietas. In deum religio. Благочестивый. Pius. Religios(us). Religioni deditus. Благочестивѣ. Pie. Religiose. Благочествую. Pie colo deum» [там же: 426; 428].

Проводимый нами анализ перевода Атласа Блау в сопоставлении с лексиконами показывает, что Славинецкий и Сатановский могут повторять найденный в процессе создания лексиконов вариант перевода, а могут и находить новые решения. Ярким примером такого подхода является перевод лексемы «geographia»: в лексиконах переводчики предлагают поморфемный перевод и вариант «зе(м)леписание» [там же: 208], однако при работе над Атласом Блау им становится ясно, что данный вариант неудобен при создании связного текста, где употребляется не только существительное «geographia», но и производные от него слова. Результатом становится решение о транслитерации – так в русский литературный язык вводятся слова «география», «географ», «географический» [Николенкова 2015]; при этом ввод в оборот нового текста позволяет изменить словарную информацию и сдвинуть первое употребление слова «география» в русском языке с конца XVII в. на вторую половину XVII в. – как минимум на 40 лет.

При передаче лексемы *religio* переводчики должны были либо выбрать один из двух уже предложенных в лексиконах вариантов, либо искать иной подход (транслитерация либо создание нового слова путем поморфемного перевода). Транслитерацию латинизмов, как показывает наш анализ, Славинецкий и Сатановский используют реже всего (к примеру, таковым является термин «экватор»); более частотна в Атласе Блау передача латинизма грецизмом (например, «peninsula» в [Німчук 1973: 305] переведено как «ѡстровъ, водами ѡбъточе(н)», а в Атласе Блау авторы предпочитают вариант «херсонисъ», восходящий к греческому «χερσόνησος»).

Замена латинизма *religio* грецизмом, по всей видимости, показалась книжникам невозможной, так как латинская лексема не имеет полной параллели в греческом языке. Само слово, по мнению Лактанция и Августина Блаженного [БРЭ], восходит к приставочному глаголу «religo», тогда как греческие частичные синонимы обладают иной словообразовательной структурой (однокорневое «θρησκεία» и композит «εὐσέβεια» в истории церковнославянских переводов с греческого передаются также композитами, чаще всего «благоверие», «благочестие», «право-

[1] Примеры из лексиконов даются в соответствии с орфографией издания, опускаются лишь знаки ударения.

верие» [Пичхадзе 2011: 182]). Переводчики (скорее всего, это решение Епифания Славинецкого) принимают решение использовать для перевода уже известный церковнославянизм, однако делают нетривиальный выбор.

Рассмотрим примеры из перевода первой части Атласа Блау (перевод выполнен Славинецким и сохранился в собрании ГИМ в рукописях Син. 779 – черновик, автограф переводчика; и Син. 19 – беловик, переписанный московским писцом[1]).

Глава «Европа» содержит фрагмент, озаглавленный в латинском варианте Status religionis [Blaeu 1645: 6], переведенный Славинецким как «Оустроеніе *бл(г)оговѣнія*». Далее в латинском перечисляются те вероисповедания, которые на середину XVII в. распространены в Европе:

> *Каѳоліческому блг҃оговѣнію* прилѣпляются всѣ Італійстіи князи; *во(з)ображенному*, еже наричутъ, *блг҃оговѣнію* пріязнствуетъ Агглійскій, Скотскій, и Гібериійскій Царь; *прочая блг҃оговѣнія*... Луѳеранское, Калвінское, Аріанское, Самосатенское, Іудейское; Анаваптісти и т. д. (Син. 19, л. 22).

Сознательный выбор Славинецким лексемы «*благоговѣніе*» не основан на структуре латинского слова, что можно увидеть при переводе словосочетания «reformatæ religioni», где первое слово (включающее ту же приставку re-) переведено поморфемно – «во(з)ображенному» (в латинском лексиконе для перевода reformatio предложены варианты «презижденіе, преѡбраженіе [Німчук 1973: 348]). Как нам кажется, выбор варианта «*благоговѣніе*» свидетельствует о желании переводчика передать не структуру латинизма, а именно смысл его. Выбор же композита свидетельствует о понимании Славинецким взаимосвязи понятий «religio» и греческих лексем[2].

Приведем другие примеры из перевода Епифания Славинецкого. В главе «Ливония» латинский текст сообщает: «in Livoniam adducto, latius religio Christi propagata» [17. С. 16], в переводе «в Ливонію приведенны(м), широчае *блг҃овѣніе* оумноженнѡ» (Син. 19, л. 40); в главе «Унгария» рассказывается: «Religionem Christianam amplexa est Hungaria tempore Regis Stephani»» [17. С. 31 б], т. е. «*блг҃оговѣніе* Хр҃тіанское пріятъ Оунгарія вовремя царя Стефана» (Син. 19, л. 66 об).

Тот же вариант перевода вслед за старшим товарищем выбирает Арсений Сатановский во 2-м томе (рукопись из собрания ГИМ, Син. 780 и беловик Син. 112); в части, где речь идет не о христианстве, а о других религиях, например в главе о Монгольском царстве, раздел носит название: «Incolarem divisio & religio», т. е. «Населникѡ(в) разделеніе и *блг҃оговѣніе*» (Син. 112, л. 189).

Выбор лексемы может быть связан еще с одним фактором. Получившие образование в Юго-Западной Руси, в Киевской школе, Славинецкий и Сатановский владели польским и украинским языками, что отражается в переводе Атласа Блау [Николенкова 2016]. Безусловно, они изучали лучшие филологические труды – грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, а также Лексикон словенороський Памвы Берынды [Німчук 1961]. В последнем встречаются оба композита. Лексема «блг҃очестіе» имеет аналоги «бг҃обойность, побожность, доброе ѡ Бг҃у розумѣнье» [там же: 10]; «блг҃оговѣніе» соответствует вариантам «пріазнь, чисто(сть), боязнь, ѡбачно(сть), ѡпатръбно(сть), набоже(н)ство, побожно(сть)» и

[1] Примеры из рукописей даются гражданским шрифтом с максимальным сохранением орфографии оригинала, не переданы только диакритические знаки; графема «ѧ» последовательно заменяется на «я», а «ꙋ» на «у».

[2] Автор выражает благодарность Ирине Витальевне Тресоруковой и Ольге Михайловне Савельевой за обсуждение семантических связей описываемого латинизма и соотносимых с ним по значению грецизмов.

некоторым другим [там же: 7]. Таким образом, обе лексемы могут быть использованы как аналог польского «побожность» (pobożność). В латинско-польских словарях в качестве аналога pobożność указано *religiositas* [SLP]. Мы считаем, что Славинецкий и Сатановский принимают нетривиальное решение: они выбирают для передачи латинского термина *religio* один из возможных вариантов. Попробуем охарактеризовать их выбор.

ЛЕКСЕМЫ БЛАГОГОВЕНИЕ И БЛАГОЧЕСТИЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ XVII ВЕКА

Исторические словари включают словарные статьи «благоговение» и «благочестие». Оба композита фиксируются в церковнославянском языке с самого старшего периода: «благоговение» фигурирует в одном из ранних русских переводов с греческого – в Студийском Уставе XII в. [НКРЯ], самое раннее употребление «благочестие» также относится к XII в. [СлРЯ XI–XVII 1: 229]. Прилагательное «благоговенный» отмечено в раннем русском переводе Пролога как перевод греческого «εὐλαβής» [Пролог 2011: 38].

Словарь русского языка XI–XVII вв. определяет *благоговение* как ‘благочестие, богобоязненность’ [СлРЯ XI–XVII 1: 196] и приводит примеры употребления XVI–XVII вв.: «Иосифъ… благоговѣниемъ украшенъ» (Ж. Иос. Вол.); «благоговѣние имутъ ко гробу Христову» (Арс. Сух.). Словарь также фиксирует словообразовательную вариативность, к примеру вариант «благоговѣинство» в Житии Нифонта XVII в. [там же].

Словари Нового времени и современные словари ищут и другие толкования к слову: ‘богобоязненность’, ‘религиозный трепет’, ‘глубочайшее уважение / почтение’. Последний вариант толкования появляется уже в Словаре 1847 г. [Сл-1847 I: 50]. Примеры употребления, найденные в НКРЯ, соответствуют этим значениям.

Лексема «благочестие» намного более частотна. В древнерусском корпусе НКРЯ она отмечена в 23-х вхождениях против двух для лексемы «благоговение»; в старорусском подкорпусе слово «благоговение» в принципе не находится. В [СлРЯ XI–XVII 1: 229] лексема «благочестие» истолкована как ‘благочестие’ –вероятнее всего, составители первых томов словаря хотели подчеркнуть неизменность значения лексемы в истории языка (у однокоренных слов фиксируется значение ‘набожный, благочестивый’)[1]. В словаре XVIII в. фиксируется возможность выступать в значении ‘православная вера’, но в словарях XIX в. это значение исчезает, лексикографы возвращаются к значению ‘истинное почитание Бога, благоговение к Богу’ [Сл-1847 I: 59]; отсутствует значение ‘вероисповедание’ и по данным современных словарей.

Таким образом, если выстраивать историю слов «благоговение» и «благочестие» исходя из данных исторических словарей, то можно говорить о их синонимии уже с раннего периода использования в книжном языке, о тенденции к более широкому использованию слова «благочестие» и об отсутствии у одного из синонимов значения, соответствующего термину «религия».

История русской лексики XVII в. исследована на сегодняшний день очень неоднородно. В отличие от лексики XVIII в., которой посвящены отдельные работы (как советского времени, так и современные), идет работа над словарем языка

[1] О трудностях работы над историческими словарями и о многочисленных ошибках, особенно в первых четырех томах, вышедших в 1975–1977 гг. «поистине стахановскими темпами», подробно в [Крысько 2007: 110].

этого периода, лексика XVII в. описывается лишь в исследованиях, посвященных отдельным авторам или отдельным произведениям, а материалы памятников этого периода включаются в общий словарь, охватывающий семь веков. Этот словарь, к сожалению, не может показать историю лексики в диахронии, не отражает изменения значений в разные периоды и не может отразить индивидуально-авторские значения, реализуемые в своих сочинениях и переводах наиболее филологическими ориентированными книжниками, к числу которых относится Епифаний Славинецкий.

При переводе неизвестной русскому книжному языку латинской лексемы *religio* киевские книжники ориентируются, во-первых, на знакомый им польский аналог pobożność, а далее из двух синонимичных лексем выбирают менее употребимую в русском языке XVII в. – лексему *благоговѣние*, формируя у нее индивидуально-авторское значение. Это значение не закрепилось в русском языке в том числе в результате слабой распространенности церковнославянского перевода Атласа Блау и не было подхвачено последующими переводчиками. Интересно, что менее чем через полвека один из переводчиков «Метаморфоз» Овидия с польского языка для передачи польского *pobożność* выбирает лексему «благочестие»: I nie była mniej wdzięczna o Auguście tobie *pobożność* twoich = И не менши прїятно тебѣ было *блг҃очестїе* твоихъ о Августе (по рукописи БАН П I Б. № 101, л. 49 об.[1]). Этот пример еще в большей степени подчеркивает индивидуальный выбор Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского, формирующих тем самым параметры моделирования ученого регистра церковнославянского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Большая российская энциклопедия: bigenc.ru/religious_studies/text/3505105 (дата обращения: 30.04.2023).

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Живов В.М. История языка русской письменности. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 1286 с.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. 3-е изд. М., 1916. 564 с.

Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 103–118.

Лексикон словенороський Памви Беринди / Подг. текста и вст. ст. В.В. Німчук. Киев, 1961. 272 с.

Николенкова Н.В. Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Blaeu) // Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 590–609.

Николенкова Н.В. О слове «география» и его первом употреблении в истории русской письменности // Мир русского слова. 2015. № 1. С. 14–18.

Николенкова Н.В. К проблеме функционирования югозападнорусских регионализмов в церковнославянском тексте XVII в. // Beitrage zum 19. Arbeitstreffen der Europaischen Linguistik (Polyslav). Vol. 60. Wiesbaden, 2016. S. 200–207.

Німчук В.В. «Лексіконъ латинский» та «Лексікон словено-латинскій» і їх місце в історії старої української лексикографії // Лексикон латинський Є.Славинецького. Лекси-

[1] Пример, включенный в доклад на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, любезно предоставлен нам Е.А. Матвеенко.

кон словено-латинський Є.Славинецького та А.Корецького-Сатановського. Київ: Наукова думка, 1973. С. 5–58.

Объясненіе 25000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ / Сост. Михельсонъ. М., 1865. 718 с.

Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 408 с.

Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 856 с.

Словарь Академии Российской. Часть I–VI. СПб.: Императорская Академия наук, 1789–1794.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Часть I–VI. СПб.: Императорская Академия наук, 1806–1822.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975– .

Словарь русского языка XVIII в.: feb-web.ru/feb (дата обращения: 30.04.2023).

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Часть I–IV. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. 944 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: gufo.me/dict/vasmer (дата обращения: 30.04.2023).

Sondel Janusz Słownik łacinsko-polski dla prawników i historyków. Kraków, 1997. xxx, 1004 s.

Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

REFERENCES

Great Russian Encyclopedia: bigenc.ru/religious_studies/text/3505105.

Vinogradov V.V. (1982) Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–20th centuries. 3rd ed. Moscow. Vusshaya Shkola Publ. 528 p.

Zhivov V.M. (2017) History of the Language of Russian Writing. Moscow. Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Press. 1286 p.

Klyuchevsky V.O. Russian History Course. Moscow. 1916. 564 p.

Krysko V.B. Russian Historical Lexicography (11th–17th centuries): problems and prospects. *Voprosy Jazykoznanija*. 2007. No 1, pp. 103–118.

Lexicon of Slovenian Pamvi Berindi / Prep text and introduc. by V.V. Nimchuk. Kyiv, 1961. 272 p.

Nikolenkova N.V. Strategies for the Formation of the Church Slavonic Language as the Language of Science in the 17th century (on the example of the translation of the Blaeu Atlas). In: Slavic Linguistics. XV International Congress of Slavists. Minsk, August 21–27, 2013. Reports of the Russian delegation. Moscow. 2013, pp. 590–609.

Nikolenkova N.V. On the Word “geography” and Its First Use in the History of Russian Writing. *The World of Russian Word Journal.* 2015. No 1, pp. 14–18.

Nikolenkova N.V. On the Functioning of Southwestern Russian Regionalisms in the Church Slavonic Text of the 17th century. In: Beitrage zum 19. Arbeitstreffen der Europaischen Linguistik (Polyslav). Vol. 60. Wiesbaden, 2016, Ss. 200–207.

Nimchuk V.V. “Latin Lexicon” and “Slovene-Latin Lexicon” and Their Place in the History of Old Ukrainian Lexicography. In: Latin lexicon of E. Slavynetskyi. The Slavic-Latin lexicon of E. Slavynetsky and A. Koretsky-Satanovsky. Kiïv. Nukova Dumka Publ. 1973. 490 p.

Michelson Explanation of 25,000 foreign words that have come into use in the Russian language. Moscow, 1865. 718 p.

Pichkhadze A.A. (2011) Translation Activity in pre-Mongol Rus: Linguistic Aspect. Moscow. Manuscripts of Ancient Russia Publ. 408 p.

Slavonic-Russian Prologue according to the most ancient lists. Synaxarion (hagiographic part of the Prologue of the short edition) for September-February. Vol. II: Pointers. Research. Moscow. Publishing Center “Azbukovnik”. 2011. 856 p.

Dictionary of the Russian Academy. St. Petersburg. Imperial Academy of Sciences Press. 1789–1794.

Dictionary of the Russian Academy, alphabetically arranged. Part I-VI. St. Petersburg. Imperial Academy of Sciences Press. 1806–1822.

Dictionary of the Russian Language 11th–17th centuries. Moscow. Nauka Publ. 1975– .

Dictionary of the Russian Language 17th century: feb-web.ru/feb

Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. Part I–IV. St. Petersburg. Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1847.

Sobolevsky A.I. (1903) Translated Literature of Muscovite Russia of the 16th–18th Centuries. St. Petersburg. 944 p.

Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: gufo.me/dict/vasmer

Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

Сведения об авторе:

Наталья Владимировна Николенкова,
канд. фиол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia V. Nikolenkova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

natanik2004@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-47-55

Н.Н. Сакальчикова, Е.С. Штернина (Санкт-Петербург, Россия)

Обучение выражению отрицания в иноязычной аудитории

Аннотация: Предметом исследования является описание случаев выражения отрицания, трудных для иностранных учащихся. С этой целью рассматриваются причины существования проблем при употреблении отрицательных частиц «не» и «ни», а также союза «ни… , ни…». Далее объясняются особенности употребления отрицательных частиц в двусоставных предложениях с подлежащим в именительном падеже и в безноминативных (безличных) предложениях, дается система упражнений для практических занятий.

Ключевые слова: отрицание, безноминативные предложения, безличные предложения, отрицательная частица, падеж

N.N. Sakalchikova, E.S. Shternina (St. Petersburg, Russia)

Negation Expression Teaching in Foreign Language Audience

Abstract: The subject of the study is the description of cases of negative expressions that are difficult for foreign students. For this purpose, the reasons for the existence of problems with the use of negative particles “not” and “neither”, as well as the union “neither ... , nor ...” are considered. Further, the features of the use of negative particles in two-part sentences with a subject in the nominative case and in non-nominative (impersonal) sentences are explained. A system of exercises for practical exercises is also given. Thus, this material can help both teachers and students in mastering this complex topic.

Key words: negation, non-nominative sentences, impersonal sentences, negative particle, case

«Отрицание» в широком смысле этого слова – сложное явление, связанное с различными аспектами русского языка:

1. со структурной схемой предложения; например, предложение со спрягаемой формой простого или сложного предиката отличается по своей структуре от безноминативного предложения – предложения, в котором отсутствует грамматический субъект в именительном падеже: *Он ничего не сказал. – Мне нечего было сказать*;
2. с синтаксической связью слов в предложении: ***Не на чем*** *ехать в центр* (*ехать на чем?*);

3. с коммуникативной значимостью слова в предложении или предложения в целом. Ср.: *Он не пошел в магазин. – Он пошел не в магазин*;
4. с различными смысловыми и модально-оценочными отношениями: *Неужели ты не сдал экзамен?* («удивление») – *Неужели нельзя было убрать свою комнату* («недовольство»);
5. со стилистической принадлежностью высказывания: например, использованием экспрессивно окрашенной лексики в разговорной речи (*Тоже мне учитель! Сам ничего не знает. = Он плохой учитель*) или возможностью употребления отрицательного инфинитива несовершенного вида в официально-деловом общении (*Не звонить мне по пустякам. Не входить без разрешения*);
6. с грамматическими формами слов или со словообразовательными средствами: Ср.: *Не писать. – Не* ***на****писать. Есть словарь* (И. п.) – *Нет словаря* (Р. п.).

Для выражения отрицания в русском языке используются разные языковые средства: частицы *не* или *ни*; префиксы *не-* или *ни-* (в составе отрицательных местоимений и наречий); союз *ни… , ни*; слова *нет*, *нельзя*, *невозможно* и т. д. Также с указанной выше целью применяются частицы-фразеологизмы или синтаксические фразеологизмы. В научной литературе явление отрицания теоретически описано достаточно широко в связи с разными аспектами языка: структурой простого предложения и при его распространении; синтаксическим членением предложения в отношении к актуальному членению; функциями частиц; семантикой отрицательных конструкций. Мы можем убедиться в этом, обратившись к научным трудам исследователей синтаксической и функциональной грамматики, а также морфологических и словообразовательных категорий. Это описание грамматических средств выражения отрицания, а также освещение вопроса, от чего зависит выбор того или иного средства; обязательное и факультативное отрицание; общее и частное отрицание; возможные позиции отрицательных частиц в предложениях разной грамматической структуры; одно или несколько отрицаний в одном предложении; влияние отрицания на формы родительного или винительного падежа, выбор одной из которых зависит от множества условий; смысловые и стилистические нюансы в предложениях при отрицании. Методических же работ, посвященных проблеме обучения иностранцев отрицанию, немного. Обращают на себя внимание недавние исследования Е.С. Штерниной, в которых говорится о необходимости обучения иностранных учащихся отрицательным конструкциям русского языка[1] и сделана попытка описания и подробного рассмотрения функционально-семантического поля отрицания в русском языке с целью помочь иностранцам увеличить их словарный состав, сделать речь более красивой и точной, приближенной к речи носителей языка с помощью, например, выразительных средств, характерных для живой русской речи: *тоже мне*, *как же*, *вот еще*, *где (уж)*, *туда же*, *какое (там)*: «Обучение студентов средствам выражения отрицания в русском языке будет наиболее успешным, если проводится на основе принципов функциональной грамматики»[2].

Очевидно, что тема отрицания в простом предложении широка и трудна даже для русского лингвиста, тем более для иностранца, изучающего русский язык. При содержательной насыщенности данного языкового явления довольно трудно отобрать грамматический материал, посильный и полезный для учащихся опре-

[1] *Штернина Е.С.* К вопросу об обучении иностранных студентов средствам выражения отрицания в русском языке // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Сб. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2015. С. 133.
[2] Там же.

деленного уровня знания языка, и методически правильно его организовать. Нам представляется целесообразным рассмотреть случаи использования отрицательных конструкций, ориентированных на учащихся частично начального, чаще среднего и продвинутого этапов обучения, вызывающих у них затруднения, в связи с изучением той или иной грамматической темы.

1. Частица *не* в двусоставном предложении с распространяющими членами: дополнениями, определениями, обстоятельствами.

Проблема заключается в том, что учащиеся этого уровня умеют употреблять частицу *не* перед глагольным предикатом, но не перед другими компонентами предложения. Поэтому предварительно необходимо показать, что в русских предложениях может быть «нейтральный» (обычный) «порядок следования синтаксических групп и компонентов внутри них»[1], не зависящий или почти не зависящий от контекста, а «нарушение нейтрального порядка обусловлено актуальным членением или появлением экспрессивной стилистической окраски»[2]. Это можно наблюдать как в утвердительных, так и в отрицательных предложениях. С помощью изменения порядка слов и интонации (в устной речи) мы имеем возможность сделать коммуникативным центром сообщения, выделить (актуализировать) отдельное слово или группу слов. Например: 1. *Мой отец купил картину* (утвердительное нейтральное предложение). – 2. *Картину купил мой отец (а не я).* – 3. *Мой отец картину купил (а не получил в подарок).* – 4. *Мой отец купил картину (а не книгу)*; 2, 3 и 4 – утвердительные предложения с разной коммуникативной целью. То же происходит и в отрицательных предложениях: 1. *Мой отец не купил картину* (общее отрицание). – 2. *Мой отец картину не купил (а получил в подарок).* – 3. *Картину купил не мой отец (а я)*; 2 и 3 – отрицательные конструкции с актуализированными членами предложения.

2. Особое место в обучении отрицанию занимают вышеупомянутые безноминативные конструкции. Считаем необходимым пояснить используемый нами термин «безноминативные конструкции»[3]. Само по себе данное словосочетание понятно для иностранных учащихся: «без номинатива – без именительного падежа». Однако суть этого явления становится очевидной только в результате длительной и кропотливой работы над рассматриваемой синтаксической структурой. Дело в том, что большинство предложений в русском языке имеет подлежащее в именительном падеже – грамматический субъект: ***Я*** *учусь в университете*. ***Книга*** *интересная*. *Идет* ***дождь***. Но очень часто предложение строится без именительного падежа, при этом мы говорим о логическом субъекте, который, в зависимости от предиката, его значения в предложении, может стоять в дательном, родительном или винительном падежах: ***Мне*** (Д. п.) *удобно здесь сидеть.* ***У меня*** (Р. п.) *удобно заниматься*. ***Его*** (В. п.) *тошнит*. Логический субъект может формально отсутствовать, если из контекста бывает понятно, о ком конкретно идет речь: *Приятно с вами познакомиться* (например, отсутствует субъект «мне»). *Дом нужно ремонтировать* (например, «тебе»). Иногда субъектом действия выступает не лицо, а предмет: *В этом солнечном месте* ***растениям*** (Д. п.) *комфортно*. Нет необходимости указывать на логический субъект и в случае, если действие не относится к конкретному лицу, но имеет место описание явлений природы. Ср.: *На улице холодно* («всем»). – *Мне холодно* (конкретно «мне»). *Светает*. *Из открытого окна дуло*.

---

[1] *Ковтунова И.И.* Порядок слов // Русская грамматика [1980]. Т. 2: Синтаксис. М., 1980. С. 196.
[2] Там же.
[3] *Сакальчикова Н.Н.* Говорите правильно: Пособие по грамматике русского языка для иностранных учащихся. СПб.: Северная звезда, 2019. С. 26.

С безноминативными конструкциями иностранные учащиеся знакомятсяна начальном этапе обучения и осваивают их на уровне почти свободного владения языком. Представляется возможным выделить минимум два типа таких предложений.

I. В качестве предиката используется слово, не требующее именительного падежа: количественные слова – *много, мало, несколько, сколько*; модальные слова – *нужно, надо, можно, нельзя*; наречия – *тепло, холодно, трудно, полезно, жаль, пора* и др. Для указания на время действия или состояния необходим вспомогательный глагол, который имеет безличную форму (3 л., ед. ч., ср. род прошедшего времени или 3 л., ед. ч. будущего времени). Отсюда и традиционное название таких предложений – безличные предложения. На начальном этапе изучения русского языка учащиеся узнают, что с этой целью используется глагол «быть». Например: *У него* ***было много*** *друзей. Там у него* ***будет много*** *друзей*. Также вспомогательную грамматическую функцию могут выполнять и другие глаголы: бывать, становиться – стать, казаться – показаться, оказываться – оказаться, оставаться – остаться, появляться – появиться и некоторые др., но при этом они несут дополнительную смысловую нагрузку, например: *Летом* ***бывает*** *очень жарко* («иногда»). *Мне* ***стало*** *(становится) жаль его* («изменение состояния»). *На вечеринке, может быть,* ***окажется*** *(оказалось) много народу* («неожиданно»). *Учиться в университете ей* ***показалось*** *(покажется) интересно* («неуверенность»). *После праздника* ***осталось*** *(останется) много сладостей* («не все сладости съели / съедят»). *У него* ***появилось*** *(появится) много друзей* («раньше не было»).

Следует иметь в виду, что вышеперечисленные глаголы могут входить в состав сложных предикатов или же быть самостоятельными предикатами в обычных двусоставных предложениях, имеющих грамматические субъекты в именительном падеже (И. п.): *Ему было (будет) 30 лет. Там у него были (будут) друзья. Иногда у них бывали гости. Сын стал совсем взрослым. Он оказался профессором университета. В школе у дочери появились друзья. Она осталась ночевать у подруги.*

II. Предикатом является глагол, также не требующий И. п. субъекта, но, в отличие от первой группы безноминативных предложений, используется не в качестве вспомогательного средства, а является самостоятельным предикатом или же входит в состав сложного предиката с инфинитивом или именем существительным. Он указывает на время совершения действия и употребляется в безличной форме. Это такие глаголы, как: хочется – хотелось – захочется – захотелось, нравится – нравилось – понравится – понравилось, хватает – хватало – хватит – хватило, остается – оставалось – останется – осталось, приходится – приходилось – придется – пришлось, удается – удавалось – удастся – удалось, кажется – казалось – покажется – показалось и многие др. (например: знобит – знобило – зазнобило – зазнобит). Примеры: *Ему хотелось поехать в Италию. Ему хочется славы. Ей останется учиться еще 2 года. Теперь придется искать новую работу. Мне показалось, что она испугалась.*

Некоторые из них также могут быть использованы в двусоставных предложениях с субъектом в именительном падеже: *Ему понравилась девушка* (И. п.). *В комнате остались только родственники* (И. п.). *Кем тебе приходился Иван* (И. п.)? *Торт* (И. п.) *удался*.

В указанных двух типах безноминативных предложений с логическим субъектом в дательном, родительном, (реже) винительном падежах или без него при отрицании используется отрицательная частица *НЕ*: *В комнате* ***не*** *холодно. Мне было*

***не** понятно, что нужно делать*. Также может употребляться инфинитив: *Мне **не** удобно **говорить** об этом с вами. **Не**возможно **исправить** эту ошибку*. ***Не** хочется **портить** отношения с ним. Ей **не** терпелось поскорее **узнать** результаты экзамена*. Очень часто при отрицательных предикатах мы видим отрицательные местоимения или наречия, которые могут обозначать как логический субъект, так и другие члены предложения: ***Никому** его было **не** жаль* (логический субъект). ***Ни у кого не** было желания задерживаться на работе дольше обычного* (логический субъект). ***Не** было **никакой** возможности связаться с ним* (определение). *Из-за тумана **ничего не** было видно* (дополнение). ***Никогда не** поздно начинать учить иностранный язык* (обстоятельство). *Ему было **ничуть не** страшно идти к зубному врачу* (обстоятельство). *Нам **ничего не** оставалось делать, как ждать* (дополнение).

Часто решающую роль в выборе отрицательного местоимения играет не сам безличный глагол, а инфинитив, и от этого зависит его функция в предложении. Ср., например; ***Никому** не стоит туда <u>идти</u>* (логический субъект). – ***Никому** не стоит <u>показывать</u> эти документы* (дополнение).

Отдельную группу безноминативных предложений составляют инфинитивные предложения, где только инфинитив является предикатом. В этом случае отрицательная частица *не* может находиться либо при отрицательном местоимении или наречии, либо перед инфинитивом. При этом функции местоимений и наречий также могут быть разными:

а) отрицательное местоимение является логическим субъектом и имеет общее значение «никто не может выполнить какое-либо действие», используется в форме дательного падежа: *В этой деревне **некому** <u>работать</u>. **Некому** <u>ухаживать</u> за больным. Ее **некому** <u>защитить</u>. Ей **некому** <u>помочь</u>. **Некому** <u>сидеть</u> с ребенком. **Некому** <u>заступиться</u> за нее. **Некому** <u>сходить</u> в аптеку за лекарствами. **Некому** <u>работать</u> в саду. **Некому** <u>посочувствовать</u> ей. **Некому** <u>сделать</u> ремонт*;

б) отрицательные слова – обстоятельства (времени, места, причины, цели): *Мне **некуда** <u>спешить</u>. **Не из-за чего** <u>расстраиваться</u>. Тебе **незачем** туда <u>ходить</u>. Ей **некогда** <u>отдыхать</u>. В этом маленьком селе **негде** <u>работать</u>. Вам **не за что** меня <u>благодарить</u>*;

в) отрицательные слова – дополнения: *Мне больше **нечего** <u>сказать</u>. Вам **не о чем** <u>беспокоиться</u>. Ей **не с кем** <u>пойти</u> на дискотеку. Мне **не во что** <u>положить</u> книги. Ей **не с кем** <u>оставить</u> ребенка. Ей **не в чем** <u>пойти</u> на праздник*.

Следует обратить внимание учащихся на то, что падеж вопросительных местоимений во втором и третьем случаях зависит от предиката-инфинитива: *Нам **не с чем** <u>пить</u> кофе* (пить с чем?) (нет ничего вкусного). *Им **не из-за чего** <u>ссориться</u>* (ссориться из-за чего?) (нет причины для ссоры). *С ним **не о чем** <u>говорить</u>* (говорить о чем?) (нет общих тем для разговоров). *<u>Ехать</u> в гости **не на чем*** (ехать на чём?) (нет транспорта).

Отрицательная частица *не* часто стоит перед инфинитивом. В этом случае нужно обращать внимание на вид глагола, так как предложения с глаголом-инфинитивом совершенного или несовершенного вида имеют разные значения. Предлагаем сравнить такие предложения: ***Не** спать! **Не** разговаривать на уроке! **Не** драться! **Не** кричать! **Не** бросать мусор на пол! **Не** мешать мне! **Не** открывать дверь никому! **Не** опаздывать на занятия! **Не** грубить мне!* Инфинитивы несовершенного вида означают строгий запрет что-либо делать (= «нельзя это делать»). – *Мне **не** открыть дверь. Мне **не** заснуть. Нам никак **не** поговорить. Ей **не** сделать это самой. Ему **не** купить новый компьютер. Им **не** позвонить домой. Мне **не** встать так рано. Ему **не***

написать сочинение. Предложения с инфинитивом совершенного вида имеют значение «невозможно или нереально что-то сделать = например, *Я не могу это сделать*».

Безноминативные инфинитивные предложения с частицей *не* в прошедшем и будущем времени требуют использования вспомогательного глагола в безличной форме, а только инфинитив используется для обозначения настоящего времени. Ср.: *Мне **не** написать сочинение. – Мне **было не** написать сочинение. – Мне **будет не** написать сочинение.*

Следует также добавить, что если в безноминативных отрицательных предложениях есть местоимение или наречие с частицей *ни*, то оно может выступать в роли обобщающего слова и конкретизироваться с помощью повторяющегося союза *ни ..., ни ...* : ***Никому** нельзя говорить об этом: **ни** родителям, **ни** друзьям, **ни** соседям. Ему **нигде** не найти эту книгу: **ни** в магазине, **ни** в библиотеке, **ни** у знакомых. Мне **ничего** не сделать за один выходной день: **ни** съездить на дачу, **ни** подготовиться к экзамену, **ни** закончить дипломную работу*.

Представляется целесообразным предложить варианты упражнений для практики употребления отрицания в разных типах предложений.

ДВУСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Задание 1. Найдите отрицательные слова в следующих предложениях:

1. Сегодня он никуда не спешит. 2. Его никто не ждёт дома. 3. Она нигде не могла найти свой мобильный телефон. 4. Он поедет не на поезде, а на такси. 5. Завтра не выходной день. 6. Поговорим не сейчас. 7. Это сделал не он. 8. Это не тот дом, который мне нужен. 9. Мы купили не очень дорогую квартиру. 10. Она пошла не в магазин, а в кафе. 11. Вопрос был нетрудный. 12. Я сегодня не занят. 13. Она никогда не опаздывает. 14. Он не студент, а преподаватель. 15. Она сегодня не завтракала. 16. Я хочу пойти не на футбол, а на балет. 17. Он не купил апельсины. 18. Он купил не апельсины, а мандарины.

Задание 2. Вставьте частицу «не» вместо точек. Прочитайте полученные предложения:

1. Я …. люблю читать книги. 2. Это … очень интересный фильм. 3. … все студенты присутствуют на занятии. 4. Я поеду … в Москву, а в Петербург. 5. Он читает … быстро. 6. Он … любит тебя. 7. Они никогда … ссорятся. 8. Мой брат никуда … поедет. 9. Он нигде … работает. 10. Сейчас они … могут купить дом. 11. Она … сразу поняла, что случилось. 12. Праздники бывают … каждый день. 13. Сейчас … лето. 14. Она ещё … готова к празднику. 15. Сегодня … вторник, а среда. 16. Она … должна была так поступать. 17. Он ничего … знает об этом. 18. Экзамены будут … скоро. 19. Она ничего … говорила мне.

Задание 3. Закончите предложения:

1. Он учится не в Китае, а в … . 2. Утром она пьёт не кофе, а … . 3. Это не моя собака, а … . 4. Он принимает душ не утром, а … . 5. Это не секрет, поэтому … . 6. Это не я придумал, а … . 7. Это не мой день рождения, а … . 8. Здесь собрались не все, кто … . 8. Мы встречаемся не завтра, а … . 9. Мы должны сделать не всё упражнение, а … . 10. Он играет не на пианино, а … . 11. Дети не спят, а … .

Задание 4. Задайте вопросы к подчёркнутым словам в следующих предложениях:

1. Это не моя проблема. 2. Никто не может помочь мне. 3. Я еду туда не отдыхать, а работать. 3. Он поедет не на автобусе, а на такси. 4. Она писала дипломную работу не два месяца, а четыре. 5. Мы договорились встретиться не в пять часов, а в четыре. 6. Звонила не я. 7. Он ничем не занимался. 8. Она ни в чём не виновата.

Задание 5. Ответьте отрицательно на следующие вопросы, используя двусоставные предложения:

1. Машина дорогая? 2. Куда ты ходил вчера? 3. Где учится твой брат? В колледже? 4. Когда ты будешь сдавать экзамены? В июне? 5. Что он сказал тебе? 6. Зачем ты

едешь на дачу? Отдыхать? 6. Ты готова к презентации? 7. Почему он опоздал? 8. Твоя подруга приходила к тебе вчера или сегодня утром? 9. Он позвонит тебе днём или вечером? 10. Почему он получил плохую оценку на экзамене? 11. Это твой брат? 12. Ты пойдёшь в банк или на работу?

БЕЗНОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Задание 6. Найдите отрицание в предложениях с модальными словами, наречиями или неопределенно-количественными словами в качестве предиката:

1. Ему нельзя бегать. 2. Некоторым людям не нужно ездить на работу каждый день. 3. Мне самому не трудно выполнить эту работу. 4. Не всем приятно говорить об этом. 5. Никому из нас не вредно позаниматься в спортзале. 6. Некоторым ученикам в школе не интересно учиться. 7. В комнате брата не всегда чисто. 8. К концу месяца не стало теплее. 9. Заниматься бизнесом в этой стране оказалось не выгодно. 10. Тебе не лень переписывать свою курсовую работу? 11. У неё не столько проблем, как у меня. 12. У неё недостаточно опыта, чтобы занимать такую высокую должность. 13. Утром в магазинах не бывает много народу.

Задание 7. В безноминативных предложениях используйте предикат в прошедшем и будущем времени:

1. Не всё можно купить в этом универмаге. 2. Ей не жаль меня. 3. Ещё не поздно всё изменить. 4. Никому не нужно говорить об этом. 5. Нельзя опаздывать на экзамен.

Задание 8. Поставьте слова, данные в скобках, в нужной форме:

1. … не нужно ничего делать (вы). 2. Тебе надо не … (плакать, действовать). 3. … нет с собой словаря (никто). 4. Не … холодно, а мне (она). 5. … было не жарко (дом). 6. На дне рождения … никого из друзей не было (я). 7. У неё не … никаких сил бороться с болезнью (остаться). 8. Ничего ещё не … (закончиться). 9. В такой темноте … не было видно (ничто). 10. Невозможно построить дом … (один человек). 11. Вчера мы купили посудомоечную машину. Теперь не … мыть посуду руками (прийтись). 12. Я уверен, что у тебя ничего не … (получиться). 13. Он думает, что ей не … (удаться) уговорить отца пойти в горы. 14. Оттого, что я всё время думаю об этом, не … легче (становиться). 15. Дома его не … (оказаться).

Задание 9. Замените безноминативные предложения с предикатом-инфинитивом двусоставными предложениями. Модель: *Некому ухаживать за больной. – Никто не может ухаживать за больной. Все живут далеко*.

1. Некому поиграть с маленьким мальчиком. 2. Некому починить утюг. 3. Некому было объяснить ему это правило. 4. Некому будет убирать снег около дачного дома. 5. Некому защитить её. 6. Некому было очистить машину от снега. 7. Некому будет работать здесь.

Задание 10.

А) В следующих инфинитивных предложениях используйте логический субъект в дательном падеже с отрицательной частицей «не» (*Некому*):

1. ... покормить кота. 2. … гулять с собакой. 3. … помочь ей. 4. … встретить её в аэропорту. 5. … убирать яблоки в саду. 6. … делать ремонт.

Б) В полученных предложениях используйте предикат-инфинитив в прошедшем и будущем времени.

Задание 11. Закончите следующие отрицательные инфинитивные предложения:

1. Некому завтра разбудить сына в школу, поэтому …. 2. Некому будет возить дочь в детский сад, поэтому …. 3. Если зарплата будет маленькой, некому будет работать здесь, поэтому …. 4. Некому ходить в магазин за продуктами, поэтому …. 5. После смерти матери некому стало готовить ужин, и ему …. 6. Завтра некому будет забирать дочь из школы, потому что …. 7. Вчера вечером некому было помыть посуду, потому что …. 8. Сегодня некому будет сходить в магазин за хлебом, поэтому ….

Задание 12. В следующих отрицательных инфинитивных предложениях найдите отрицательные дополнения или обстоятельства (некого – нечего, некому – нечему, не с кем – не с чем, не о ком – не о чем; некогда, некуда, незачем и т. д.). Объясните, что они означают. Модель: *Мне некого попросить помочь мне. – Нет людей, которые могут помочь мне.*

1. Нам не с чем было пить чай. 2. С ним не о чем говорить. 3. Ей некогда читать. 4. Ему нечего было делать. 5. В этом маленьком городке молодёжи некуда пойти. 6. Андрею нечем заняться. 7. Мне было не у кого узнать её адрес. 8. Тебе незачем туда ходить. 9. Он остался один, ему было даже не с кем поговорить. 10. Нам не о чем с вами говорить. 11. Когда появился ребёнок, родителям стало некогда отдыхать. 12. Машина сломалась, нам не на чем ехать на дачу.

Задание 13. Ответьте на вопросы. Используйте отрицательные дополнения или обстоятельства в безноминативных инфинитивных предложениях:

1. Почему он никуда не пошёл? 2. Почему она ни с кем не посоветовалась? 2. Почему она ждала мать около своей квартиры? 3. Что сказали родители подростку, когда он хотел пойти в бар? 4. Что вам могут ответить люди, когда вы говорите им «Спасибо!»? 5. Вас попросили рассказать о том, как вы провели выходной день. Что вы скажете, если думаете, что ничего интересного не было. 6. Почему вы вчера очень долго разговаривали с подругой по телефону? 7. Почему вы выключили телевизор? 8. Почему она пошла в продуктовый магазин после работы? 9. Почему она отказалась пойти на дискотеку? 10. Сотрудник туристической фирмы думает, что у вас всё будет в порядке. Как он об этом скажет? 11. Вы забыли ручку дома. Вы ничего не писали. Как вы объясните причину, почему вы не писали? 12. Тебе есть где жить? 13. У тебя есть где спать?

Задание 14. Замените предложения с отрицательным предикатом-инфинитивом совершенного вида двусоставными предложениями. Модель: *Мне не сказать это по русски. – Я не могу сказать это по-русски.*

1. Мне не написать контрольную работу. 2. Ему не сдать экзамен. 3. Ему было не ответить на вопрос. 4. Нам будет не посмотреть этот фильм по телевизору. 5. Ей не спеть эту песню. 6. Мне не съесть столько супу. 7. Вчера утром ему было никак не проснуться, поэтому он опоздал на занятия. 8. Она была занята, поэтому ей было не ответить на звонок.

Задание 15. Составьте безноминативные предложения со следующими отрицательными предикатами-инфинитивами совершенного вида:

1. Не пойти. 2. Не заснуть. 3. Не найти. 4. Не взять. 5. Не лечь. 6. Не заставить. 7. Не позвонить. 8. Не составить. 9. Не сделать. 10. Не сфотографировать. 11. Не отправить. 12. Не поехать. 13. Не сыграть. 14. Не приготовить. 15. Не проехать. 16. Не купить. 17. Не позавтракать. 18. Не исправить. 19. Не напечатать. 20. Не выступить. 21. Не снять. 22. Не договориться.

Задание 16.
А) Замените безноминативные предложения с отрицательными предикатами-инфинитивами несовершенного вида предложениями со словами «нельзя, не нужно, не разрешается, запрещается».
Б) Объясните, кому предназначен запрет:

1. По газонам не ходить! 2. Мой компьютер не брать! 3. Не разговаривать на уроках! 4. Не покупать вредные напитки! 5. Не проходить в комнату в уличной обуви! 6. Не стрелять! 7. Не драться! 8. Не кусаться! 9. Не царапаться! 9. Не писать в школе на столах! 10. Не списывать во время контрольной работы! 11. Не пользоваться компьютерами во время урока!

Задание 17. Замените безноминативные предложения с отрицательными предикатами-инфинитивами несовершенного вида предложениями с императивами. Модель: *Не кричать! – Не кричи!*

1. Не стучать! 2. Не открывать никому дверь! 3. Не расстраиваться. 4. Не бегать! 5. Не трогать мою гитару! 6. Не бросать мусор на пол! 7. Не курить! 8. Не мешать брату!

9. Не ссориться! 10. Не сидеть на холодном полу! 11. Не играть в эту ужасную компьютерную игру! 12. Не смотреть по сторонам! 13. Не расслабляться! 14. Не класть на стол ноги! 15. Не пить холодную воду!

Мы не сомневаемся, что такое целенаправленное обучение иностранных учащихся использованию разного рода отрицательных конструкций поможет им лучше овладеть русским языком, способствовать лучшему пониманию устной и письменной речи.

ЛИТЕРАТУРА

Ковтунова И.И. Порядок слов // Русская грамматика [1980]. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. С. 196–200.

Сакальчикова Н.Н. Говорите правильно: Пособие по грамматике русского языка для иностранных учащихся. СПб.: Северная звезда, 2019. 200 с.

Штернина Е.С. К вопросу об обучении иностранных студентов средствам выражения отрицания в русском языке // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2015. С. 130–134.

Штернина Е.С. Об актуальности изучения категории отрицания в русском языке на занятиях по грамматике в англоязычной аудитории // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории». СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2014. С. 301–302.

REFERENCES

Kovtunova I.I. Word Order. In: Russian Grammar [1980]. Vol. 2: Syntax. Moscow. Nauka Publ. 1980, pp. 196–200.

Sakalchikova N.N. (2019) Speak Correctly: A Russian Grammar Guide for International Students. St. Petersburg. Severnaya Zvezda Publ. 200 p.

Shternina E.S. On Learning Foreign Students the Means of Expressing Negation in Russian. In: Language, Culture, Mentality: Questions of Learning in a Foreign Audience. St. Petersburg. Herzen University Press. 2015, pp. 130–134.

Shternina E.S. On the Relevance of Learning the Category of Negation in Russian in Grammar Classes in an English-speaking Audience. In: Language, Culture, Mentality: Questions of Learning in a Foreign Audience. St. Petersburg. Herzen University Press. 2015, pp. 301–302.

Сведения об авторах:

Нина Николаевна Сакальчикова,
канд. филол. наук
доцент
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Nina N. Sakalchikova,
PhD (in Philology)
Associate Professor
Herzen University

anastasiamckenzie@hotmail.com

Екатерина Сергеевна Штернина,
канд. пед. наук
доцент
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Ekaterina S. Shternina,
PhD (in Pedagogics)
Associate Professor
Herzen University

shterka@gmail.com

DOI 10.24249/2309-9917-2023-5-3-56-68

З. Шенгюдер (Стамбул, Турция)

Сопоставительный анализ турецких и русских пословиц с компонентом «семья»

Аннотация: Пословицы являются древнейшим и популярным жанром устного народного творчества. Мудрость и опыт народа, его мировоззрение, нравственные нормы и эстетические идеалы проявляются в его пословицах. На современном этапе развития лингвистики все большее значение приобретает сопоставительное изучение пословиц разных языков. Данная статья посвящена сопоставительному анализу русских и турецких пословиц с компонентом «семья». Это связано с тем, что пословицы о семье составляют значительную группу в обоих языках, а понятие «семья» играет важную роль в формировании общества и тем самым наиболее полно отражает его мысли. Целью исследования является сопоставление семантических особенностей русских и турецких пословиц с компонентом «семья», выявление их общих и национально-специфических особенностей. В ходе сопоставительного анализа пословиц нами была поставлена задача определить связи между фактами разных языков, которые отражают общую культуру их носителей и в то же время специфические черты, присущие исключительно той или иной культуре. Актуальность темы состоит в том, что впервые рассматриваются пословицы русского и турецкого языков с компонентом «семья» в плане сопоставления их семантической характеристики.

В результате сопоставления 155 пословиц (81 русская и 74 турецких) с компонентом «семья» были выявлены общие и национально-специфические особенности данных пословиц, а также сходства и различия в их семантике. Полученные данные проанализированы и представлены в четырех таблицах.

Ключевые слова: русский язык, турецкий язык, пословицы, сопоставительная лингвистика, семантическая характеристика, понятие «семья»

Z. Şengüder (İstanbul, Türkiye)

Comparative Analysis of Russian and Turkish Proverbs that Involve the Concept of “Family”

Abstract: Proverbs are an ancient and known part of folk literature. Wisdom, philosophy, ethical norms, experience and aesthetic ideals of the folk is seen in the proverbs. At the current stage of the development of linguistics, comparative analysis of proverbs in different languages has become increasingly important. This article compares Russian

and Turkish proverbs that involve the concept of "family". Proverbs about family make up a significant group in both languages. Concept of "family" plays an important role in social structure and reflects the collective mind of society. The aim of this study is to compare the semantic features of Russian and Turkish proverbs and to identify their common and national characteristics. During the comparative analysis of proverbs, we aimed to identify the links between the facts of different languages that reflect the common culture of their native speakers and the specific features inherent only to a particular cultural background. The relevance of the topic lies in the fact that for the first time the proverbs in Russian and Turkish languages with the component "family" are considered in terms of comparing their semantic characteristics.

In the result of the comparison of 155 proverbs (81 Russian and 74 Turkish) involving the concept of "family", common and national features as well as similarities and differences in their meanings were revealed. The data has been analyzed and presented in four charts.

Key words: Russian, Turkish, concept of "family", proverbs, comparative linguistics, semantic properties

Пословицы – широко распространенный жанр устного народного творчества.

Пословицы, занимающие важное место в культурной памяти общества, несут на себе отпечаток исторических, культурных, религиозных и нравственных ценностей того общества, которому они принадлежат. В свою очередь, общество формируется из семей – самых малых ячеек общества. Будучи темой пословиц, «семья» выступает как представитель данного общества. Подобно тому, как турецкая семья представляет культурную структуру турецкого общества, русская семья представляет культурную структуру русского общества. В нашем исследовании будут рассмотрены и изучены пословицы с компонентом «семья», принадлежащие обеим культурам.

Для сопоставительного анализа были использованы следующие источники: *Hengirmen Mehmet*. Atasözleri Sözlüğü. Ankara: Engin Yayınevi, 2011; *Asım Aksoy Ömer*. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. 1. Atasözleri Sözlüğü. İstanbul: İnkilap, 2021; *Ertuğrul Saraçbaşı M., Minnetoğlu İbrahim*. Örnekli ve Açıklamalı Türk Atasözleri Sözlüğü. İstanbul: Bilge Kültür Sanat, 2002; *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских пословиц. М., 2010; *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. 1. М., 1989.

Приведем определения жанра «пословицы», данные российскими и турецкими исследователями.

Известный русский писатель, лексикограф и этнограф В.И. Даль дает собственное определение слова *пословица*: «Пословица – это коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми» [Даль 1989: 14].

А в Большом энциклопедический словаре пословица рассматривается как «жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом в ритмически организованной форме» [БЭС 2000: 648].

Российский филолог-фольклорист В.П. Аникин считает, что «пословица не простое изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная

оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становится пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей, – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век» [Аникин 2000: 6].

В турецком языке пословица называется atasözü («атасозю»), что в переводе означает «слова предка».

В Энциклопедии турецкого языка и литературы в понятие «пословица» вкладывается следующий смысл: «Пословицы – анонимные суждения, к которым пришли наши предки после долгих наблюдений и переживаний, путем мудрых размышлений, наставлений и примеров; многие из них имеют переносное значение, устоявшуюся веками устную форму, и таким образом передаются из поколения в поколение» [Elverdi, Kutlu 1977: 214].

А турецкий лингвист Омер Асым Аксой рассматривает пословицу как устоявшееся выражение (клише). Аксой считает, что «каждая пословица имеет определенную форму. Слова пословицы нельзя заменить на другие, даже идентичные по значению, так же как и не допускается изменение порядка слов. Если подобные изменения и произойдут, то новое выражение, даже при сохранении смысла, уже не будет восприниматься, как “слова предков”» [Aksoy 2021: 13–14].

Доган Аксан считает, что пословицы – это слова, способные сохраняться веками, отражающие мудрость, опыт, мировоззрение общества и силу его выражения [Aksan 2018: 41].

Таким образом, определение понятию «пословица» пытались дать многие известные лингвисты и исследователи. Каждый трактовал по-своему, но суть одна.

Пословица – это важнейшая составляющая устного народного творчества. Пословицы выражают моральные устои народа на основе его жизненного опыта, хранят народную мудрость. Знания и лаконичная народная мудрость в устной форме, передаваемые в качестве наследства от родителей детям, не утратили свою значимость, несмотря на то что зародились в античные времена. Пословицы несут глубокий смысл и играют особую роль в воспитании будущих поколений благодаря компактности, образному выражению и простоте запоминания. Пословицы – это общая сокровищница для всех потомков человечества [Ozharova, Jakypbekova 2021: 103].

ПОСЛОВИЦА И ПОНЯТИЕ «СЕМЬИ»

В Современном толковом словаре [БСЭ] семья – это «основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью».

Ю.В. Железнова считает, что «семья, будучи общечеловеческой “универсалией” (единственно возможной формой социальной жизни, хотя и крайне вариативной), обладает национальной спецификой» [Железнова 2009: 3]. В ней отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народов. Передаваемые из поколения в поколение нормы семейного поведения становятся безусловными традициями, которые направляют образ жизни людей в определенное русло.

Л.Н. Авдонина и А.Е. Костина приходят к выводу, что семья – это «показатель культуры, нации, ее традиций и уклада жизни. Это один из ведущих концептов психологии межличностных отношений, относящихся к числу важнейших ориентиров человеческого поведения» [Авдонина, Костина 2015: 657].

Согласно Обществу турецкого языка [TDK], слово «семья» имеет следующие значения:

1. наименьшее объединение людей в обществе, основанное на кровной связи и брачных отношениях, и формирующее отношения между мужем, женой, детьми, братьями и сестрами;

2. группа людей одного рода или связанных между собой родственными отношениями.

А Государственная Плановая Комиссия Турции рассматривает семью как единицу общества, состоящую из членов, «связанных между собой родственными отношениями по кровной связи, брачному союзу или иным законным путем, чаще всего проживающих в одном доме, где удовлетворяются их социальные, психологические, экономические и культурные потребности, обеспечивающие членам семьи адаптацию и участие в жизни общества» [DPT 1989: 3–4].

Турецкий педагог Ихсан Курт в своей работе «Atasözlerinde Aile» («Семья в пословицах») обращает внимание на то, что большое значение для становления здорового общества имеет, в первую очередь, «семья» и ее создание. На семью возлагаются такие важнейшие социально-общественные функции, как обновление населения, воспитание и социализация детей, передача культурного наследия и т. п. [Kurt 1992: 626].

Турецкое государство играет существенную роль на арене мировой истории на протяжении не менее двух тысяч лет. Мехмет Хенгирмен считает, что одной из важнейших причин этого является особое отношение турок к семье, выражение любви и уважения к родителям, женщине, детям [Hengirmen 2011: 38].

Семья для русского человека тоже является одним из наиболее важных феноменов, способом организации жизнедеятельности. Ореол семьи сопровождает русского человека с момента рождения до последних его дней.

Таким образом, бесспорным представляется тот факт, что пословицы с компонентом «семья» занимают значительное место среди пословиц как в русском, так и в турецком языке.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Концепт «семья» является одним из ключевых в русской и турецкой культуре.

З.А. Биктагирова считает, что понятие «семья» представляет собой макроконцепт, на основе которого выделяются более мелкие концепты, такие как женитьба, супружество, взаимоотношения детей и родителей, родственные связи [Биктагирова 2007: 12].

И в русских, и в турецких пословицах о семье затрагиваются следующие темы: холостяцкая жизнь, сватовство, женитьба, супружество, брак, дом, дети, поведение и положение женщины в семье, взаимоотношения между членами семьи.

В проведенном нами сопоставительном анализе 155 русских и турецких пословиц с компонентом «семья» был использован ряд критериев, касающихся создания семьи (брак, супружество), характеристик членов семьи и отношений между ними. Очевидно, что данными критериями выступают роли членов семьи, их обязанности, оценки их поступков и поведения.

С точки зрения религии брак значим и в русском, и в турецком обществе. Основу библейской концепции семьи составляет тезис о святости супружества, получивший отражение в русских пословицах «Смерть да жена – богом суждена»,

«Браки заключаются на небесах». В турецком же обществе брак является священной обязанностью мусульманина: «Nikahta keramet vardir» (В браке есть чудо) [Батанова 2017: 647], а создание семьи провозглашается как благо для человека: «Bekârlık maskaralık».

Ихсан Курт считает, что «брак, создание семьи требует взаимных жертв каждой из сторон этих отношений. И поэтому муж и жена вступают в брак, чтобы быть вместе в печали и радости, разделить счастливые дни совместной жизни, вместе пережить тяготы и невзгоды… Религиозные верования и заповеди требуют вступления в брак для того, чтобы создать семью» [Kurt 1992: 663].

Таким образом, в пословицах о семье на первый план выдвигается уважение к браку, супружеству, традиционным семейным ценностям.

Большое влияние на отношение к семье и браку оказало существования патриархата в обоих культурах. Согласно идеям патриархата и религиозным представлениям, власть в семье находится в руках мужчины. Для такой модели супружеских отношений характерно четкое разделение социальных ролей: муж – добытчик, обеспечивающий семью; жена – хозяйка и мать. Можно говорить о том, что в обоих языках преобладают пословицы, в которых подчеркивается власть, сила, авторитет мужчины. Женщина же, как жена, берет на себя очень важную задачу по созданию прочной семьи: «Муж – наружняя стена дома, жена – внутренняя», «Yuvayı dişi kuş yapar» (Гнездо вьет птица-самка).

В пословицах двух народов можно найти отражение униженного социального положения и несправедливого отношения к женщине [Биктагирова 2007: 12]. Примером могут служить русская пословица «Волосы долги, да ум короток (у бабы)» и турецкие пословицы «Kadın erkeğin elinin kiri» (Женщина – грязь на руках мужчины), «Karının saçı uzun, aklı kısadır» (У женщины волосы длинные, а ум короткий).

И в русских, и в турецких пословицах женщина выделяется больше как «мать» и «жена». Больше всего ценят и уважают мать. Мать – это самое дорогое, что есть у человека.

Ислам считает благодеяние и любовь к матери, повиновение ей и заботу о ней причиной для входа в рай: «Cennet anaların ayaklan altındadır» (Рай находится под стопами матерей). В христианстве высказывания в Священном Писании об отношениях матери и детей весьма многочисленны и главным образом содержат заповеди о почтении и уважении детей к матери [Резвани, Валипур 2014: 184].

Приведем примеры русских и турецких, отражающих уважительное и трепетное отношение к матерям: «Нет такого дружка, как родимая матушка», «У сына болит пальчик, а у матери сердце», «Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери», «Мать праведна – ограда каменна», «Мать кормит детей, как земля людей»; «Ağlarsa anam ağlar, kalanı yalan ağlar» (Только мать плачет, остальные притворяются), «Ana gibi yar, Bağdat gibi diyar olmaz» (Нет человека роднее матери, нет земли, кроме Багдада), «Analılar koç olur, anasızlar hiç olur» (Воспитанный матерью будет всем, воспитанный без матери – ничем), «Analı kuzu kınalı kuzu» (Мамина козочка, любимая козочка).

Так же как в обеих культурах совпадает отношение к матери, совпадает и отношение к детям. И русские, и турецкие пословицы подчеркивают безусловную любовь родителей к своим детям: «С детьми горе, а без них вдвое», «Детей нет – в семье пустоцвет», «Дети – божья благодать», «Где нет детей, заводится нечистая сила», «Дети не в тягость, а в радость», «Изба детьми весела», «На что и клад, коли дети идут в лад»; «Çocuk olmayan evde baca tütmez» (В доме без ребен-

ка очаг не греет), «Çocuk evin neşesidir» (Ребенок – радость дома), «Çocuk evin süsüdür» (Ребенок – украшение дома), «Çocuk evin temelidir» (Ребенок – фундамент дома), «Çocuk olmayan eve melek girmez» (В дом без ребенка ангел не прилетит), «Çocuksuz ev boş ambara benzer» (Дом без ребенка похож на пустой амбар), «Çocuksuz ev tuzsuz ekmeğe benzer» (Дом без ребенка словно хлеб без соли).

В пословицах обоих языков нет принципиальных отличий в подходах к воспитанию детей.

Железнова считает, что для русского языкового социума характерен авторитарный стиль отношений родителей к детям, выражающийся в чрезмерной опеке, контроле всех действий ребенка: «Воспитать ребенка – не выпустить цыпленка», «Дети что цветы, уход любят», «Для матушки ребенок до ста лет дитенок», «У матери дочь до тридцати лет дочурка», «Кормил до усов, корми и до бороды» [Железнова 2009: 23–24].

Ихсан Курт подчеркивает, что дети нуждаются в образовании, в уходе и воспитании, чтобы, повзрослев, быть полезными для семьи и общества. И направленные на это усилия иногда ставят родителей в трудные ситуации: «Evladın var mı derdin var» (Есть детки – есть бедки), «Çocuk büyütmek taş kemirmek» (Вырастить ребенка, что камень разгрызть) [Kurt 1992: 643].

В отличие от русских пословиц в некоторых турецких пословицах можно увидеть разделение по половому признаку. В таких пословицах чаще упоминаются именно сыновья. Они считаются социально значимыми для семьи: «Oğlandır oktur, her evde yoktur» (Мальчик как стрела, не в каждом доме бывает), «Oğlanı her karı doğuramaz, er karı doğurur» (Не всякая жена может сына родить, жена-воительница – может), «Oğlan oğul ise el malı senin, değilse senin malın elin» (Если у тебя есть сын, то имущество невестки будет твоим, если нет, то твое имущество будет имуществом зятя) [Kurt 1992: 643]. В русских же пословицах («Все равны детки – и пареньки и девки», «Сын да дочь – красные детки») подчеркиватся равенство в отношении детей.

Однако в отношении дочерей в русских и турецких пословицах можно выявить одинаковые установки и ожидания: «Дочь – чужое сокровище», «Дочь дома, а характер за домом», «Дочь питаю – за окно кидаю, сына кормлю – в долг даю, отца-мать кормлю – долг плачу»; «Kız doğuran tez kocar» (Родивший дочь быстрее состарится), «Oğlunu seven hocaya, kızını seven kocaya» (Любящий сына – отдаст его учиться, а любящий дочь – отдаст ее замуж), «Kızını dövmeyen dizini döver» (Не бьющий дочь, будет бить себя по коленам).

В качестве близких родственников в турецких пословицах фигурируют тети и дяди, причем как со стороны матери, так и со стороны отца. Когда между членами семьи возникают трудности, за помощью обычно обращаются к родному дяде: «Aldın payını, çağır dayını» (Получил свое, зови дядю). Поговорка «Teyze ana yarısıdır» (Тетя – половина матери) дает преимущественное право заменить мать именно тете с материнской стороны [Kurt 1992: 648].

И в русской традиционной культуре, и в турецкой большое внимание уделяется родственникам и родственным отношениям, заботливому и внимательному отношению к родным и близким. Но и в русском, и в турецком языке большую часть пословиц о родственниках составляют пословицы, повествующие о негативных аспектах взаимоотношений между ними. Например, «Коли есть родня – есть с ней и возня», «Иная родня только до черного дня», «Родни много, а пообедать не у кого»; «Akrep etmez akrabanın akrabaya ettiğini» (И скорпион не сделает скорпиону

столько зла, сколько может сделать родственник родственнику), «Akraba ile ye iç, alışveriş etme» (С родственником ешь, пей, но дел не делай), «Sadık dost akrabadan yeğdir» (Верный друг лучше родственника).

Пословиц, указывающих на проблемы между «мужем и женой», «родителями и детьми», не так много. При этом в значительной мере в пословицах подчеркивается наличие определенных проблем и сложностей в отношениях «невестка – свекровь. И русские, и турецкие пословицы вполне конкретно и четко описывают такого рода ситуации. В основном речь идет о напряженности и конфликтах между невесткой и свекровью: «От свекровушкиной ласки слезами захлебнешься», «Чужая сторонка без ветра сушит, свекровь-матушка без петли мучит», «У свекрови невестка всегда виновата»; «Gelinin dini yok, kaynananın imanı» (У невестки нет совести, у свекрови – чести), «Gelin çiçek (her) dediği gerçek, kaynana yılan (her) dediği yalan» (Невестка – цветок, все, что скажет, – верно, свекровь – змея, все, что скажет, – ложь), «Kaynana pamuk ipliği olup raftan düşse gelinin başını yarar» (Даже будь свекровь шелковой нитью, да упади с полки, невестке разобъет голову).

Пословицы и русского, и турецкого языка также акцентируют внимание и на взаимоотношениях между снохами (женами братьев), и на взаимоотношениях между снохами и золовкой (сестрой мужа). Например, «Первая зазнобушка – свекор да свекровушка; другая зазнобушка – деверь да золовушка», «Золовка – змеиная головка». С русскими пословицами на эту тему перекликаются и турецкие пословицы: «Eş gemisi yürümüş, elti gemisi yürümemiş» (Брак состоялся, а дружба свояченицы – нет). На фоне того, что здоровые и полноценные отношения между супругами могут быть построены, нормальное общение между снохами возможным не представляется. «Elti eltiden kaçar, görümceler bayrak açar» (Когда сноха от снохи убегает, золовки флаги поднимают), – гласит турецкая пословица.

Исходя из всего вышесказанного, можно прийти к выводу, что концепт «семья» в пословицах представлен широко и в самых разных видах. Несмотря на то что большинство русских и турецких пословиц с компонентом «семья» активно используются и в наше время, часть их уже начала утрачивать свою актуальность и силу. Одной из важнейших причин этого процесса послужили изменения, произошедшие в структуре семьи за последние пятьдесят-шестьдесят лет. Изменения, обусловленные урбанизацией и индустриализацией, отразились во многих сферах жизнедеятельности семьи. Таковыми являются изменения в типе семьи, в размере и количестве членов семьи, в целях семьи, ее назначении, в отношении к браку и разводу, в выборе супруга / супруги. Теперь и русская пословица «Дочка – в колыбельку, приданое – в коробейку», и турецкая пословица «Kız beşikte, çeyiz sandıkta» (Девочка в колыбели – приданое в сундуке) перестали быть актуальными, так как для вступления в брак требуется определенный возраст и определенные условия.

Ихсан Курт приходит к выводу, что в течение веков менялись не только общества, но и связанные с ними институты. Довольно трудно найти какой-нибудь социальный институт, который бы не подвергся модификации. Однако до сих пор актуально высказывание «Здоровая семья – здоровое общество». Таким образом, семья сохраняет за собой роль социального института, без которого общество не может обойтись. Параллельно с этим сохраняют свое значение традиционные семейные ценности. Смысл понятий «брак», «супружество», «родня», «мать» и «дети» видоизменился, но по сути и значимости они остались неизменными. Поэ-

тому связанные с этими понятиями пословицы, как и содержащиеся в них суждения, продолжают жить и существовать [Kurt 192: 630].

В результате сопоставительного анализа 155 пословиц (81 русская и 74 турецких) с компонентом «семья» были выявлены их сходства и различия. Полученные данные проанализированы и представлены в четырех таблицах.

1. Пословицы, совпадающие по форме и по содержанию в двух языках

	Турецкие пословицы	**Русские пословицы**
1.	Beş parmak bir olmaz.	Как быть: и на руке пальцы не равны.
2.	Çocuğun (evladın) var mı, derdin var.	У кого детки, у того и заботы.
3.	Çocuk evin neşesidir.	Изба детьми весела.
4.	Çocuklu ev pazar, çocuksuz ev mezar.	Дом с детьми – базар, без детей – могила.
5.	Erkeğin kalbine giden yol midesinden geçer.	Путь к сердцу мужчины лежит через желудок.
6.	Karga karganın gözünü oymaz.	Ворон ворону глаз не выклюет.
7.	Karının saçı uzun, aklı kısadır.	Волосы долги, да ум короток (у бабы).
8.	Kız beşikte çeyiz sandıkta.	Дочку в колыбельку – приданое в коробейку.

2. Пословицы, частично совпадающие по форме, но имеющие одинаковое содержание

1.	Ağaç yaş iken eğilir.	Гни дерево, пока гнется; учи дитятко, пока слушается.
2.	Kadın var ev yapar, kadın var ev yıkar.	Добрая жена дом сбережет, а плохая – рукавом разнесет.
3.	Allah kardeşi kardeş, keselerini ayrı yaratmış.	Брат – брат, сват – сват, а денежки не родня.
4.	Alma soysuz kızını, sürer anası izini.	Какова мать, такова и дочь.
5.	Anaya asi gelen onmaz.	Кто мать слушать не желает, того беда ожидает.
6.	Armut dalının dibine düşer.	Яблоко от яблони недалеко падает.
7.	Baba koruk yer, oğlunun dişi kamaşır.	Отцы терпкое поели, а у деток оскомина.
8.	Bir çocuğun kırk ebesi olunca ya kör kalır, ya topal.	У семи нянек дитя без глазу.
9.	Bir kızı yüz kişi ister, bir kişi alır.	У невесты женихов сто один, а достанется один.
10.	Bir uyuz keçi bir sürüyü boklar.	Паршивая овца все стадо портит.
11.	Karı koca arasına girilmez.	Муж с женой ругайся, а третий не мешайся.
12.	Yakın dost hayırsız akrabadan iyidir.	Добрый друг лучше ста родственников.

3. Пословицы, не совпадающие по форме, но имеющие одинаковое содержание

1.	Ağlamayan çocuğa meme vermezler.	Дитя не плачет – мать не разумеет.
2.	Ana gibi yar, Bağdat gibi diyar olmaz.	– Лучше матери друга не сыщешь. – Нет такого дружка, как родимая матушка.
3.	Ana ölünce, baba amca olur.	Вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота.

4.	Ananın vurduğu yerde gül biter.	Матерни побои не болят.
5.	Anası olmayanın babası olmaz.	Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота.
6.	– Anası neyse, danası da odur. – Anaları ne ki danaları ne olsun.	Какова мать, такова и дочь.
7.	Anası onu Kadir gecesi doğurmuş.	Он в рубашке родился.
8.	Anasına bak kızını al, kenarına (kıyısına, tarağına) bak bezini al.	Какова мать, такова и дочь.
9.	Anasız çocuk kanatsız kuş gibidir.	И пчелки без матки пропащие детки.
10.	Ak koyunun kara kuzusu da olur.	В семье не без урода.
11.	Babanın sanatı oğula mirastır.	Отец рыбак – и дети в воду смотрят.
12.	Bir baba dokuz oğlu (evladı) besler, dokuz oğul (evlat) babayı beslemez.	Мать кормит детей – сохнет, а они по ней не охнут.
13.	Baba oğluna bir bağ bağışlamış; oğul babaya bir salkım üzüm vermemiş.	Мать кормит детей – сохнет, а они по ней не охнут.
14.	Besle kargayı, oysun gözünü.	Выкормил змейку на свою шейку.
15.	Beş parmak bir olmaz.	– От одной матки, да не одни ребятки. – Детки – деткам рознь. – В одной суме – да разные денежки; в одной семье – да разные детушки.
16.	Bir adamın karısı onun yarısıdır.	– Муж и жена – одно дело, одно тело, один дух. – Муж да жена – одна душа.
17.	Bir ocaktan okluk da çıkar bokluk da.	В семье не без урода.
18.	Cins cinse çeker.	От худого семени не жди хорошего племени.
19.	Çocuk büyütmek taş kemirmek.	– Детей растить – осинку глодать. – Детушек воспитать – не курочек пересчитать.
20.	Çocuk olmayan eve melek girmez.	Где нет детей, заводится нечистая сила.
21.	Dost kazan, anan düşman doğurur.	Брат на брата – пуще супостата (т. е. если враждуют).
22.	Erkek sel, kadın göl.	Муж возом не навозит, что жена горшком наносит.
23.	Et tırnaktan ayrılmaz.	Стеной стою за свою родню.
24.	Ev yıkanın evi olmaz, ev yıkanın evi yıkılır.	На чужом несчастье счастья не построишь.
25.	Evlenmesi bir alaca kuş, geçinmesi bora ile kış.	Жениться-то не напасть, да как бы, женившись, не пропасть.
26.	İyi evlat babayı vezir, kötü evlat rezil eder.	– Детки хороши – отцу-матери венец, детки плохи – отцу-матери конец. – Добрый сын – отцу радость, а худой – печаль.
27.	Kadın kocasını isterse vezir, isterse rezil eder.	Добрая жена мужа на ноги поставит, а злая и щей на стол не поставит.

28.	Kadın malı, kapı mandalı.	Жены богатой лучше не брать, чем ей мужем владать.
29.	Kadının fendi erkeği yendi.	– Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет. – У нее муж по ниточке ходит.
30.	Kadın var ev yapar, kadın var ev yıkar.	Добрая жена дом сбережет, а плохая — рукавом разнесет.
31.	Karga yavrusuna bakmış, benim ak pak evladım demiş.	И сова своих детей хвалит.
32.	Kargaya dünya güzellini sormuşlar, yavrusunu göstermiş.	– Всякому свое дитя милее. – Дитя и худенько, а отцу-матери миленько.
33.	Karı koca ipek, araya giren köpek.	Промеж мужа и жены нитки не продернешь.
34.	Karı malı kapı mandalı.	Женино добро колом в глотке стоит.
35.	Kaynana pamuk ipliği olup raftan düşse gelinin başını yarar.	От свекровушкиной ласки слезами захлебнешься.
36.	Kız evden olsa da elden sayılır.	– Дочь – чужое сокровище. – Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай.
37.	Kızın var, sızın var.	Дочушку отдать – ночушку не спать.
38.	Koça boynuzu yük değil (olmaz).	Своя ноша не тянет.
39.	Kocam olsun da, cüce olsun.	Муженек хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижу сиротой.
40.	Nikahta keramet vardir.	– Браки заключаются на небесах. – Смерть да жена – богом суждена.
41.	Oğlum deli malı neylesin, oğlum akıllı malı neylesin.	Глупому сыну не в помощь наследство (не впрок богатство).
42.	Oğlumu ben doğurdum ama gönlünü ben doğurmadım.	Сын мой, а ум у него свой.
43.	Öksüz neden güler? Yanılır da güler.	В сиротстве жить – слезы лить.
44.	Sana söylüyorum kızım, sen işit gelinim.	Свекровь кошку бьет, а невестке наветки дает.
45.	Üvey öz olmaz, ipek kumaş bez olmaz.	Сыр калача белее, а мать мачехи милее.

4. Турецкие пословицы, не имеющие вариантов в русском языке, и русские пословицы, не имеющие вариантов в турецком языке (ни по форме, ни по содержанию)

1.	Amca – baba yarısı.
2.	Cennet annelerin ayakları altındadır.
3.	Eken evlenen yanılmamış.
4.	Elti eltiden kaçar, görümceler bayrak açar.
5.	Gelinin dini yok, kaynananın imanı
6.	Kardeşi olmayan garip olur.
7.	Oğlan dayıya, kız halaya çeker.
8.	Sen seversen yavrunu, o da sever yavrusunu.
9.	В гостях хорошо, а дома лучше.

10.	В семье и каша гуще.
11.	Все равны детки – и пареньки и девки.
12.	Зять да сват у тещи – первые гости.
13.	Муж да жена – одна душа. Муж да жена – одна сатана.
14.	Родители берегут дочь до венца, а муж жену до конца.
15.	У кого есть бабушка и дед, тот не ведает бед.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пословицы являются неотъемлемой частью культуры каждого народа. В них заключены мудрость и богатый исторический опыт народа, его мировоззрение. Пословицы с компонентом «семья» – это своеобразный показатель передаваемых из поколения в поколение норм семейного поведения. Это пословицы об отношениях детей и родителей, молодого и старшего поколений, о понимании и гармонии семейных отношений, о взаимопомощи и уважении в семье.

Сопоставительный анализ пословиц определяет связи между фактами разных языков, которые отражают общую культуру их носителей и в тоже время специфические черты, присущие исключительно той или иной культуре. В данной работе был проведен сопоставительный анализ пословиц с компонентом «семья» в разноструктурных и генетически неродственных русском и турецком языках. Были рассмотрены 155 пословиц (81 русская и 74 турецких) о семье. В рассмотренных нами пословицах выявлено:

- 16 пословиц (8 русских и 8 турецких), являющихся полными эквивалентами, совпадающих и по содержанию и по форме;
- 24 пословицы (12 русских и 12 турецких), полностью совпадающие по содержанию и частично совпадающие по форме, т. е. имеющие частичные эквиваленты;
- 100 пословиц (54 русские и 46 турецких), совпадающих по содержанию, но не совпадающих по форме, т. е. имеющих аналоговые эквиваленты;
- 15 пословиц (7 русских и 8 турецких), не имеющих аналогов или эквивалентов, т. е. являющихся безэквивалентными единицами.

Таким образом, в ходе сопоставительного анализа русских и турецких пословиц с компонентом «семья» были выявлены сходства и различия в их семантическом содержании. Это позволяет сделать вывод о том, что в русской и турецкой культуре сложились как общие, так и различные взгляды на семью. Несмотря на это нам все же удалось выделить большое количество похожих категорий среди русских и турецких пословиц, что говорит о том, что отношение к семье у русских и турок во многом сходится. Темы, затрагиваемые в русских и турецких пословицах о семье, обнаруживают как сходство, так и небольшие отличия друг от друга.

В результате сопоставления было выявлено, что в двух языках больше всего пословиц, не совпадающих по форме, но имеющих одинаковое содержание (100 из 155). Это позволяет предположить, что в основе пословиц и русского, и турецкого языка лежат общие культурные составляющие, что свидетельствует об общности человеческого мышления.

Таким образом, можно говорить о наличии в русских и турецких пословицах с компонентом «семья» общих и национально-специфических особенностей. Это приводит нас к выводу, что та или иная мысль, заложенная в пословице, нередко повторяется в пословицах других народов, но словесная форма пословицы несет

в себе неповторимую информацию, отпечаток характера данного народа. У каждого народа присутствуют характерные для своей нации, религии, культуры, социального быта пословицы, к которым трудно найти вариант в другом языке.

Рассмотренные нами пословицы смогут стать информационно-справочным материалом, будучи добавленными в любой словарь пословиц, который будет составлен в будущем. Также надеемся, что статья станет источником, к которому будут обращаться студенты, изучающие русский и турецкий языки как иностранные. Рассмотренные нами пословицы могут быть включены в учебники и учебные пособия как иллюстративный и страноведческий материал.

ЛИТЕРАТУРА

Авдонина Л.Н., Костина А.Е. Номинативное поле концепта «семья» в русской и английской культуре // Молодой ученый. 2015. № 15(95). С. 657–659.

Aksan Doğan. Türkçenin Söz Varlığı. Ankara: Bilgi Yayınevi, 2018. 256 s.

Aksoy Ömer Asım. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü 1, Atasözleri Sözlüğü. İstanbul: İnkilap, 2021. 484 s.

Аникин В.П. Искусство слова в пословицах и поговорках // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. С. 6–8.

Батанова И.А. Концепт «семья» в русской и турецкой лингвокультурах // Молодой ученый. 2017. № 3(137). С. 645–648.

Биктагирова З.А. Концепт «семья» в паремиологии английского, турецкого и татарского языков / Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т: Автореферат дисс.... канд. филол. наук. Казань, 2007. 24 с.

БСЭ. Современный толковый словарь: slovar.cc/rus/bse/520514.html (дата обращения: 27.02.2023).

БЭС – Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Российская энциклопедия; Норинт, 2000. 1434 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.

DPT. Türk Aile Yapısı. VI. Beş Yıllık Kalkınma Planı Ö.İ.K Raporu. Ankara: T.C. Başbakanlık Devlet Planlama Teşkilâtı Yayınları, 1989.

Elverdi Ezel, Kutlu Mustafa. Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi. İstanbul: Dergah Yayını, 1977. 557 s.

Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «семья» / Удмуртский государственный университет: Автореферат дисс.... канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 27 с.

Kurt İhsan. Atasözlerinde Aile // Sosyo-Kültürel Değişme Sürecinde Türk Ailesi. № 71. 2. Cilt. Ankara: Başbakanlık Aile Araştırma Kurumu Yayınları, 1992. S. 626–649.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Ozharova Aigerim, Jakypbekova Mamilya. Kazak ve Türk Ailesiyle ilgili Anlamsal Atasözleri // trk dergisi. 2021. № 2(1). S. 102–112.

Резвани Ваджихе, Валипур Алиреза. Уважительное отношение к матери в русских и персидских пословицах // Молодой ученый. 2014. № 16(75). С. 182–185.

Saraçbaşı M. Ertuğrul, Minnetoğlu İbrahim. Örnekli ve Açıklamalı Türk Atasözleri. İstanbul: Bilge Kültür Sanat, 2002. 360 s.

TDK, Güncel Türkçe Sözlük: sozluk.tdk.gov.tr/ (Erişim Tarihi: 28.02.2023).

Hengirmen Mehmet. Atasözleri Sözlüğü. Ankara: Engin Yayınevi, 2011. 608 s.

REFERENCES

Aksan Doğan (2018). Vocabulary of Turkish. Ankara. Bilgi Publ. 265 p.

Aksoy Ömer Asım (2018). Dictionary of Proverbs and Idioms. 1. Dictionary of Proverbs. İstanbul. İnkilap Publ. 484 p.

Anikin V.P. The Art of the Word in Proverbs and Sayings. In: Zhukov V.P. Dictionary of Russian Proverbs and Sayings. Moscow. Russky yazyk Publ. 2000, pp. 6–8.

Avdonina L.N., Kostina A.Ye. Nominative Field of the Concept "Family" in Russian and English Culture. *Young Scientist*. 2015. No 15(95), pp. 657–659.

Batanova I.A. The Concept of "Family" in Russian and Turkish Linguistic Cultures. Y*oung Scientist*. 2017. No 3(137), pp. 645–648.

Big Encyclopedic Dictionary. 2nd ed. / Ed.: A.M. Prohorov. Moscow. Bolshaya Rossiyskaya Enciklopedia Publ.; Norint Publ. 2000. 1434 p.

Biktagirova Z.A. (2007) The Concept of "Family" in the Paremiology of the English, Turkish and Tatar Languages: Abstract of the Thesis (Philological Sciences). Kazan. 24 p.

Dal V.I. (1989). Proverbs of the Russian People. Vol. 1. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 431 p.

DPT. Turkish Family Structure. In: VI. Five-Year Development Plan O.İ.K Report. Ankara, T.C. Başbakanlık Devlet Planlama Teşkilâtı Publ. 1989.

Elverdi Ezel, Kutlu Mustafa. (1977) Turkish Language and Literature Encyclopedia. İstanbul. Dergah Publ. 557 p.

Hengirmen Mehmet. (2011) Dictionary of Proverbs. Ankara. Engin Publ. 608 p.

Kurt Ihsan. Family in Proverbs: From Turkish Family in the Process of Socio-Cultural Change. 2nd ed. No 71. 2. Cilt. Ankara. Başbakanlık Aile Araştırma Kurumu Publ., pp. 626–649.

Modern Explanatory Dictionary: slovar.cc/rus/bse/520514.html (date accessed: 27.02.2023).

Mokiyenko V.M., Nikitina T.G. (2010) Big Dictionary of Russian Proverbs. Moscow. OLMA Media Grupp Publ. 1024 p.

Ozharova Aigerim, Jakupbekova Mamilya. Semantic Proverbs about Kazakh and Turkish Family. *TRK dergisi*. 2021. No 2(1), pp. 102–112.

Rezvani Vadjihe, Valipur Alireza. Respectful Attitude to Mother in Russian and Persian Proverbs. *Young Scientist*. 2014. No 16(75), pp. 182–185.

Sarachbashi M. Ertugrul, Minnetoglu Ibrahim. (2002) Turkish Proverbs with Examples and Explanations. Istanbul. Bilge Kültür Sanat Publ. 360 p.

TDK. Current Turkish Dictionary: sozluk.tdk.gov.tr/ (date accessed: 28.02.2023).

Turkish Language and Literature Encyclopedia Dergah Publishing. (1977). Bais Ahmed: turuz.com/storage/Language/2017/1330-Turk_Dili_Ve_Edebiyati_Ansiklopedisi-Devirler-Isimler-Eserler-Terimler-1-1977-557s.pdf (date accessed: 28.02.2023).

Zheleznova Yu.V. (2009) Linguocognitive and Linguocultural Study of the Concept "Family": Abstract of the Thesis (Philological Sciences). Izhevsk. 27 p.

Сведения об авторе:

Зоя Шенгюдер,	Zoya Şengüder,
доктор филол. наук	PhD (in Philology)
преподаватель	Lecturer
литературный факультет	Faculty of Letters
Стамбульский университет	Istanbul University

zoyaborsuk@gmail.com

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-69-80

UDC/УДК 80/81

Н.И. Гиясов, Б.П. Ашрапов (Худжанд, Республика Таджикистан)

Морфологические особенности и уровень употребления составных наречий в таджикском литературном языке XVIII века (на примере исторического сочинения под названием «Тухфат-уль-хони» Мухаммадвафои Карминаги)

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о морфологических особенностях и уровне употребления составных наречий (СН) в таджикском литературном языке XVIII в. на примере исторического сочинения «Тухфат-ул-хони» Мухаммадвафои Карминаги. Отмечено, что составные наречия более продуктивны в плане их употребления, чем другие типы наречий в нашем исследовании. Стоит отметить, что уровень использования СН, обозначающих степень, способ, место и время, различен, например: СН степени – 22 раза (8 %), способа – 67 раз (25 %), места – 27 раз (10 %) и времени – 150 раз (57 %).

В ходе исследования мы заметили, что СН создаются и употребляются с простыми предлогами *то=до, к; ба=к; дар=в, у, на,* а также с арабским предлогом *фа=тогда,* как и СТЛЯ от именных частей речи и арабских заимствованных слов, однако арабские СН более продуктивны, чем таджикские, в том числе по уровню использования. Арабские СН в 42 раза (70 %), а таджикские в 18 раз (30 %).

Приведенные исследования и сопоставления показали, что ряд СН встречается в письменном наследии XVII–XVIII вв., и большинство из них сохранилось и используется в СТЛЯ.

Ключевые слова: современный таджикский литературный язык, наречия, сложные наречия, уровень употребления, наречия степени, способа, места и времени, исторические труды, сравнительный анализ, морфологические особенности, «Тухфат-ул-хони» Мухаммадвафо Карминаги

N.I. Giyasov, B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)

Morphological Peculiarities and Level of Usage of Composite Adverbs in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadvafo Karminagi)

Abstract: The article dwells on the issue concerned with morphological peculiarities and the level of usage of composite adverbs (CAs) in Tajik literary language referring to the 18th century on the example of the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by

Muhammadvafo Karminagi. It is underscored that CAs are more productive in terms of their use than other types of adverbs in the corpus of our study. It is worth mentioning that the level of usage of CAs denoting degree, manner, place and time is different, for example: CAs of degree – 22 times (8 %), of manner – 67 times (25 %), of place – 27 times (10 %) and of time – 150 times (57 %).

In the course of exploration we noticed that CAs are created and used with simple prepositions *mo/to=till, up to, to; ба/ba=to; дар/dar=in, at, on* as well as with the Arabic preposition *фа/fa=then*, like MTLL ones from nominal parts of speech and Arabic borrowed words; however, Arabic CAs are more productive than Tajik ones, including the level of usage of Arabic CAs being 42 times (70 %) and Tajik ones – 18 times (30 %).

It is concluded that the adduced researches and comparisons have shown that a number of CAs can be found in the written heritage of 17th–18th centuries, and most of them are preserved and used in MTLL.

Key words: modern Tajik literary language, adverbs, composite adverbs, level of usage, adverbs of degree, manner, place and time, historical works, comparative analysis, morphological peculiarities, "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadvafo Karminagi

INTRODUCTION

The study and consideration of the new various periods of the development connected with the history of the Tajik literary language depend on surveying both authoritative prosaic and poetic works referring to the periods of 8th–9th centuries up to now, in particular, as in general, the history of literary language can be established on the basis of great men-of-letters' creations. It is worth mentioning that "determining different periods of the history of the language and its high points of development based on both scientific-historical traces and artistic ones we proceed from the assumption of the actual issues in the field of Tajik linguistics [6: 28].

Determination of morphological, syntactic, lexico-semantic peculiarities of adverb is considered to be one of the most important and crucial issues in the sphere of Tajik linguistic studies [1]. A number of scholars in linguistic studies have done extensive researches beset with the consideration of grammatical peculiarities of adverbs and other auxiliary parts of speech in modern Tajik literary language (MTLL), and have clarified their functions, peculiarities, meanings and positions and other parts of speech as well. It is well-grounded that in MTLL adverbs are divided into the following subgroups functionally and semantically: manner, similarity, quantity and degree, time and place, cause and purpose.

Academician B.N. Niyozmuhammadov underscores that "adverb have been formed and included into morphology as the last part of speech formed from other parts of speech historically" [10: 56].

As a rule, all kinds of adverbs are used in the corpus of our study: simple, derived, compound and complex ones [2]. A number of researchers who dwelt on the language of historical writings [5; 11; 12; 14] noted that in the latters compound and composite adverbs were rarely used. However, our factual materials concerning the theme explored show that such kinds of adverbs are used, on the contrary, more frequently than other ones.

It is worth mentioning that the written heritage belonging to the 18th century is considered to be one of the basic historico-literary treasures aimed at the study of the Tajik literary language, and "it is extremely interesting under the angle of its form and style. One of the outstanding historical writings of the relevant period is "Tuti-Name" by Qodiri which reflects the position, situation and scenery of the Tajik literary language of the 18th

century" [Rahmon Emomali, 2020: 223]; at the same time, the language of the historico-literary works appertaining to 17th–18th centuries is rarely studied, and there is "a not very large article by A. Mirzoev [8: 115–120] depicting morphological peculiarities of Saidoi Nasafi's compositions and there is still no research on the language of the works concerning the 18th century" [3: 21].

The above-mentioned statement proves that the consideration of the historical writing by M. Karminagi (18th c.) is the first exploration in the field of Tajik linguistics, for the first time.

The subject and object of our research is to consider morphological peculiarities and the level of usage of composite adverbs (CAs) in the Tajik literary language appertaining to the 18th century (on the example of the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadvafo Karminagi) depicting different historic events of Manghtys' state.

The aims of the corpus of our study are:

- to dwell on the ways of CAs construction in terms of their function and meaning;
- to compare the relevance of the theme exploring with modern Tajik literary language;
- to single out some distinctive peculiarities of CAs.

THE MAIN PART

CAs are more productive in terms of their use than other types of them. Traditionally, in order to compose CAs two nouns or other parts of speech are resorted to by virtue of conjunctions *-y=and* or *ë=or*. The relevant grammatical phenomenon is considered to be one of the most frequent ways in the language of the corpus of our study. Hereby, we decided to canvass certain grammatical peculiarities and the level of usage of CAs, as follows:

1) Two simple and derivative nouns are connected by dint of conjunctions *-y/u=and* and *ë/yo=or* to compose CAs denoting manner, time and place. Indeed, in the corpus of our study the relevant grammatical event occurs frequently and productively. In the course of adducing examples we noticed some distinguishing features among such kinds of CAs under the angle of their formation; therefore we decided to divide them into several subgroups according to the following patterns, such as:

a) simple Tajik noun + conjunction *-y/u=and/ë/yo=or* + simple Tajik noun: *čoštu šom=forenoon and evening* [9: 80/158]; *čošt yo šom=forenoon or evening* [9: 6/10]; *šabu ruz=night and day* [9: 158/314, 197/392] (temporal Adv); *čapu rost=left and right* [9: 25/45] (adv. place); *piyodavu savor(a)=on foot and riding* [9: 23/41, 23/41, 85/168, 87/171, 1113/223, 134/265, 260/518] (adv. manner): …daryo-i laškar mardonavor poye-i wiqor afšurda, *čapu rost* va qalb-i jinoh-i xud-ro ba nasaq-i toza va amin ba [9: 24/43]; Čun baronğoru javonğor-i qul *az ūngu sūl=from the right and left* dar Suğd-i Samarkand qaror yoft [9: 72/140, 117/231, 127/251].

Alongside with, the author of the historical writing used Turkish borrowed nouns *ūngu sūl=from the right and left* with the Tajik simple proposition *az=from* to compose CAs denoting place based on the above-adduced pattern in the last sentence. It should be noted that the relevant borrowed words are used in modern Uzbek literary language as composite adverbs;

b) simple Arabic noun + conjunction *-y/u=and* + simple Tajik noun: *subhu šom = morning and evening* [9: 125/247] (temporal Adv); *forisu piyoda = riding and on foot* [9: 59/113] (adv. manner): …to hafta-i digar *subhu šom* simot-i ayšu xurrami orosta bud [9: 244/485]; …*forisu piyoda* abraš-i tezgomi ba jonib-i Movarounnahr davonad [9: 59/113];

c) simple Arabic noun + conjunction *-y/u=and* + simple Arabic noun: *laylu nahor = night and day* [9: 3/4, 33/61, 45/85, 70/135, 81/160, 83/164, 146/289, 221/440, 279/555]; *layolivu ayom=nights and days* [9: 88/173, 197/392]; *šuhuru a'vom = months and years* [9: 213/423] (temporal Adv); *yaminu yasor = right and left* [9: 86/169, 113/223] (adv. place);

forisu rijol = riding and on foot [9: 85/168] (adv. manner): …az tavolid-i *layolivu ayom* va tasorif-i *šuhuru a'vom* vusul-i čašmzaxm-e ba iqbol-i nusratomol meangoštand [9: 213/423]; …*'alo marri-š-šuhuri va-l-a'vom=by passing months and years* maorij-i uliya va madorij-i raziya rasonida… [9: 231/459].

In the last sentence an Arabic set of phrase is used as a temporal composite adverb in the historical writing under consideration only once.

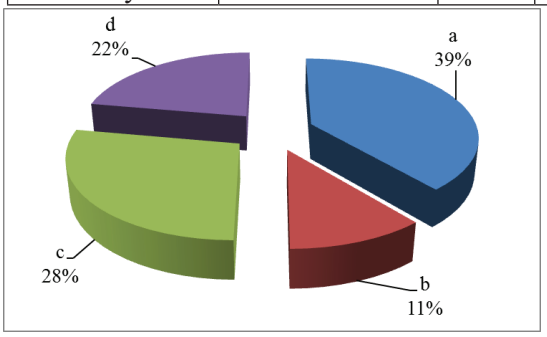
Designing on the premise of the above-adduced patterns M. Karminagi resorted to the following simple Tajik prepositions *dar=in/at/on; az=from* and *ba=to* in order to form CAs denoting place, such as: *az čapu rost=from the left and right* [9: 83/164]; *ba yaminu yasor = to the right and left* [9: 11/20, 63/121, 66/128, 91/179, 104/206, 122/242]; *az yaminu yasor = from the right and left* [9: 63/122, 95/187, 101/200, 123/243, 130/258, 164/325, 173/344, 186/370, 187/372, 195/387, 206/409, 226/449, 234/466, 237/471, 256/509]; *dar ungu sul = on the right and left* [9: 173/344, 254/506]; *az ungu sul = from the right and left* [9: 226/449]; Davlatbiye *az yamin* va Ğaybullohbiye *az yasor* qul-i nusratšior robit-i tahavvur afrošta… [9: 281/559].

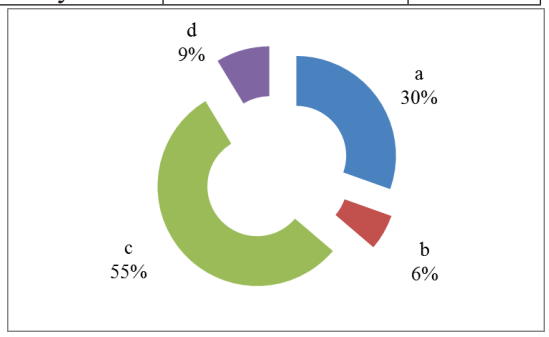
d) prefix *бе-/be- = non-/un-/dis-/mis-/ir-* + noun + conjunction *-y/u=and* + noun: *besaru barg = disorderly* [9: 43/81]; *besaru po = helplessly* [9: 191/379]; *besakku rayb = undoubtedly* [9: 12/22] = *bešakku šubha = undoubtedly* [1985: 283]; *beziyodavu nuqson = entirely, completely* [9: 240/477, 273/543] = *bekamu kost=exactly, entirely* [1985: 283]: Har oina *bešakku rayb* tafriqa-i xotir va parešoni-i ahvol ba qasd-i jam'iyat-i šoh va sipoh-i muqobil xohad roh yoft [9: 12/22]; …fath-i Šerobod va siyosat-i jamoa-i yuz-ro *beziyodavu nuqson* ba sokinon-i qal'a-i Boysun taqrir namudand [9: 240/477].

The level of usage of CAs in the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadwafo Karminagi

Comparative analysis of statistical methods based on two simple and derivative nouns are connected by dint of conjunctions *-y/u=and* and *ё/yo=or* to compose CAs denoting manner, time and place

Pattern of CAs	Amount of CAs	%	Pattern of CAs	Level of usage of CAs	%
A	7	39%	A	21	30%
B	2	11%	B	4	6%
C	5	28%	C	38	55%
D	4	22%	D	6	9%
R – totally	18	33%	R – totally	69	43%





2) Two simple and derivative adjectives and adverbs used by virtue of conjunctions *-y/u=and* to compose CAs denoting manner and place. In the corpus of our study such kind of grammatical phenomenon is rarely used: *duru nazdik = far and near* [9: 237/472] = *qaribu baid = near and far* [9: 141/279]; *pešu pas = forth and back* [9: 88/174]; *solimu emin = healthy and safe* [9: 190/377, 239/475]; *solimu mutmain = healthy and certain* [9: 240/477] (adv. manner): …burju bora-i ū-ro istehkomu masdud namuda, iltijo… *qaribu*

baidi xud dodand… [9: 141/279]; Va *az duru nazdik = from far and near* rubqa-i itoatu farmonbardori bar riqba-i ixlos andoxta… [9: 213/424, 237/472]; Va arbob-i jasorat va ašob-i fahmu kiyosat-ro *az pešu pasi* korvon va atrofu havoši-i umarovu sarkardaho-i Tūron gumošt [9: 88/174]. O.Sulaimanov laid an emphasis upon such kind of CAs as: "However, in the historical writing entitled as "The History of Baihaqi" we only encountered *pasu peš=back and forth* which is also used in the contrary form *pešu pas = forth and back* [11: 134].

Here also we decided to divide CAs formed on the basis of the above-mentioned group into several categories according to the following patterns:

a) simple adjective + conjunction *-y/u=and* + prefix + simple noun: *solimu beğaš = healthy and sincerely* [9: 3/4, 140/277, 222/442]; *solimu bexatar = healthy and protectedly* [9: 12/22]: …az čunin buttaho-i jongudoz *solimu beğaš* baromad… [9: 3/4]; …ohodu afrod-i junud-i xud-ro *solimu bexatar* doxil-i dorussaltana-i Bukhara gardonida… [9: 12/22];

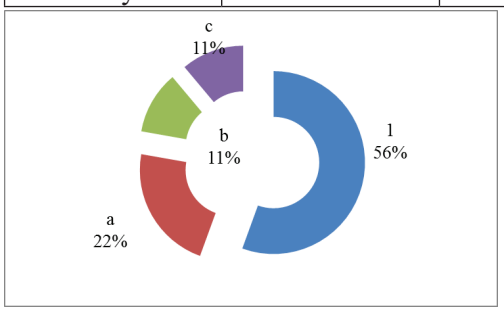
b) prefix *но-/no-* + derivative adjective + prefix *бе-/be-* + simple noun: Čun idbor girebongir-i mardum-i Xorazm bud, kušišu jalodat-i Alborsxon *nosudmandu befoida* omada… [9: 38/71];

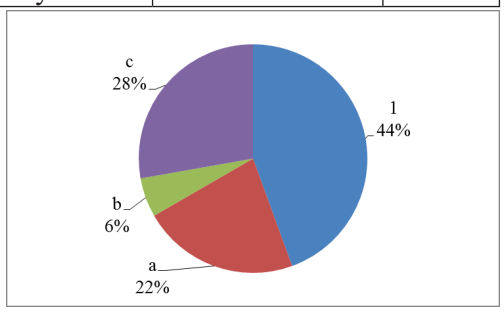
c) simple adjective + conjunction *-y/u=and* + Arabic muzofunilayhi: *solimu muraffahulhol* [9: 147/291, 240/478, 257/511, 266/529]: …ba mavtan-i ma'lufaš *solimu muraffahulhol* rasonid [9: 111/220].

The level of usage of CAs in the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadwafo Karminagi

Comparative analysis of statistical methods based on two simple and derivative adjectives and adverbs used by virtue of conjunctions *-y/u=and* to compose CAs denoting manner and place

Pattern of CAs	Amount of CAs	%	Pattern of CAs	Level of usage of CAs	%
1	5	56%	1	8	44%
A	2	22%	A	4	22%
B	1	11%	B	1	6%
C	1	11%	C	5	28%
R – totally	9	16%	R – totally	18	11%





3) Two derivative nouns (Tajik-Arabic) and tense of verb used by dint of conjunctions *-y/u=and* to compose CAs denoting manner. It is noticed that CAs based on the relevant pattern are very rarely used in the corpus of our study. In spite of their non-productiveness they possess some distinguishing peculiarities in terms of structure and style. Hereby, we subdivide them into several categories, such as:

a) prefix + tense of verb + conjunction *-y/u=and* + derivative adverb: *banoxohu nočor = willy-nilly* [9: 98/193, 171/339]; derivative adverb + conjunctions -y/u=and + prefix + tense of verb: *banočoru noxoh = willy-nilly* [9: 174/346]: …inon-i sukun va orom az kafi ixtiyor-i ū raho šuda *banoxohu nočor* čunon payğom firistod, ki amir-i komron-ro… [9: 171/339].

It is known that the first and the second patterns swapped, but they are synonyms to each other from the viewpoint of meanings;

b) derivative noun + conjunctions *-y/u=and* + derivative adverb: *bazaruratu nočor* = willy-nilly [9: 171/340]: …*bazaruratu nočor* avboš-i asokir-i voloamon dar atrofu javonib… toroj ba axzi ba ehtiyoj boz kuned… [9: 171/340].

In reference to it, CAs formed by the above-adduced patterns are repeated by means of the coordinative conjunction *va=and* expressing adverbs of manner. The relevant grammatical event is considered to be one of the distinctive peculiarities of the theme explored. Such kinds of CAs are not used in the previous researched works and in MTLL at all [Ismoilov, 1971]: …*bazaruratu nočor va baikrohu iztiror* az zirva-i in qal'a-I rif'atu baland-i va tahziz-i mazallatu xori furuz omad… [9: 68/132]; …buğzu adovat-i derina-i in davlat-i sipehrmanzallat doštand *bazaruratu iztiror va banoxohu nočor* mute' va munqod soxt… [9: 98/193].

In the last sentence the first CA is formed by the Tajik prefix and the Arabic noun and the second one is based on the Tajik pattern connected by the conjunction *-y/u=and*. They are synonyms in term of meanings;

c) prefix + Arabic word + conjunction *-y/u=and* + Arabic *muzofunilayhi: benasibu adimulistehqoq* [9: 188/374]; prefix + Arabic word + conjunction *-y/u=and* + derivative noun: *behorisu nigahbon* [9: 242/482]; prefix + Tajik word + conjunction *-y/u=and* + Arabic noun: Va asbob-i zafaru nusrat dar qabza-i iqtidor-i u *baosonivu suhulat* guzorad [9: 154/306];

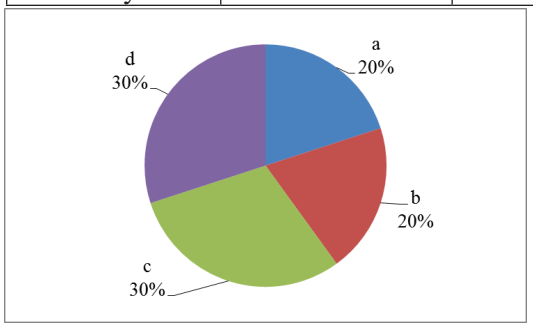
d) prefix + Arabic word + conjunction *-y/u=and* + Arabic word: *bezannu tafakkur = unthinkingly* [9: 68/132]: …*betakosulu ihmol = unlezinessly* ba suye-i qoli-i ijlol ravona namoyad… [9: 48/91]; …*beta'allilu betahoši = unquestioning* kamar ba muloqot-i šohi basta… [9: 20/35].

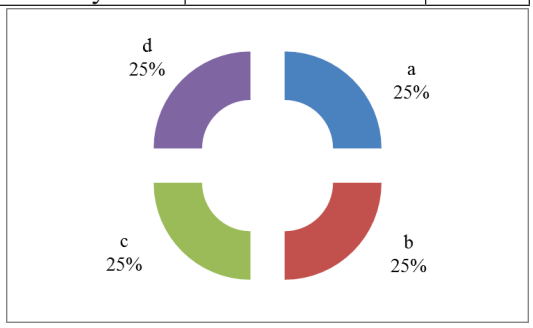
As well as in the course of the exploration we encountered some CAs, we saw that their parts consist of compound nouns denoting adverbs of manner: *yaktanu yakdil = unanimously* [9: 87/171]; *yakdilu yakzabon = unanimously* [9: 82/162, 95/188]; *yakdilu yakjihat = unanimously* [9: 34/63, 197/392, 255/508]: …harb-i šadid oğoz karda az tarafayn muborizon *yakdilu yakjihat* teğ-i intiqom az niyom-i xunošom barovarda… [9: 197/392].

The level of usage of CAs in the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadwafo Karminagi

Comparative analysis of statistical methods based on two derivative nouns (Tajik-Arabic) and tense of verb used by dint of conjunctions *-y/u=and* to compose CAs denoting manner

Pattern of CAs	Amount of CAs	%	Pattern of CAs	Level of usage of CAs	%
A	2	20 %	A	3	25 %
B	2	20 %	B	3	25 %
C	3	30 %	C	3	25 %
D	3	30 %	D	3	25 %
R – totally	10	18 %	R – totally	12	8 %





As a rule, in "Tuhfat-ul-khani" CAs are created and used with simple prepositions *mo/to=till, up to, to; ба/ba=to; дар/dar=in, at, on* as well as with the Arabic preposition *фа/fa=then*, like MTLL from nominal parts of speech and Arabic words. However, the Arabic preposition *фа/fa=then* is not normal in both the previously explored researches and in MTLL. The relevant CAs perform mainly the functions of manner and time.

Temporal CAs: *sol to sol = year by year* [9: 212/421]; *dam ba dam = sometimes* [9: 53/101, 128/254, 131/259, 217/432]; *soat ba soat = hourly* [9: 16/28, 18/31, 40/75, 41/77, 45/85, 55/106, 59/113, 60/115, 144/286, 167/332, 196/389]; *rūz ba ruūz = day by day* [9: 59/113, 158/314]: Tariq-i amoni-ro dar viloyat-I Movarounnahr masdud kardand, *soat ba soat* intizom-i qavoid-i mulku millat dar taroje' aftod… [9: 16/28].

It is worth stressing that in "Tuhfat-ul-khoni" there are a number of composite Arabic adverbs. They are formed by means of conjunctions *ва/va=and, –у/u=and, ё/yo=or* and also by the adversative Arabic conjunction *ав=or*. The conducted observations and comparisons with other historical writings belonging to the explored period (18th c.) testify that the relevant Arabic adverbs are not only characteristic of "Tuhfat-ul-khoni", but typical of the literary language of the period under consideration either. Into the bargain, such kind of adverbs was used until the 19th century (on the example of "Zafar-Name" by Khusravi). Adducing the result of collected examples, it becomes clear that Muhammadvafo Karminagi resorted to the conjunctions of both Tajik and Arabic in some cases to compose composite Arabic adverbs with *танвин/tanvin.*

B.Sharifov quoted the following sentence on the subject of conjunction *чун/čun* to prove his assumption: "Čun ba ğayr-i talaqqi kamina-ro tariq-e namud, *taw'an va rağbatan* on multamasot-ro qabul namud" [12: 218]. Although B.Sharifov did not consider such kind of composite adverb it can be said that the relevant Arabic adverbs were also common in the 16th century: *taw'an av karhan = willingly or unwillingly* [9: 25/45, 37/69, 116/229, 188/373, 193/383]; *tav'an yo karhan* [9: 194/386]; *ixtiyoran av iztiroran = voluntarily or compulsorily* [9: 123/243]; *qahran va qasran = unconditionally* [9: 156/309]; *sam'an va toatan = audibly and obediently* [9: 196/390, 234/466]; *aslan va qat'an = really and naturally* [9: 83/163]; *farazan va haqiqatan* [9: 28/52]; *zohiran av botinan = outwardly and inwardly* [9: 46/87, 221/440]: …sū-i utba-i uliyo šitoft va *sam'an va toatan* kamar-i xizmat-i iqbol-i zafaramsol bar natoq-i itoatu inqiyod bast [9: 235/467]; …navohi-i ešon-ro *qahran va qasran* intizo' namuda… [9: 156/309, 272/542]; …*banočor* dast-i tahavvur az ostin-i ğayrat barovarda… [9: 73/142]. The above-adduced examples prove that Muhammadvafo Karminagi resorted to composite Arabic adverbs *qahran va qasran* as a synonym of the Tajik one *banočor*.

In regard to the above-mentioned topic Muhammadvafo Karminagi used only once the Arabic adverb *aban an jaddin = from generation to generation.* This is considered to be one of the distinctive features of the corpus of our study: …bo xonadon-i salotin-i zaviehtirom tabaqa-i ešon-ro *aban an jaddin* izz-i musoharat az jonibayn bud… [9: 91/179].

As well as, Khusrav Farshedvard underscores the main point associated with the relevant issue referred to as: "the point that can be made in the way of using the element *танвин/tanvin* in this book, such as *azizan va mukarraman, tulan va arzan, haqan summa haqin, hoiban-hasir, ğoniman-zofiran* and *favjan ba'da favjin,* which were less common before, but later they became more typical in our language referring to 6th–7th centuries" [William, 1828: 130].

One of the distinctive features of the Tajik literary language of 18th–19th centuries is that in this period there are more composite Arabic adverbs than Tajik ones, including

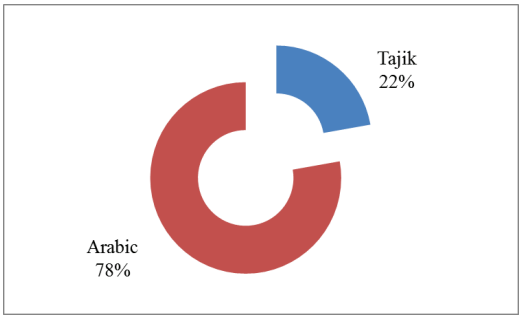
ruz az ruz, sol az sol etc. They are formed by dint of the Arabic prefix *фа/fa* = past, after: *onan faonan = gradually* [9: 16/28, 18/31, 60/115, 130/257, 131/259, 167/332, 257/512, 272/541, 274/545]; *yavman fayavman = day by day* [9: 7/12, 9/15, 19/34, 55/106, 60/116, 139/276, 146/289, 159/316, 260/518, 274/545]. Muhammadvafo Karminagi often uses the above-stressed adverbs instead of Tajik ones. In reference to it, one can assert that these linguistic units are occurred neither in modern Tajik literary language nor in the following historical production: *Onan faonan* surat-i izdiyod-i gurūh karda va tazouf-i juyuš mar'i mešud… [9: 64]; …umed az mabda-i qiyos on ast, ki *yavman fayavman, balki onan faonan* fuyuzot-i mutavoli va futuhot-i nomutanohi-ro qarin-i omol va radif-i ahvol-i in xonadon-i buzurgvor kard… [9: 274/545].

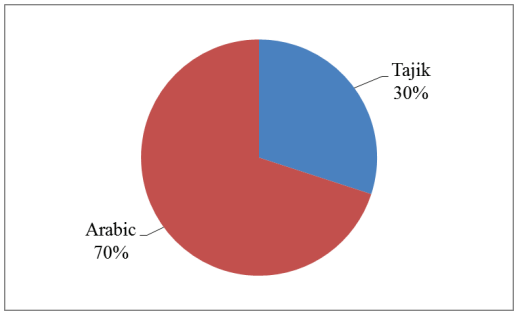
Thus, by virtue of izofat *баъди/ba'di = after* the composite Arabic adverb *onan ba'di onin* is canvassed in the corpus of our study as used only once: Hazrat-i hoqon-i komgor ba'd az futuhot-i bisyor, ki *onan ba'di onin* az tavorud-i latoif-i ğaybi mušohada farmud [9: 60/115]; …dar in xonadon *batnan ba'di batnin va qarnan ba'di qarnin* sobitu barqaror dar arsa-i ruzgor yodgor bimonad… [9: 37/69]. In the last example, composite Arabic adverbs are used collectedly which is considered to be one of the distinguished grammatical peculiarities of the theme in question.

The level of usage of CAs in the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadwafo Karminagi

Comparative analysis of statistical methods based on CAs are created and used with simple prepositions *mo/to=till, up to, to; ба/ba=to; дар/dar=in, at, on* as well as with the Arabic preposition *фа/fa=then*, like MTLL from nominal parts of speech and Arabic words

CAs	Amount of CAs	%	CAs	Level of usage of CAs	%
Tajik CAs	4	22%	Tajik CAs	18	30%
Arabic CAs	14	78%	Arabic CAs	42	70%
R – totally	18	33%	R – totally	60	38%





There are large considerable numbers of set of phrases included into CAs in "Tuhfat-ul-knoni". The formers are similar to MTLL's CAs in terms of structure and style. They participate in composing CAs of manner in the corpus of our study: *az samimi qalb, az samimi rizo, to haddi farmon:* …dar-i ijtihod bandad va *az samimi qalb* rafohat-i hol-i raoyo va musovot-i sunuf-i baroyo-ro vajh-i himmat-i olinahmat-i xud sozad… [9: 6/9]; Har sa'y-e, ki dar bora-i on qavm muvofiq-i davlat-i qohira bošad, *az samimi rizo* imzo namoyand [9: 182/362]; …ba hamin niyat dar amal sat, *to haddi farmon* az parda-i ğayb makammani ixtifo ba mansaba-i zuhur jilva namoyad [9: 133/263].

In this regard, some sets of phrases formed by virtue of the preposition *ба/ba=to* and the numeral *саd/sad = hundred* are resorted to serve as CAs of degree and manner and such kinds of CAs are extremely productive ones in the language of the historical

writings under consideration: *ba sad pečutob* [9: 88/174]; *ba sad zebufar* [9: 50/95]; *ba sad xūša-i xurrami* [9: 56/107]; *ba sad mehnatu čandin tafriqa* [9: 73/141, 130/257, 280/558, 281/559]; *ba sad maš'alavu tašviš* [9: 77/152]; *ba sad oyein* [9: 98/194]; *ba sad nayrang* [9: 187/372]: …*ba sad girudor* intišor yoft [9: 143/283, 215/428]; …*ba sad hilavu nayrang* sūye-i avton-i ma'luf murojiat namudand [9: 147/291]; …ba hayot-i selob-i sarosaršitob va sur'at-i amvoj *ba sad pečutob* uburu tajovuz farmud… [9: 88/174].

Sets of phrases whose composed CAs refer to those ones of manner and degree: *bo ru'b-i bisyor va xavf-i bešumor* [9: 64/124]; *bo kasrat-i ru'bu haros* [9: 165/327]; *az xavfu ru'b-i bisyor* [9: 289/576]; *ba sur'atu hašmat-i tamom* [9: 34/64]; *ba čandin sur'atu tavajjuh* [9: 75/147]; *ba sur'at-i sarsar va šitob-i barq* [9: 76/150]; *ba gom-i sur'at* [9: 181/360]; *ba nihoyat-i sur'at* [9: 129/256]: …*bo ru'b-i bisyor va xavf-i bešumor* su-i daštu sahro šitoft… [9: 64/124]; …*bo kasrat-i ru'bu haros* ba vodi-i firoru nokomi iltimos namud… [9: 165/327].

Into the bargain, there are sets of phrases serving as CAs of time indicating at what time and until when the action is completed: *begoh-i jum'a-i oxir-i yavm-i panjšanbe* [9: 90/178]; *on ruz az avval-i bomdod* [9: 103/203]; *oxir-i fasl-i tamuz va avval-i mavsim-i xarif* [9: 139/275]; *az avval-i saboh to qabil-i šom* [9: 180/358]; *az mubodivu avoil-i tiramoh to avositu avoxir-i zimiston* [9: 271/539]; *az qadimulayom ilo hozalhangom* [9: 211/419] = *az qadimulayom to in hangom* [9: 125/247]; *az mubodi-i ayom-i rabe'ulavval* [9: 222/442]; *on šab to saboh* [9: 35/66]; *az pešin-i on ruz to vaqt-i šom* [9: 278/554]; *har subh to šom va har šarq to ğarb* [9: 13/23]; *šom to saboh, az ravoh to maso* [9: 16/27]; *(az) subh to šom* [9: 18/31, 80/158, 131/259]; *az subh to šom va az šom to bom* [9: 44/84, 51/98]; *az bom to šom* [9: 217/431]; *az der boz* [9: 146/290]; *to begoh-i on ruz va fardo* [9: 216/430]: …*šabho to ruz* xob-ro ba dida-i bedor harom gardonidand [9: 284/565]; …ki *az qadimulayon ilo hozalhangom* hukkom-i on vilo ba mujib-i farmon va muqtazo-i ahkom-i salotin-i bahromšukuh-i kayvonmador ba zabt va ehtimom-i on navoh-i qiyom namuda šud… [9: 211/419]; …dod-i ayšu šodkomi medod, *šom to saboh, az ravoh to maso* sado-i nušonuš-i surohi va qadah bar bazmgoh-i Nohidu Zuhra merasid… [9: 16/27].

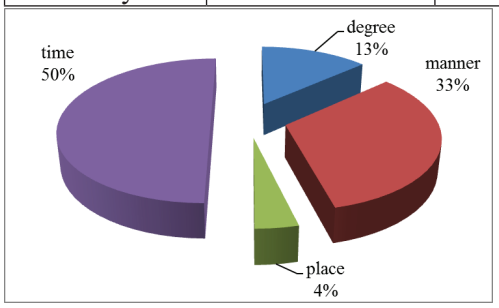
Finally, there are sets of phrases formed by simple prepositions and indicative pronouns used as CAs of time. While adducing the belonging examples we noticed that the relevant CAs are more frequently used than others ones. The below-mentioned examples are testimonies of the above statements: *dar on ayom = on those days* [9: 22/39, 160/317, 227a]; *on rūz = that day* [9: 11/20, 42/80, 102/202,103/203, 103/204, 118/234, 121/240, 130/257, 134/266, 151/299, 157/311, 180/358, 181/359, 188/374, 203/404, 203/404, 206/409, 208/413, 226/450, 227/452, 229/455, 254/506, 255/508, 259/515, 259/516, 263/524, 270/537, 288/574, 291/580]; *dar on ruūz = on that day* [9: 26/47, 102/201, 103/203, 129/256, 195/387, 259/515]; *dar in rūz = in this day/today* [9: 93/183, 124/245, 135/267, 150/298]; *dar in sol=in this year* [9: 119/236]; *namoz-i asr-i on rūz = that day's asr prayer* [9: 47/89]; *namoz-i digar-i on rūz = other prayer of that day* [9: 91/180, 204/405]; *dar ibtido-i ayom = at the beginning of days* [9: 289/576]; *dar soat-i iftor = at iftar time* [9: 125/248]; *ba murur-i ayom = over the course of days* [9: 249/496]; *dar mabodi-i ayom va avoil-i šuhur va a'vom, dar asinna-i ayom = at the beginning of days and the early of months and years, in the current days* [9: 80/158]; *az qadimulayom = from the ancient times* [9: 93/184, 148/293, 194/386]; *az (ba) (dar) mabodii ayom = from (to) (in) the beginning of days* [9: 109/215, 176/350, 231/460, 246/489, 251/499]; *namoz-i jum'a-i yavm-i mazkur = Friday prayer of mentioned day* [9: 91/179, 151/300]; *on rūz az avval-i bomdod = that day from the beginning of dawn* [9: 103/203]; *to pešin-i on rūz = up*

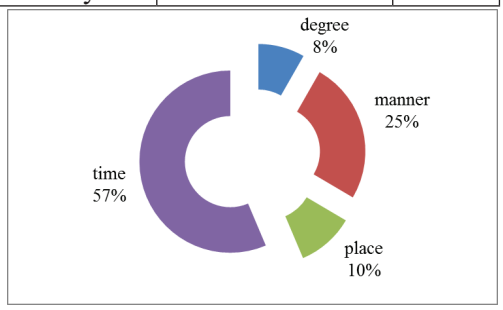
to midday of that day [9: 216/430]: …yavm-i panjšanbe qabl-i ğurra-i muharram *dar soat-i šams* ruxsat-i qiron va in'iqod-i haram-i muhtaram dodand… [9: 220/438].

The level of usage of CAs in the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadwafo Karminagi

Comparative analysis of statistical methods based on CAs denoting degree, manner, place and time

CAs of	Amount of CAs	%	CAs of	Level of usage of CAs	%
Degree	14	13%	Degree	22	8%
Manner	34	33%	Manner	67	25%
Place	4	4%	Place	27	10%
Time	52	50%	Time	150	57%
R – totally	104		R – totally	266	





CONCLUSION

In a nutshell, one can come to the conclusion that the historical writing under study reflects diverse and colorful grammatical peculiarities of the Tajik literary language referring to 17th–18th centuries. The conducted analysis in regard to morphological peculiarities and the level of usage of CAs of the language of the explored work allows us to familiarize ourselves with the history of the Tajik language in the relevant period and to summarize its grammatical changes in the course of evolution. Into the bargain, one can assert that the relevant part of speech, like other ones, is the most frequently-used in the corpus of our study. The adduced researches and comparisons have shown that a number of CAs can be found in the written heritage of 17th–18th centuries, and most of them are preserved and used in MTLL. They are formed by means of conjunctions *va=and*, *-u=and, yo=or* and also by dint of adversative Arabic conjunction *av=or*. The conducted observations and comparisons with other historical productions belonging to the explored period testify that the relevant Arabic adverbs are characteristic not only for "Tuhfat-ul-khoni", but are typical of the literary language of the period under consideration either.

ЛИТЕРАТУРА

Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Subordinate Compound Adverbs in Tajik Literary Language Appertaining to 18th–19th centuries (on the example of historical writings referred to as «Tuhfat-ul-khoni» and «Zafar-Name») // Studia Humanitatis. 2022. № 3.

Граматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с.

Дадохонов М.Д., Ҳасанов А.А. Мухтасаре аз тадқиқи таърихи забони адабии классикӣ (аз аҳди Сомониён то ибтидои асри XX). Хуҷанд, 1999. 94 с.

Исмоилов И. Зарф дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Ирфон, 1971. 86 с.

Камолова Г. Хусусиятҳои морфологии забони «Маҷмуъ-ут-таворих». Душанбе: Дониш, 1984. 92 с.

Kuzieva N.M., Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Coordinative Compound Adverbs in the Tajik Literary Language Appertaining to 18th–19th Centuries(on the example of historical writings referred to as "Tuhfat-ul-khoni" and "Zafar Name" by Khusravi) // Stephanos. 2022. №5(55). P. 27–34.
DOI 10.24249/2309-9917-2022-55-5-27-34

Mace John. Persian Grammar. London; New York, 2003. 223 p.

Мирзоев А. Забони Сайидо // Сайидои Насафӣ ва мақоми ӯ дар таърихи адабиёти тоҷик. Сталинобод, 1947. С. 115–120.

Муҳаммадвафои Карминагӣ. Туҳфат-ул-хонӣ / Муқаддима, таҳияи матн, нусхабадал, таълиқот ва феҳрастҳои Ҷамшед Ҷӯразода ва Нурулло Ғиёсов / И.У. Раҳимов, Б.П. Ашрапов. Хуҷанд: Ношир, 2018. 390 с. + 586 саҳ. ф. = 976 с.

Ниёзмуҳаммадов Б., Бузургзода Л. Морфологияи забони тоҷикӣ. Сталинобод: Шӯъбаи таълимӣ-методӣ, 1941. 80 с.

Сулаймонов О. Хусусиятҳои морфологии «Таърихи Байҳақӣ»: рисолаи номзадӣ барои дарёфти дараҷаи н. и. филологӣ:10.02.22. Хуҷанд, 2008. 169 с.

Шарифов Б. Хусусиятҳои морфологии «Бадоеъ-ул-вақоеъ»-и Восифӣ. Душанбе: Дониш, 1985. 232 с.

Раҳмон Эмомалӣ. Забони миллат-ҳастии миллат Китоби 2. Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. 432 с.

Jones William. A Grammar of the Persian language. 9th ed. London, 1828. 283 p.

REFERENCES

Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Subordinate Compound Adverbs in Tajik Literary Language Appertaining to 18th–19th centuries (on the example of historical writings referred to as "Tuhfat-ul-khoni" and "Zafar-Name"). *Studia Humanitatis.* 2022. No 3.

Grammar of Modern Tajik Literary Language. Dushanbe. Knowledge Publ. 1985. 356 p.

Dadokhonov M.D., Hasanov A.A. (1999) A Brief Summary on the Study of the History of Classical Literary Language (from Samanids' Epoch to the Beginning of the 20th Century). Khujand. 94 p

Ismoilov I. (1971) Adverb in Modern Tajik Literary Language. Dushanbe. Cognition Publ. 86 p.

Kamolova G. (1984) Morphological Peculiarities of the Language of "Majmu'-ut-tavorikh". Dushanbe. Knowledge Publ. 92 p.

Kuzieva N.M., Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Coordinative Compound Adverbs in the Tajik Literary Language Appertaining to 18th–19th Centuries (on the example of historical writings referred to as "Tuhfat-ul-khoni" and "Zafar Name" by Khusravi). *Stephanos.* 2022. No 5(55), pp. 27–34.
DOI 10.24249/2309-9917-2022-55-5-27-34

Mace John (2003) Persian Grammar. London; New York. 223 p.

Mirzoev A. Saido's Language. In: Saido Nasafi and his Status in the History of Tajik Literature. Stalinabad. 1947, pp. 115–120.

Muhammadvafo Karminagi. Tuhfat-ul-Khoni. Introduction, text development, copying, analysis and catalogs of Jamshed Jurazoda and Nurullo Ghiyosov / I.U. Rahimov, B.P. Ashrapov. Khujand. Publisher Publ. 2018. 390 p. + 586 p. f. = 976 p.

Niyozmukhammadov B., Buzurgzoda L. (1941) Morphology of Tajik Language. Stalinabad. Educational Department Publ. 80 p.

Sulaymonov O. (2008) Morphological Peculiarities of “Tarikhi Baykhakhi”: candidate dissertation in philology: 10.02.22. Khujand. 169 p.

Sharifov B. (1985) Morphological Peculiarities of “Badoe’-ul-vakoe”-i Vosifi. Dushanbe. Knowledge Publ. 232 p.

Rahmon Emomali (2020) National Language – national Revival. The second book. Dushanbe. Modern Press Publ. 432 p.

Jones William (1828) A Grammar of the Persian language. 9th ed. London. 283 p.

Сведения об авторах:

Нурулло Исматович Гиясов,
канд. филол. наук
доцент
кафедра грамматики арабского языка
Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова

Nurullo Ismatovich Giyasov,
PhD
Associate Professor
Department of Arabic Grammar
Khujand State University named after academician B. Gafurov

nur-1954@mail.ru

Баходурджон Пулотович Ашрапов,
ст. преподаватель
кафедра английского языка
Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова

Bahodurjon Pulotovich Ashrapov,
Senior Lecturer
Department of English Language
Khujand State University named after academician B. Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-81-88

К столетию Никиты Ильича Толстого
To the 100 Anniversary of Nikita Ilyich Tolstoy

Т.И. Вендина (Москва, Россия)

Статья, посвященная академику Н.И. Толстому, является скромной данью глубокого уважения к этому труженику науки, чья разносторонняя научная деятельность и как ученого, и как педагога во многом способствовала развитию славянского языкознания.

Н.И. Толстой и новые направления в культурно-языковой диалектологии (к столетию Никиты Ильича Толстого)

T.I. Vendina (Moscow, Russia)

Nikita Tolstoy and New Trends in Cultural and Linguistic Dialectology (on the centenary of Nikita Ilyich Tolstoy)

Писать и говорить о Никите Ильиче – это значит писать и говорить о развитии славистики, причем не только в России, но и за рубежом.

Никита Ильич обладал широким кругом научных интересов, что позволило ему во многом предопределить новые направления в лингвистике и прежде всего в диалектологии.

В своих лекциях и многочисленных работах он постоянно говорил о необходимости рассматривать тот или иной славянский диалект как этнографическую единицу. При этом он стремился преодолеть существующие в диалектологии стереотипы лингвистического анализа и повернуть диалектологию к человеку и традиционной духовной культуре славян, доказывая тем самым возможность использования языковых данных для изучения культурного ландшафта Славии. «В нашу пору, когда наука о диалектах, казалось бы, добилась своей полной автономии и самостоятельности с применением разных методов исследования… она начала испытывать острую нужду в союзе или даже в единении с этнографией. Эта тяга к сближению проявляется не только в историко-диалектологическом аспекте… но и в области синхронно-типологической диалектологии, прежде всего в ее лексико-семантической сфере» [Толстой 1997: 225]. Объяснял он это тем, что «диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую» [Толстой 1995: 21]. Между тем понятие культурного диалекта, считал он, «мало используется в славянской этнографии и тем более культурологии, в то время как оно очень существенно для диахронических исследований и является ключевым в опытах

реконструкции праславянской духовной культуры и лексического фонда праславянского языка» [Толстой 1995: 37].

Диалектное слово, по его мнению, представляет собой культурное творение, которое нельзя понять, не обращаясь к истории народа, его традициям и религии. Вот почему при изучении любой культуры чрезвычайно важным является обращение к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры как наиболее устойчивой и консервативной, отсылающей к истокам национальной культуры. В диалектах до сих пор живут различные формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека традиционной культуры, так как диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» [Гумбольдт 1984: 71]. Не случайно осмысление языка культуры (как, впрочем, и естественного языка) начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку именно словарь определяет логико-понятийную сеть языка, лексика которого является самым чувствительным индикатором культуры. Исследование словаря поэтому служит в первую очередь постижению понятийного мира народа. Изучая диалектное слово, мы сможем понять подлинную сущность и нашей культуры, ибо именно диалектное слово «выступает неким концентратом культуры нации» [Лихачев 1996: 29].

Благодаря Н.И. Толстому компаративистика смогла раздвинуть рамки своих исследований, выйдя в культурно-языковую диалектологию, позволившую понять ту логику, которой руководствовался язык при отборе тех или иных мотивационных признаков в качестве ведущих при номинации реалий внешнего мира. Благодаря ему сформировалось и новое направление в культурно-языковой диалектологии – этнолингвистика, в которой исследование диалектного слова и диалектной фразеологии ведется сквозь призму культурной антропологии. Перед диалектологией открылось новое поле исследований, связанных с лингвистической реконструкцией когнитивной структуры диалектного слова.

Актуальность идей Никиты Ильича доказывает и такой проект, как «Общеславянский лингвистический атлас», работа над которым началась также во много благодаря Н.И. Толстому. Если обратиться, например, к таким томам Атласа, как т. 9 «Человек» (Kraków, 2009), т. 12 «Личные черты человека» (Москва, 2020), то нетрудно увидеть, что на картах Атласа отразилась не только лингвистическая дифференциация диалектов, но и культурологическая. Диалектное слово говорит о том, что выбор его мотивационного признака не является случайным, он предопределен интересами человека и имеет свою культурную мотивацию. И в этом проявляется феномен влияния человека на язык: феномен первичной антропологизации диалектного слова (влияние на язык психофизиологического механизма сенсорного восприятия) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык религиозно-мифологических, философских воззрений, социально-нормативных предписаний и запретов, существующих в традиционной культуре).

Если принять во внимание устойчивость и повторяемость языковых актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно выявить «сокрытые смыслы» и ценностные ориентации языка культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами (типом культуры, конкретными условиями общественной жизни), благодаря чему и происходит «вплетение» культурной семантики в языковую.

Иллюстрацией культурно-языковой дифференциации славянских диалектов может служить процесс антропологизации диалектного слова, ярко выраженный на картах т. 12 Атласа «Личные черты человека». Карты, входящие в этот том,

представляют человека как субъекта деятельности и носителя сознания в разных его «ипостасях», а именно – как организм и как личность.

Человек как организм (или «природный человек») предстает в виде совокупности его телесных и материальных свойств, генетически унаследованных от родителей и претерпевших лишь некоторые изменения в процессе жизненной эволюции (см., например, к. 1 ‘лысый’ (о человеке), к. 4 ‘кудрявый’, к. 5 ‘рыжий’, к. 8 němъ(-jь), к. 10 ‘слепой человек’, к. 11 ‘косоглазый, с косыми глазами’ (о человеке), к. 16 ‘горбатый человек’, к. 19 ‘человек с большим животом’, к. 21 ‘толстый человек’, к. 23 ‘худой человек’, к. 25 ‘человек с большой головой’, к. 27 ‘человек с большой бородой’, к. 29 ‘человек с большими усами’, к. 30 ‘красивый’ (о человеке), к. 31 ‘сильный, обладающий физической силой’ (о человеке), к. 12 ‘глухой человек’, к. 17 ‘хромой’, к. 13 ‘человек, который работает левой рукой, левша’ и др.).

Человек как личность рассматривается как социокультурный индивид, как субъект – носитель сознания и самосознания: эта группа имен описывает, с одной стороны, **психологические** особенности человека, определяющие его индивидуальность в единстве эмоционального и интеллектуального начал (см., например, к. 32 ‘глупый человек, дурак’, к. 39 ‘человек, который любит хвалиться, хвастун’, к. 42 ‘человек, который лжет’, к. 43 ‘женщина, которая лжет’, к. 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’), а с другой – **социальные**, указывающие на его социальную роль и опыт деятельности в обществе (см., например, к. 45 ‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке), к. 46 ‘ленивый, не любящий работать’, к. 47 ‘ленивый человек’, к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ и др.).

При этом карты, представляющие «природного» человека, демонстрируют сравнительно низкую лингвокреативную активность диалектов, что само по себе указывает на то, что чувственная, физическая природа человека не имеет особого интереса для языка традиционной культуры славян. Не случайно именно на этих картах содержится больше всего лексем общеславянского распространения (это такие лексемы, как *něm-Ъ* к. 8 němъ(-jь), *slěp-Ъ* к. 9 slěpъ(-jь), *xrom-Ъ* к. 17 ‘хромой’ (о человеке), *glux-Ъ* к. 12 ‘глухой человек’ и др.).

Тогда как самая высокая степень лексической загруженности наблюдается на картах, посвященных репрезентации человека как личности социальной и духовной, ср., например, к. 32 ‘глупый человек, дурак’, к. 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’, к. 47 ‘ленивый человек’ (на которых зафиксировано более двухсот наименований, для сравнения можно привести к. 8 němъ (-jь), где представлено всего 47 лексем). Причем в разных славянских языках лексическая и словообразовательная плотность карт варьируется.

Так, например, в **хорватских** диалектах среди карт, посвященных человеку как личности социальной и духовной, самыми лексически загруженными являются карты:

к. 32 ‘глупый человек, дурак’ хрв.: (*bed*)-*ak*-*ъ* (bedą̃:k), (*bedav*)-*Ъ* (ˈbe:daf), *glup-an-ъ* (glúpan), [*xlep*]-*ač-ь* (xˈlepa:č), (*xor*)-*m*=-*ak*-*ъ* (xọrˈmą:k), *lep-ux-ъ* (ˈlepux), *lud-ъ* (lù:d), *ne-ve͡m-en-ьn-Ъ* (nɛvrẹmè:n), (*nor*)-*ьc-ь* (ˈnorc), (*sa-mar*)-*ъ* (samą̀:r), (*sord*)-*ast-Ъ* (sọ̀:rdast), *tjudj-ьk-ъ* (tù͡ọjk)[1];

к. 45 ‘охотно и хорошо работающий’ хрв.: *dě-l-av-ьn-Ъ* (dì͡elovan), *fatija-tun-Ъ* (fatiˈjatù:n), *mar-ьl-iv-Ъ* (marÍì:f), *po-sъl-en-Ъ* (pò:slen), *rad-ьn-Ъ* (rą̑:dan), *rad-in-Ъ* (ˈradi:n), *rad-iš-ьn-Ъ* (raˈdiṡan), *rad-ъl-iv-Ъ* (ˈrą̑dl’if), *ra-d-ov-ьn-Ъ* (ràdovan),

[1] Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в «Общеславянском лингвистическом атласе», в скобках приводятся диалектные лексемы.

skъ͡rb-ьn-Ъ (sˈkr̥ban), *sъ-lož-en-Ъ* (sˈlu̯ožen), *val-ь=-at-Ъ* (váĺat), (*ve͡rd*)-*ьn-Ъ* (vré:dan), *žest-ok-Ъ* (žèsto:k).

В **болгарских** диалектах такими картами являются:

к. 47 ‘ленивый человек’ блг.: *ajnažj-j-a* (hajnaˈʒij∧), *ajlak-ъ* (xajˈl’ak), *dembel-in-ъ* (demˈbel’in), *xajlaz-in-ъ* (xajˈłazin), *kal-pazan-in-ъ* (kəłpəˈzanin), *lěn-ьl-ь=-o* (ˈlenl’o), *lěn-ьt-ь=-o* (ˈl’ạnt’u), *lěn-ьt-ь=-ag-a* (lent’aga), *lěn-ьč-o* (ˈlenču), *lež-ьl-ь=-ak-ъ* (ˈležl’ak), *lež-ač-ь* (leˈžač), *lež-ьj-ak-ъ* (ˈležjak), *lež-e-val-ьn-ik-ъ* (ležoˈvajnik), *mь͡rz-ьl-ь=-o* (mˈr̥zl’o), *mь͡rz-el-an-ъ* (mərzeˈłan), *mь͡rz-el-ь=-an-ъ* (mr̥zeˈl’an), *mь͡rZ-ьl-iv-Ъ* (mr̥zˈlif), *mь͡rz-el-iv-Ъ* (mərzaˈl’if), *mь͡rz-el-an-ъk-o* (mərʒeˈłanku), *mь͡rz-el-iv-ьc-ь* (mərzeˈlivec), *mь͡rz-el-iv-ъk-o* (mərzeˈlifko), *mь͡rz-el-ь=-ak-ъ* (mr̥zeˈl’ak), *muxljuz-in-ъ* (muu̯ˈl’uzin), *ne-o͡rb-ot-ьn-ič-in-a* (neraˈbotničina), *pro-pad-l-j-a* (proˈpadl’a), *trъntur-ъ* (tˈrəntur);

к. 39 ‘человек, котрый любит хвалиться, хвастун’ блг.: *xval-i-gǫz-ic-a* (faˈligazica), *xval-ьk-o* (ˈfal’kọ), *xval-//(ži)-j-a* (falˈžijə), *xval-ьb-A-(ži)-j-a* (vəłəbəˈžij), *xval-i-pь͡rd-ъl-ь=-o* (f∧lipˈrədl’u), *xval-ič-ь* (fəˈlič), *xval-ьb-ič-ь* (ˈf∧l’bič), *xval-ьc-ь* (ˈfałəc), *xval-ač-ь* (faˈlač), *xval-i-pь͡rc-ьk-o* (fałopˈrəcku), *xval-i-pь͡rc-ьl-ь=-o* (fəˈliprəcl’u), *xval-ič-ьk-o* (faˈličku), *xval-ь=-o-pь͡rd-ъ* (fil’upˈrət), *xval-ь=-o-pь͡rd-ь=-ov-ьc-ь* (fal’oˈpr̥djovec), *xval-i-*[*trъc*]*-ьk-o* (falitˈrəcku), *(fъ-los)-ъ* (fəˈłos), *fuk-ъl-j-o* (ˈfukl’o), *fuk-ъl-j-a* (ˈvukl’a), *kuraš-(li)-j-a* (kurašˈlija), *po-xval-i-gǫz-ъ* (pofaˈligas), *po-xval-ьc-ь* (pux∧ˈle:c), *po-xval-ič-ь* (puvaˈlič), *po-xval-i-gǫz-ic-a* (povaˈliguzica), *sam-o-xval-ъk-o* (samoˈfałku), *tъr-tъr-am-ъ* (tərtaˈram), *žambaz-ъ* (žəmbəˈzą).

А в **украинских** диалектах самая высокая степень лексической загруженности наблюдается на к. 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’: **укр**.: *brex-a* (bˈrexa), *brex-ux-a* (brəˈxuxa), *brex-ač-ьk-a* (breˈxačka), *brex-un-ъk-a* (brıˈxunka), *cok-ot-ux-a* (cokoˈtuxa), *dur-o-plet-ъk-a* (duropˈl’otka), *xvost-o-mel-j-a* (fọstuˈmel’a), *//ęzyk-at-A* (jazyˈkata), *//ęzyk-ar-ъk-a* (jazyˈkarka), *klev-et-ux-a* (kləvəˈtuxa), *lop-a* (ˈl’opa), *lopot-ux-a* (ləpyˈtuxa), *lop-ъk-a* (ˈl’opka), *lop-ot-a* (l’apoˈta), *my-j-ьl-a* (ˈmei̯łа), *my-j-ьk-a* (ˈmi̯ka), *pe͡r-nos-ъk-a* (pereˈnuska), *plesk-ač-ьk-a* (pləsˈkačka), *plet-ьn-ic-a* (pˈl’otnəc’a), *plet-ъk-ar-ъk-a* (pl’otˈkarka), *plet-ux-a* (płyˈtuxa), *plet-ь=-uš-ьk-a* (płeˈt’uška), *plet-ъk-a* (pˈl’otka), *plet-ъk-ač-ьk-a* (pl’otˈkačka), *plet-ъk-aš-ьk-a* (pletˈ’kaška), (*pošt*)*-a* (ˈpošta), *pošt-ar-ъk-a* (pošˈtarka из нем. *Post* ‘почта’), *sъ-plet-ьn-ic-a* (spˈl’etn’ica), *sъ-plet-ьn-ič-ьk-a* (spˈl’otn’ička), *sь-vod-ьn-ic-a* (zˈwu͡odn’ica), *sъt-o-brex-a* (stobˈrexa), *trep-ъl-o* (trepˈło), *trep-ux-a* (treˈpuxa) (подробнее см.: *Вендина Т.И.* Онтология лингвистической карты: Монография. М., 2023).

Карты Атласа, таким образом, говорят о том, что система языка – это социально детерминированная система, в которой важную роль играет этический элемент. Номинативная логика названий человека, атрибутирующих те или иные его качества и свойства, не только свидетельствует об их социальной значимости, но и проливает свет на их моральную оценку общественным мнением. Поэтому при отборе тех или иных признаков, характеризующих человека, при их семантизации учитывался принцип их этической значимости, который, естественно, в разных культурах варьируется. Это говорит о том, что язык традиционной культуры является в значительной степени языком морали. Концептуальная база диалектной лексики с ее морально-нормативными предписаниями и запретами отражает различные способы этической рационализации мира.

Об этом свидетельствует и тот факт, что номинация человека как личности социальной и духовной ведется, как правило, с позиций социальной нормы, тех регулятивных категорий, которыми определяются нормы человеческого общежития. Все мотивационные признаки, лежащие в основе субъектных имен, оказыва-

ются связанными с морально-нормативными предписаниями и запретами традиционной духовной культуры славян. Именно этим объясняется высокая лексическая плотность карт, посвященных названию человека глупого, ленивого, скупого или лгуна и сплетницы. Обращает на себя внимание и тот факт, что «сгущение мысли» прослеживается в основном в негативных номинациях. Это говорит о том, что в диалектном лексиконе обвинительные мотивы явно преобладают над оправдательными. В этих именах отражены глубинные установки традиционной культуры славян, которая повелительно требует от человека следовать социальной этике, быть существом деятельным, причастным к труду, т. е. сам материал этих карт является свидетельством нравственно ориентированого отношения человека традиционной культуры к миру.

Отсюда следует, что различная лексическая плотность карт говорит о разной культурной социализации человека в тех или иных диалектах, которая и привела к их дифференциации. Чтобы понять ту логику, которая лежит в основе этой «наивной социологии», нужно найти «участки языкового напряжения», в которых наблюдается повышенная вариативность языковых форм, свидетельствующая о своеобразных «сгустках» языкового смысла, так как механизм языкотворчества включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость и дает возможность понять, **что** является важным для языкового сознания человека той или иной культуры.

В этом смысле карты «Общеславянского лингвистического атласа», по мысли Никиты Ильича, представляют «богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта» [Толстой 1995: 15], поскольку они являют собой образец культурно-языковой диалектологии, позволяющей реконструировать «живую старину» славян.

Культурологическую дифференциацию лингвистического ландшафта Славии ярко иллюстрируют и мотивационные карты. Эти карты позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры. Своеобразие номинативной логики при лексической параметризации внешнего мира, особенности его восприятия и категоризации привели к разной сегментации языковым сознанием диалектоносителей одного и того же семантического участка. А это значит, что каждая культура, облеченная в языковую оболочку, говорит на своем языке. Задача исследователя заключается в том, чтобы «прислушаться к ее языку» (см., например, к. 55 ‘счастье’ т. 10 «Народные обычаи», материалы которой говорят о том, что в северной Славии представления о счастье связаны с наделенностью человека долей, частью (*sъ-čęst-ьj-e, dol-j-a*), у лужичан – это прямое указание на субъекта, наделяющего этой долей (ср. *sъ-bož-ьj-e*), в то время как в южной Славии эти представления ассоциируются со встречей (*sъ-ręt-j-a, sъ-rět-j-a*) как судьбой человека, поскольку «судьба осмысляется как предначертанный человеку свыше путь» [Славянские древности, 5: 203].

Никита Ильич в своих лекциях часто говорил о своеобразии диалектов каждого славянского языка. Это своеобразие особенно ярко проявляется в существовании эксклюзивных образований, которые отличительно характеризуют диалекты лишь одного славянского языка и не выходят за его пределы (ср., например, такие яркие эксклюзивы **русского языка,** как: *mur-aš-ь* (*muˈraš*) к. 41 ‘муравей’ т. 1 «Животный мир»; *zem-j-an-ъk-a* (*z’emˈl’anka*) к. 45 ‘земляника’ т. 3 «Растительный мир»; *podъ-dorž-ьn-ik-ъ* (*pod:oˈrožn’ik*) к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»;

po-gost-ъ (*poˈgost*) к. 50 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи» и др.; **украинского:** *//ež-ak-ъ* (*jiˈžak*) к. 10 ‘еж’ т. 1 «Животный мир»; *cuc-en-ę* (*cucəˈn’a*) к. 26 ‘щенок’ т. 2 «Животноводство»; *gǫst-j-av-in-a* (*hušča*ˈ*vyna*) к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир»; **белорусского:** *zob-a* (ˈ*ʒ’uba*) к. 18 ‘клюв птицы’ т. 1 «Животный мир»; *po-par-ъ* (*paˈpar*) к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *tъ͡łst-ost-ь, sъ-dor-ъ* (*tˈłustas’c’, zdor*) к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **польского:** *jask-ol-ъk-a* (*jaskułka, jaskǫ͡ǫka*) к. 24 ‘ласточка’ т. 1 «Животный мир»; *kot-ic-a* (*koćica*) к. 16 ‘кошка’ т. 2 «Животноводство»; *ne-za-po-min-a-j-ьk-a* (*ńizapom’inajka*) к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»; **лужицкого:** *potpul-a* (ˈ*pocpula,* ˈ*pačpula*) к. 22 ‘перепелка’ т. 1 «Животный мир»; (*bar*)-ъ (*bar*) к. 5 ‘медведь’ т. 1 «Животный мир»; (*kast*)-ь (*kašč, kaχč*) к. 48 ‘гроб’ т. 10 «Народные обычаи»; **чешского:** *ščik-a* (*ščika*) к. 37 ‘щука’ т. 1 «Животный мир»; *čap-ъ* (*čạ:p*) к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; *sěk-ač-ь* (*sěka:č*) к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; **словацкого:** *smag-ъ* (*smat*) к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*olovrant*)-ъ (*olovrant*) к. 61 ‘полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pač-i-tь* <sę> (*pa:či: sa mi*) к. 2 ‘нравится’ т. 10 «Народные обычаи»; **словенского:** (*pantegan*)-*a* (*podgá:na*) к. 13 ‘крыса’ т. 1 «Животный мир»; *pět-el-in-ъ* (*peteˈli:n*) к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»; *čьbel-ar-ь* (*čəbəˈlar*) к. 27 ‘человек, который разводит пчел’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **хорватского:** *kuk-ov-ač-a* (*kuˈkuvača*) к. 21 ‘кукушка’ т. 1 «Животный мир»; *bor-ov-ic-a* (*boˈrovicạ*) к. 47 ‘брусника’ т. 3 «Растительный мир»; *dět-ьč-ьk-o* (ˈ*dečko*) к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; **сербского:** *kъr-ljusk-j-ь* (*kr̥ʎu:š*) к. 39 ‘чешуя рыбы’ т. 1 «Животный мир»; *stъ͡rv-in-av-in-a* (*str̥vìna*) к. 51 ‘падаль, дохлое животное’ т. 2 «Животноводство»; **македонского:** *mač-or-ъk-ъ* (*mačorok*) к. 10 ‘кот’ т. 2 «Животноводство»; *vǫ͡lk-ъn-a* (*‘vłakna*) к. 46 ‘шерсть’ т. 2 «Животноводство»; *paš-ьk-a* (ˈ*paška*), *o-paš-ьk-a* (*oˈpaška*) к. 48 ‘хвост’ т. 2 «Животноводство»; **болгарского:** *pri-lěp-ъ* (*pˈrilep*) к. 15 ‘летучая мышь’ т. 1 «Животный мир»; *klьv-ač-ь* (*kəlˈvač)* к. 20 ‘дятел’ т. 1 «Животный мир»; *bul-ъk-a* (*bułka*) к. 11 ‘женщина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи» и др.).

Эти эксклюзивы являются яркой реализацией этнической идентичности, поскольку система языка – это социально детерминированная система, и этническое является ее конституирующим элементом. Процесс созревания этнополитического самосознания, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику, осознание своей общности и вместе с ней исключительности обретал в этих именах дополнительный стимул.

Основная причина появления эксклюзивов, по мнению Никиты Ильича, связана со своеобразием номинативной логики в лексической параметризации окружающего мира, с особенностями осмысления предметов и явлений внешнего мира языковыми средствами. Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий, и соответственно разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики, определяющей «портретное» своеобразие тех или иных диалектов.

Все это подтверждает мысль Никиты Ильича о том, что карты Атласа наряду с ареальной дифференциацией славянских диалектов иллюстрируют и культурно-языковую, поскольку лексическая вариативность мотивирована не только функ-

ционально, но и культурологически. Отсюда и различия в конфигурации смыслов и лексической плотности карт. Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности решать задачи компаративистики, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную – рассмотреть тот или иной славянский диалект как этнографическую единицу в общеславянском контексте, доказав возможность использования языковых данных для изучения культурного ландшафта Славии.

Идеи Никиты Ильича продолжают свою жизнь в трудах его многочисленных учеников и последователей, так как современная компаративистика раздвинула рамки своих исследований, выйдя в культурно-языковую диалектологию. В центре внимания ученых все чаще оказывается триада *язык – культура – человеческая личность*. Из лингвистики «в самой себе и для себя» (Ф. де Соссюр) она превратилась в «зачем/почему-лингвистику» (А.Е. Кибрик). И в этом превращении в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит Никите Ильичу. Опора на лингвистическую реконструкцию когнитивной структуры диалектного слова, считал он, позволит перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т. е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. Поэтому современный этап развития диалектологии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «аналитической, объясняющей диалектологии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию диалектного слова и сопряженный с ним анализ языка традиционной культуры. Выход диалектологии в герменевтическое пространство языка культуры позволит развить культурно-языковую диалектологию, так как адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на содержательную функцию языка.

Изучение проблемы дифференциации славянских языков в этом аспекте обещает выявить новые интересные данные не только для сравнительно-исторического языкознания в плане взаимоотношений славянских диалектов и их распределения на карте праславянского, но и для культурной антропологии.

ЛИТЕРАТУРА

Гумбольдт 1984 – *Гумбольдт В*. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 397 с.

Лихачев 1996 – *Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996. 158, [1] с.

Слаянские древности – Славянские древности: В 5 т. М., 1995–2012.

Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 509 с.

Толстой 1997 – *Толстой Н.И.* О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т. I. М., 1997. С. 111–113.

REFERENCES

Humboldt 1984 – Humboldt W. (1984) Selected Works on Linguistics. Moscow. 397 p.

Likhachev 1996 – Likhachev D.S. (1996) Essays on the Philosophy of Artistic Creativity. St. Petersburg. 158, [1] p.

Slavic Antiquities: In 5 vols. Moscow. 1995–2012.

Tolstoy 1995 – Tolstoy N.I. (1995) Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics. Moscow. 509 p.

Tolstoy 1997 – Tolstoy N.I. On Some Possibilities of Lexical-semantic Reconstruction of Proto-Slavic Dialects. In: Tolstoy N.I. Selected Works. Slavic Lexicology and Semasiology. Vol. I. Moscow. 1997, pp. 111–113.

Сведения об авторе:

Татьяна Ивановна Вендина,	Tatiana I. Vendina,
доктор филол. наук	Doctor of Philology
профессор	Professor
руководитель центра ареальной лингвистики	Head of the Center for Areal Linguistics
Институт славяноведения РАН	Institute of Slavic Studies RAS

vendit@rambler.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-89-92

С.В. Алпатов (Москва, Россия)

Идеи и подходы Н.И. Толстого в контексте современных исследований народной Библии

Аннотация: Труды Н.И. Толстого по славянской культуре, средневековой книжности и фольклору не только заложили фундамент современной этнолингвистики, но сформировали общее концептуальное и методологическое поле междисциплинарных исследований фольклористов, медиевистов и культурных антропологов в области «третьей культуры» – культуры городской, демократической, наследующей традиционные формы быта и мировидения и вместе с тем использующей все преимущества письменности (а в наши дни и цифровой грамотности). В статье на материале старообрядческих стиховников и рукописных солдатских альбомов второй половины XX в. рассматривается вопрос об актуальности идей и подходов Н.И. Толстого для анализа поздних реплик «архаического ритуала-диалога».

Ключевые слова: фольклор, книжность, третья культура, диалог

S.V. Alpatov (Moscow, Russia)

Ideas and Approaches of N.I. Tolstoy in the Context of Modern Studies of Folk Bible

Annotation: Works of N.I. Tolstoy on Slavic culture, medieval literature and folklore formed Russian ethnolinguistics as well as a common interdisciplinary field for modern research of the “third culture” – an urban, democratic culture that inherits traditional forms of life and worldview and at the same time using all the advantages of writing (and nowadays – digital literacy). The article on the material of the Old Believer verses and handwritten soldier’s notebooks of the second half of the 20th century discusses the question of the relevance of the ideas and approaches of N.I. Tolstoy to analyze of these late remakes of the “archaic ritual-dialogue”.

Key words: folklore, literature, third culture, dialogue

Славянская народная Библия как актуальное поле современных фольклористических исследований сформировалась в ходе взаимодействия двух методологических векторов: изучение форм адаптации народной средой канонических христианских и апокрифических книжных источников, с одной стороны, и реконструкция дохристианских верований славян, с другой стороны. Отрицая возможность однозначного ответа на вопрос о природе средневекового «двоеверия» в целом,

современное славяноведение исходит из проверенного временем и научным опытом понимания, что каждый фольклорный феномен, демонстрирующий факт взаимной ассимиляции библейских космоисториософских моделей и локальных мифопоэтических космогоний, обусловлен специфическим сочетанием конкретных историко-культурных факторов.

В частности, сюжеты восточнославянских этиологических легенд о соперничестве Бога и черта в создании онтологических антиномий (равнин и гор, души и тела, креста и колеса, библии и игральных карт и т. д.) закономерно синтезируют и элементы ветхозаветных нарративов, и средневековые апокрифические мотивы, и реалии крестьянского быта, и архетипические космологические модели сотворчества демиурга и трикстера [Белова, Кабакова 2014]. В свою очередь, обрядовые и игровые тексты диалогической природы (колядки, величания и хулы, обмен загадками, частушечный агон и т. п.), конструирующие праздничный микрокосм как результат словесного прения, выступают вербальным эквивалентом народных дуалистических космогоний [Топоров 1997].

В известной статье «Архаический ритуал-диалог» Н.И. Толстой не только наполнил этнографической конкретикой универсальную коммуникативную модель «вопрос + ответ + закрепка», но и предложил собственную типологию акциональных контекстов (прятки за хлебом; катание по земле; посевание; прядение; посещение полазника; удерживание скота; ритуальная угроза бесплодным деревьям; изгнание хищников / паразитов / болезней; призывание достатка и благополучия; игровые обмены жестами и репликами) [Толстой 2003: 313–409].

Разработанная Н.И. Толстым методология изучения славянского ритуала-диалога может быть использована не только для последовательного накопления и систематизации аутентичных фольклорных контекстов[1], но и для исследования их в русле реконструкции архетипических мироустанавливающих диалогов, относимых отцами-основателями московского структурализма к ядру «основного мифа», где препираются громовержец и его противник, пытающийся укрыться в подвластных ему земных творениях [Белова, Кабакова 2014: 88–90, 326].

Вместе с тем характерный для ранних этапов структурно-семиотических и этнолингвистических разысканий второй половины XX в. акцент на реконструкции архаического слоя структуры и семантики фольклорных текстов существенно ограничивал возможности интерпретации поздних реплик космогонических прений-диалогов, понимая их как окаменевшие реликты некогда живой традиции.

Однако происходившее на рубеже XX–XXI вв. независимое накопление фольклорного материала в исследованиях двух самостоятельных подсистем российской «третьей культуры» (старообрядчество и солдаты срочной службы) дало любопытные результаты. Были обнаружены типологически сходные тексты, сопоставляющие дела Бога и его демонического соперника. Так в старообрядческих стиховниках XVIII–XX вв. фиксируется «Поучение Иоанна Златоуста о прелести диаволи», иногда именуемое (например, в цитируемой рукописи сер. XIX в.) как «Слово Иоанна Дамаскина»:

Рече святый:
Господь сотворил пост, а бес объядение.
Господь сотворил мылостыню, а бес скупость.
Господь сотворил молитву, а бес леность.

[1] «Работа в архивах и особенно дальнейшая полевая работа смогут значительно увеличить число примеров, уточнить географию отдельных диалогов и их типов» [Толстой 2003: 405].

Господь сотворил правду, а бес кривду.
Господь сотворил истину, а бес лжу.
Господь сотворил крепость, а бес слабость.
Господь сотворил иерей, а бес скоморохов.
Господь сотворил учителей, а бес блазнителей.
Господь сотворил слезы, а бес смехотворие.
Господь сотворил смирение, а бес гордость и величание и плесание.
Господь сотворил любовь и подаяние, а бес сребролюбие.
Господь сотворил всякую добродетель, а бес всякие злые дела.
Господь умудряет слепцы, а бес смущает и соблажняет.
Темже блажени слышащие слово Божие и хранящие его[1].

Специфический реестровый вариант воплощения архетипической модели соперничества Господа и дьявола обусловлен влиянием популярного в XVII–XVIII вв. жанра «арифмологий» [Белоброва 1980; Алпатов 2018]. О востребованности паттерна свидетельствуют многочисленные записи поговорок типа «Бог сотворил попа, а черт скомороха», «Бог сотворил рай, а черт Архангельский край» в словарях и рукописных сборниках пословиц XVIII – нач. XX в.

Характерным образом, во второй половине XX столетия каноническое противопоставление божественного аскетического идеала и мирской бесовской порочности получает зеркальное отражение в дембельских альбомах солдат-срочников Советской армии, где Богу приписывается творение всех прелестей гражданской жизни, а черту – тягот и лишений армейских будней:

Бог создал – любовь и дружбу,
Черт создал – караульную службу.
Бог создал – дембельский день,
Черт создал – бревно и ремень.
Бог создал – девичий взгляд,
Черт создал – устав и наряд.
Бог создал – веселье и пьянки,
Черт создал – сапоги и портянки.
Бог создал – отбой и тишину,
Черт создал – подъем и старшину.
Бог создал – женщину и ласки,
Черт создал – автомат и каску.
Бог создал – уют и рай,
Черт создал – Луневский край[2].

Приведенные примеры не только иллюстрируют жизненность обсуждаемой архетипической модели спора демиурга и трикстера, а также ее способность адаптироваться к меняющейся социокультурной реальности, но и актуальность суждения Н.И. Толстого о том, что для решения вопросов восстановления архаических форм славянской фольклорной традиции и изучения путей их исторической эволюции «важен дифференцированный подход и выработка для отдельных групп текстов специфических методик реконструкции» [Толстой 2003: 313]. Применительно к исследуемым примерам это означает отделение типологических методов сопоставления христианского старообрядческого и ахристианского советского кодов в отечественной рукописной традиции второй половины XX в. от

[1] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 722. Ед. хр. 277. Л. 213–213 об.
[2] Архив кафедры русского устного народного творчества МГУ имени М.В. Ломоносова. Коллекция городского фольклора. 2003 г. Дембельский альбом Гришко Сергея Ивановича, 1981 г.р., уроженца г. Северодвинск, проходившего курс молодого бойца в 1999 г. в школе сержантов под Костромой.

историко-генетических методов анализа механизмов трансляции устных и письменных образцов популярных мироустанавливающих текстов в зонах интенсивного культурного обмена (городская, армейская, образовательная среда).

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 2018 – *Алпатов С.В.* Народная Библия: этические константы vs этнические особенности // Традиционная культура. 2018. № 2. С. 160–166.

Белоброва 1980 – *Белоброва О.А.* Об источниках «Арифмологии» Николая Спафария // Русская литература. 1980. № 2. С. 131–134.

Белова, Кабакова 2014 – У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. и комм. О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой. М.: Форум; Неолит, 2014. 528 с.

Толстой 2003 – *Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. 624 с.

Топоров 1997 – *Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Из работ Московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С.74–127.

REFERENCES

Alpatov 2018 – Alpatov S.V. The Folk Bible: Moral Constants vs Ethnic Specifics. *Traditional Culture.* 2018. No 2, pp. 160–166.

Belobrova 1980 – Belobrova O.A. On the Sources of “Arithmology” by Nikolai Spafari. *Russian Literature*. 1980. No 2, pp. 131–134.

Belova, Kabakova 2014 – At the Origins of the World: Russian Etiological Tales and Legends / Comp. and comm. O.V. Belova, G.I. Kabakova. Moscow. Forum; Neolit Publ. 2014. 528 p.

Tolstoy 2003 – Tolstoy N.I. Essays on Slavic Paganism. Moscow. Indrik Publ. 2003. 624 p.

Toporov 1997 – Toporov V.N. On the Structure of Some Archaic Texts Correlated with the Concept of the “world tree”. In: From the Works of the Moscow Semiotic Circle. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 1997, pp. 74–127.

Сведения об авторе:

Сергей Викторович Алпатов,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey V. Alpatov,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

alpserg@gmail.com

Материалы и сообщения

Communications and Materials

DOI 10.24249/2309-9917-2023-5-3-94-100

Е.Н. Филиппов (Трнава, Словацкая республика)

Царь Голод в Стране чудес: Сатирическое изображение суда в сказке Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» и драме Л. Андреева «Царь Голод»

Аннотация: Данное исследование посвящено поиску литературных связей в творчестве Л. Кэрролла и Л. Андреева. На материале сказки «Приключения Алисы в Стране чудес» и драмы «Царь Голод» рассматриваются принципы сатирического изображения суда. Оба автора в свойственной каждому из них манере выражают критическое отношение к суду и разоблачают его недостатки. При этом сатира ни в том, ни в другом тексте не является конечной или единственной целью. В ходе анализа обнаруживается сходство построения сцен суда. Выявляются общие черты у персонажей, выделяются две пары коррелирующих между собой образов. В текстах также частично совпадают используемые художественные приемы, в том числе гротеск и намеренное нарушение логических связей. Описывается различие функций комического в текстах.

Ключевые слова: Льюис Кэрролл, Леонид Андреев, Приключения Алисы в Стране чудес, Царь Голод, сатира

E.N. Filippov (Trnava, Slovak Republic)

Tsar Hunger in Wonderland: A Satirical Depiction of the Curt in L. Carroll's Fairy Tale "Alice in Wonderland" and L. Andreev's Drama "Tsar Hunger"

Abstract: This study is devoted to the search for literary connections in the works of L. Carroll and L. Andreyev. The principles of the satirical portrayal of the court on the material of the fairy tale "Alice in Wonderland" and the drama "Tsar Hunger". Both authors express their critical attitude to the court and expose its shortcomings in a manner typical of each of them. At the same time, satire is not the final or only goal in either text. The analysis reveals similarities in the construction of the court scenes. Common features of the characters are revealed. Two pairs of correlating images are distinguished. The texts partially coincide with the artistic techniques used, including the grotesque and the deliberate violation of logical connections. The texts differ in the functions of the comic.

Key words: Lewis Carroll, Leonid Andreyev, Alice in Wonderland, Tsar Hunger, satire

Удивительная схожесть обнаруживается в сценах суда в драме «Царь Голод» (1908; Картина третья «Суд над голодными») и в сказке Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» (1865; Глава XI «Кто украл крендели?» и глава XII «Алиса дает показания»). Оба текста в свойственной каждому из них манере критикуют судебную систему (Леонид Андреев хорошо был знаком с этой системой: он учился на юридическом факультете, позже работал в суде и был судебным репортером). Хотя эти тексты разделяет почти полвека и создавались они в разных странах, мы находим в них много общего.

Прямых свидетельств того, что сказка Кэрролла повлияла на написание драмы «Царь Голод», нами не обнаружено. Но Леонид Андреев вполне мог быть с ней знаком. Впервые она была переведена на русский язык в 1879 г. (переводчик неизвестен), а в начале XX в. появилось сразу несколько переводов: М. Гранстрем (1908), А.Н. Рождественская (1908–1909), П.С. Соловьева (1909). В 1913 г. ее переводит М.П. Чехов (брат А.П. Чехова), позже появляется еще ряд переводов, в том числе В. Набокова (подробная история переводов «Приключений Алисы в Стране чудес» представлена в библиографии, составленной В.В. Лобановым[1]). Мы видим, что ко времени написания драмы в интеллигентских кругах возникает интерес к произведению Кэрролла, но, повторимся, подтверждений того, что Андреев был знаком с этим произведением, на момент исследования мы не имеем. При анализе мы будем использовать перевод Н.М. Демуровой (1968), хоть он и относится к более позднему времени, но для данной работы это не имеет принципиального значения, так как речи о прямых заимствованиях и цитировании в тексте драмы не идет. В исследовании мы сосредоточим внимание на особенностях сатирического изображения суда в указанных произведениях.

В «Приключениях Алисы в Стране чудес» атрибуты суда даются в восприятии ребенка, а в «Царе Голоде» ребенок задает вопросы об атрибутах. Примечательно, что в драме ребенку объясняет их значение Профессор (Льюис Кэрролл, настоящая фамилия Доджсон, был профессором математики в английском университете), а объяснение его обрывается словами: «В Англии…»[2]. Среди атрибутов встречается также «игрушечная английская виселица». Далее в драме ребенок обращается к внешнему виду судьи: «Посмотрите, какой нос у того судьи, совсем как кончик собачьего хвоста. Ну, честное слово, он облизнул его языком»[3]. Ср. восприятие присяжных Алисой: «А эти двенадцать существ (ей пришлось употребить это слово, потому что там были и зверушки, и птицы), видно, и есть присяжные»[4]. Сравнение с собакой в «Царе Голоде» связано в большей степени с лейтмотивом потери человеческого облика, проходящим через все картины. Таким образом, в обоих текстах суд частично изображается через детское сознание.

Особое внимание уделяется парикам. В сказке Алиса узнает, кто судья, именно по парику, и отмечается комичность вида Короля, которому приходится надеть корону поверх парика. В драме, помимо атрибутивной принадлежности, парики выполняют ряд других функций. Парики и мантии судей становятся поводом для уважения суда, вопреки здравому смыслу, когда уважение должны вызывать объективность, справедливость и беспристрастность:

---

[1] *Лобанов В.В.* Льюис Кэрролл в России: аннотированная библиография переводов. М.: МАКС Пресс, 2000.

[2] *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 6: Художественные произведения 1908 года. М.: Наука, 2013. С. 216.

[3] Там же.

[4] *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1978. С. 88.

– Мантии и парики придают им такой строгий вид. Их даже трудно узнать …
– Так нужно. Необходимо, чтобы суд внушал к себе уважение[1].

Политес Царя Голода, председателя суда, в контексте данной картины в комической форме перерождается в определение сущности закона – желание «сытого» общества, это подтверждают и четверо остальных судей:

Царь Голод. Милостивые государыни и государи! Позвольте приветствовать вас в зале правосудия. По вашему желанию, которое для нас закон…
Кланяется и смотрит на товарищей – и те по очереди, каждый с поклоном, подтверждают:
– Закон.
– Закон.
– Закон.
– Закон[2].

Справедливость понимается «сытыми» как беспощадность по отношению к «голодным», а решения судей определяются страхом, что их отстранят от должности:

– <…> Важно, чтобы судья был справедлив и не щадил голодных.
– Иначе мы возьмем других. Они это знают[3].

В сущности, судьи не стремятся быть справедливыми или гуманными, так как они и есть это общество – общество «сытых». Зрители в суде говорят, что из-за мантий и париков «их даже трудно узнать»[4]. А когда они снимают во время перерыва на еду парики, они «постепенно вмешиваются в толпу»[5]. В одной из реплик хорового персонажа – Зрителей – прямо заявляется, что «суд – это мы»[6], поэтому здесь даже не может быть и речи о справедливости, о правах «голодных» и т. д. Собственно, жизнь «голодного» имеет смысл, только когда он работает на «сытых», в противном случае, по их мнению, им и жить не стоит:

– Действительно, зачем они живут? Я этого не понимаю.
– Чтобы работать.
<…>
– Зачем ему жить?
– Лучше умереть.
– Скажите ему.
– Умри, старик, умри[7].

В экспозиции одиннадцатой главы «Кто украл крендели?» о подсудимом мы узнаем следующее: «Перед троном стоял между двумя солдатами Валет в цепях»[8]. В драме «Царь Голод» перед нами предстают несколько подсудимых, их по очереди вводят тюремщики, все подсудимые в намордниках. Когда судят одного из них только за то, что «для раба он слишком силен и честен»[9], среди Зрителей раздаются возгласы: «В цепи его!»[10]

---

[1] *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 6: Художественные произведения 1908 года. С. 216.
[2] Там же. С. 215–216.
[3] Там же. С. 216.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 223.
[6] Там же. С. 216.
[7] Там же. С. 218–219.
[8] *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. С. 88.
[9] *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 6: Художественные произведения 1908 года. С. 227.
[10] Там же.

Поэтика алогизма и гротеск – это то, что является внутренней скрепой сцен суда в этих двух текстах. Присяжные в сказке записывают свои имена, чтобы их не забыть, при этом, услышав «вот глупые», они записывают и эти слова. «Воображаю, что они там понапишут до конца суда! – подумала Алиса»[1]. Алогизм в сказке «крепчает» с каждой следующей строчкой: Билль, один из присяжных, оставшись без грифеля, стал писать пальцем, не оставляя следов на грифельной доске. Далее присяжные записывают три даты, складывают их и переводят в шиллинги и пенсы (что может намекать на их этические ценности). В следующей главе некоторые присяжные со слов Короля записывают «важно», другие – «неважно». А крошка Билль снова начал писать, обмакивая палец в стекавшие с его лица чернила, после того как Королева бросила в него чернильницу.

Не отстает в этом отношении и суд в «Царе Голоде». Судьи принимают вид размышляющих, а Секретарь в суде «служит по вольному найму, и хотя голоса в решении не имеет, но совершает в протоколах ошибки. Иногда эти ошибки являются источником неприятностей, иногда же <…> служат источником нового действующего права»[2]. Далее из речи Царя Голода мы узнаем: «Секретарь просит сообщить, что он сделал четыре ошибки, но не может найти где. Ошибки, впрочем, таковы, по его словам, что могут послужить источником действующего права»[3], – после чего Секретарь кланяется и раздаются аплодисменты. Обращаем внимание, что в «Приключениях Алисы в Стране чудес» единственный присяжный, который имеет имя, – это Ящерка Билль, в оригинале Little (Lizard) Bill. В одиннадцатой и двенадцатой главах (в сценах суда) это имя приобретает дополнительную семантику, вступая в языковую игру с английским словом bill, означающим законопроект, выносимый на рассмотрение парламента (в переводе Демуровой это отражено). Таким образом, присяжные в сказке и Секретарь в драме имеют сходство не только в том, что они делают ошибки в записях, но и в их законодательной роли.

Особое место занимают коррелирующие между собой два женских образа: Червонная Королева и Смерть. Кровожадные истеричные крики Королевы («Рубите ему голову! Голову с плеч!»[4]), ставшие уже крылатыми фразами, неоднократно звучат в сказке. В свою очередь, Смерть в драме каждый раз, объявляя «голодному» приговор, стучит по столу кулаком и кричит: «Осужден – во имя дьявола!» А при последнем «разбирательстве» она срывается и приводит всех в ужас:

> <…> вскакивает и яростно стучит кулаком по столу.
> – Осужден – во имя дьявола! дьявола! дьявола!
> Все вздрагивают, словно от сильного толчка. А она, свирепея все более, высокая, черная, страшная, стучит кулаком по столу и ворочает на всех белые оскаленные зубы.
> – Дьявола! дьявола! дьявола! дьявола!
> <…>
> Все встают в ужасе, с разинутыми ртами[5].

Можно выделить еще одну пару соотносящихся образов в анализируемых текстах – Белый Кролик и Царь Голод. В сказке Белого Кролика называют глашатаем. Он читает обвинение, следит за регламентом («Нет, нет, – торопливо прервал его Кролик. – Еще рано. Надо, чтобы все было по правилам»[6]), вызывает Алису в ка-

---

[1] *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. С. 89.
[2] *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 6: Художественные произведения 1908 года. С. 216.
[3] Там же. С. 225.
[4] *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. С. 98.
[5] *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 6: Художественные произведения 1908 года. С. 229.
[6] *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. С. 89.

честве свидетельницы – выполняет функции председателя. В первой ремарке третьей картины драмы указывается, что Царь Голод председательствует в суде. Он, как глашатай, начинает это представление, его же словами оно заканчивается. Царь Голод также регламентирует деятельность суда: вызывает обвиняемых, объявляет перерыв, говорит судьям, когда необходимо «принять вид размышляющих», и т. д. Заметим, что в картине второй Царь Голод во время «делового заседания» черни подсказывает Председателю, как Белый Кролик Королю, подходящее слово:

> *Председатель*. Но, чтобы впоследствии не заслужить упрека в несправедливости и соблюсти все необходимые…
> Запинается.
> *Царь Голод* (подсказывает). …Процессуальные.
> *Председатель*. Да, я знаю …Процессуальные формы, я предложил бы кому-нибудь из присутствующих взять на себя их защиту[1].

Помимо этого, персонажей объединяет тема «подхалимства» и «предательства». В работе Демуровой «Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества» встречается следующее замечание, касающееся Белого Кролика: «Так “робость” и “нервная суетливость” Белого Кролика оборачиваются в сцене королевского крокета и суда прямым коварством и предательством»[2]. В общении с Королевой страх заставляет Белого Кролика подхалимничать. Царь Голод предает «голодных», обрекая их на смерть, и прислуживает «сытым». В драме неоднократно возникает мотив лакейства, указывающий на двойную роль Царя Голода. В первой картине один из рабочих прямо говорит: «Ты предатель. Это у нас только ты царь, а у них – ты лакей за ихним столом. Это у нас ты носишь корону, а у них ты ходишь с салфеткою»[3]. Отвечая на эти обвинения, Царь Голод признает: «Да… Я лакей. Я прислужник у сытых. Я наемный убийца в их руках, палач, казнящий только безвинных»[4]. В третьей картине Первый Рабочий и Председатель-Хулиган снова указывают Царю Голоду на подхалимство во время его председательства в суде: «Но ты делаешь это как лакей!»[5] И после поражения бунта «голодных» Царь Голод говорит перед «сытыми»: «Кончено. Они все – внизу лежат. И не поднимутся больше. И я снова – ваш – лакей»[6].

Одиннадцатая и двенадцатая главы в сказке Кэрролла – это не только сатира на суд в Англии. «Смех Кэрролла <…> лишь минимально (но достаточно) “привязан” к реалиям своего времени»[7]. Как высокохудожественное произведение «Приключение Алисы в Стране чудес» образует пространство для множества возможных интерпретаций. Алогизм и гротеск создают причудливый мир, в системе которого мы можем обнаружить установку как на детское сознание, на развлекательный характер, включающий ребенка в игру сна и яви, в карточную игру, в языковую игру, так и на «взрослое» сознание, со сложными социальными, гносеологическими и логическими задачами.

Третья картина драмы «Царь Голод» также не ограничивается критикой судебной системы. Сатира и смех у Андреева скорее обнажают ужас, чем призывают

---

[1] *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 6: Художественные произведения 1908 года. С. 209.
[2] *Демурова Н.М.* Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. М., 1979. С. 144.
[3] *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 6: Художественные произведения 1908 года. С. 196.
[4] Там же. С. 197.
[5] Там же. С. 224.
[6] Там же. С. 246.
[7] *Демурова Н.* М. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. С. 187.

высмеять отрицательные явления действительности («трагическая сатира»[1], по определению А. Измайлова). В заключительных словах Царя Голода появляются образы Иисуса, Голгофы, суда истории, тем самым значение всего представления приобретает эпический масштаб и актуализирует глубинные онтологические и этические вопросы *со-бытия* человека с человеком. Социальная проблематика третьей картины, погруженная в контекст философских идей, соотносится с общим характером драматического конфликта «Царя Голода», который имеет социально-философскую природу (Андреев еще до написания драмы так говорил о своих планах в одном из писем К.С. Станиславскому: «Это отнюдь не какая-нибудь политическая злободневщина, которые я сам ненавижу. Голод я хочу подвергнуть исследованию со стороны философской и широко-общественной и дать вневременное художественное обобщение его»[2]).

«Приключения Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла и «Царь Голод» Л. Андреева – это принципиально разные произведения, начиная с того, что первое произведение эпическое, а второе – драматургическое, и заканчивая специфическими функциями применения гротеска. Отличается у них и «целевая аудитория»: «Царь Голод» явно не рассчитан на чтение для детей. Несмотря на это, мы обнаруживаем схожие элементы построения текста в анализируемых эпизодах. Мы не можем однозначно утверждать, что Андреев был знаком со сказкой Кэрролла и что она повлияла на драму «Царь Голод», но, несомненно, есть культурные параллели и исторические предпосылки для этого. Возможно, настоящее исследование станет отправной точкой в изучении данного вопроса и поможет обнаружить новые, ранее не изученные литературные связи.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 6: Художественные произведения 1908 года. М.: Наука, 2013. 760 с.

Беззубов В.И. Неизданные письма Леонида Андреева: (К творческой истории пьес периода Первой русской революции) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1962. Вып. 119. С. 378–393.

Демурова Н.М. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. М., 1979. 200 с.

Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник: Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле / Сост. Н. Демурова. Челябинск: Энциклопедия, СПб.: Крига, 2013. 416 с.

Иезуитова Л.А. Л. Андреев в «Курьере» (1897–1904). Фельетоны и судебная хроника. Умонастроения. Идейные искания. Эстетические взгляды // Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды. СПб.: Петрополис, 2010. С. 23–60.

Измайлов А. «Царь Голод» // Биржевые ведомости. 1908. 1 марта. (№ 10380). Утр. вып. С. 2.

Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1978. 360 с.

Лобанов В.В. Льюис Кэрролл в России: аннотированная библиография переводов. М.: МАКС Пресс, 2000. 401, [2] с.

[1] *Измайлов А.* «Царь Голод» // Биржевые ведомости. 1908. 1 марта. (№ 10380). Утр. вып. С. 2.
[2] *Беззубов В.И.* Неизданные письма Леонида Андреева: (К творческой истории пьес периода первой русской революции) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1962. Вып. 119. С. 384.

REFERENCES

Andreev L.N. Complete Works and Letters: In 23 vols. Vol. 6: Artistic Works of 1908. Moscow. Nauka Publ. 2013. 760 p.

Bezzubov V.I. Unpublished Letters of Leonid Andreyev: (On the creative history of plays during the period of the first Russian revolution). *Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1962. Issue 119, pp. 378–393.

Demurova N.M. (1979) Lewis Carroll. Essay of Life and Work. Moscow. 200 p.

Diary of a Trip to Russia in 1867, or Russian Diary. Articles and essays on Lewis Carrolle / N. Demurova (ed.). Chelyabinsk. Entsiklopediia Publ.; St. Petersburg. Kriga Publ. 2013. 416 p.

Iezuitova L.A. L. Andreev in "The Courier" (1897–1904). Feuilletons and court chronicles. Mindset. Ideological Quest. Aesthetic Views. In: Leonid Andreev and Literature of the Silver Age: Selected Works. St. Petersburg. Petropolis Publ. 2010, pp. 23–60.

Izmailov A. "Tsar Hunger". *Birzhevye Vedomosti*. 1908. March 1. (No 10380). Morning Issue. p. 2.

Carroll L. (1978) Alice in Wonderland. Through the Looking-Glass. Moscow. Nauka Publ. 360 p.

Lobanov V.V. (2000) Lewis Carroll in Russia: An Annotated Bibliography of Translations. Moscow. MAKS Press. 2000. 401, [2] p.

Сведения об авторе:

Евгений Николаевич Филиппов,
магистр, аспирант
факультет философии
Университет свв. Кирилла и Мефодия

Evgenii N. Filippov,
Magister, PhD Student
Faculty of Arts
University of Ss. Cyril and Methodius

quibble88@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-101-106

А.А. Павлова (Москва, Россия)

К вопросу об эстетике метареализма в поэзии Алексея Парщикова и Александра Ерёменко

Аннотация: Статья посвящена анализу некоторых поэтических произведений Алексея Парщикова и Александра Ерёменко. Описываются особенности взаимодействия времени и пространства в художественных мирах выбранных авторов. Рассматривается роль ритмического оформления стихотворений и эффекта «мерцания». Обсуждаются различия в подходах авторов к технике перенесения героя из обычного мира в хаотический метареалистический мир. Особое внимание уделяется приемам метаболического построения художественных миров, а также их «выворачивания» («инсайд-аут»).

Ключевые слова: метареализм, метареалистическая поэзия, метабола, инсайд-аут

A.A. Pavlova (Moscow, Russia)

Some Aspects of the Metarealistic Aesthetics in the Poetry of Alexei Parshchikov and Alexander Eremenko

Abstract: The article is devoted to the analysis of some poetic works by Alexey Parshchikov and Alexander Yeremenko. The features of the interaction of time and space in the artistic worlds of the selected authors are described. The role of the rhythmic design of poems and the effect of “flickering” is considered. The differences in the authors’ approaches to the technique of transferring the hero from the ordinary world to the chaotic metarealistic world are discussed. Special attention is paid to the techniques of metabolic construction of artistic worlds, as well as their “turning out” (“inside-out”).

Key words: metarealism, metarealistic poetry, metabola, inside-out

Метареализм уже прочно вошел в историю русской литературы второй половины XX столетия и на сегодняшний день является важным этапом ее развития. Однако несмотря на постоянное внимание к данному феномену во многих работах, посвященных проблемам современной русской литературы, поэтика метареализма изучена в недостаточной степени.

А.А. Токарев в своей работе «Поэтика русского метареализма» подробно говорит об основных приемах этого поэтического направления – о метаболе и об

инсайд-ауте[1], а также показывает, какую функцию они могут выполнять в произведении. Так, например, в работе отмечено, что через метаболу взаимодействуют различные временные пласты художественных миров. Для метаболического образа характерно ощущение прозрачности. А с помощью выворачивания (например, в поэме «Нефть» А. Парщикова) автор может без труда видеть то, что лежит в недрах земли и скрыто от простого взгляда, или лирический герой может взлететь «на ковш под тобой обернувшихся недр» (горы выворачиваются: исчезает земля, читатель ясно видит ее недра). А. Токарев отмечает: «Инсайд-аут является достаточно эффективным средством для разработки в художественном тексте сложных логических построений и поэтому оказывается востребован у поэтов для решения философских и онтологических вопросов. Использование инсайд-аута позволяет осуществлять своего рода “поэтические эксперименты”, реализовывать сложные философские метафоры, на внешнем уровне кажущиеся не только парадоксальными, но и алогичными»[2].

В статье «Метабола Алексея Парщикова» А.Е. Масалов анализирует образную систему поэмы «Новогодние строчки» и приходит к очень точному выводу о том, что несмотря на то, что метабола является определяющим метареалистическое письмо тропом в поэзии А. Парщикова, она «не вытесняет собой другие способы художественной выразительности, а синтезирует их внутри своей структуры, позволяя описать тождество различных пластов бытия»[3]. Хотя в своей статье А.Е. Масалов рассматривает только поэму «Новогодние строчки», приведем пример из другого произведения А. Парщикова: «Пышут бархатным током стрекозы и хрупкие прутья...»[4]. Здесь поэт в одном образе совмещает визуальное, звуковое и тактильное описание и закрепляет его личными ощущениями: слово «пышет» передает интенсивность, а «бархатным» – некое положительное впечатление.

Константин Кедров для описания схожего стилистического приема использует термин «метаметафора». Для Кедрова важен прежде всего эмоциональный опыт прочтения художественных текстов. Так, если для М. Эпштейна метабола – это «мгновенный переброс значения», то Кедров расширяет значение и говорит, что метаболический образ «обладает статусом повторяемости и вечности. Вечность временна, а время вечно. Момент бесконечен, а бесконечность мгновенна»[5]. Метабола является основным метареалистическим тропом, она вбирает в себя черты метафоры и метонимии, но все же отличается от них. С помощью метаболы авторы изображают непрерывный переход поэтических образов и значений. Абстрактные, не видимые глазом в повседневной жизни понятия обретают форму, овеществляются и существуют уже в новой, совершенной хаотической действительности.

Согласно М. Эпштейну, метареализм «напряженно ищет ту реальность, внутри которой метафора вновь может быть раскрыта как метаморфоза, как подлинная взаимопричастность, а не условное подобие двух явлений. <…> это не только

---

[1] Выворачивание. «Процесс выворачивания наизнанку – это лишь образ, дающий возможность почувствовать и понять момент исчезновения внутреннего и внешнего. Так весь космос, внешний по отношению к человеку, ощущается и воспринимается как свое тело, своя душа и даже свое нутро. Одновременно свое тело и свое нутро оказывается внешним по отношению ко вселенской метагалактике, как бы полностью охватывает ее». Цит. по: *Кедров К.А.* Энциклопедия метаметафоры. М.: ДООС, 2000. С. 11.

[2] *Токарев А.А.* Поэтика русского метареализма: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. С. 69.

[3] *Масалов А.Е.* Метабола Алексея Парщикова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. №2(75). С. 6.

[4] *Парщиков А.М.* Лиман: parshchikov.ru/steklyannye-bashni/liman

[5] *Кедров К.А.* Энциклопедия метаметафоры. С. 13.

«метафизический», но и «метафорический» реализм, т. е. поэзия той реальности, которая спрятана внутри метафоры и объединяет ее разошедшиеся значения, прямое и переносное»[1]. Рассмотрим подробнее несколько стихов А. Парщикова и А. Ерёменко и выведем некоторые метареалистические формулы их поэзии.

Так, например, в стихотворении А. Парщикова «Крым» автор через недлинный ряд ассоциаций переходит от наблюдения за застегивающей босоножку девушкой к идее того, что бесконечность и красота спасут тех, кто способен их видеть:

Ты стоишь на одной ноге, застегивая босоножку,
и я вижу куст масличный, а потом – магнитный,
и орбиты предметов, сцепленные осторожно…[2]

Герой видит орбиты предметов, сцепленные друг с другом, – космос повсюду вокруг нас, космос не что-то далекое, он в каждой вещи. Границ прошлого, настоящего и будущего тоже не существует: «а повернись круче – / встретишься с ханом, с ним две голенастые птицы, / он оси вращения перебирает, как куча / стеклянного боя», – и далее видим воображаемое будущее, Суд и даже путь к спасению. Граница между жизнью и смертью тоже стирается. И, наконец, те, кто способен видеть прекрасную точность в хаосе (в запуске вращенья и исходной точности крови) – в жизни и смерти, по сути, кто будет заворожен их картинами настолько, что все остальное перестанет для него существовать, те спасены.

В стихотворении «Румфиус» мы снова видим будто исходящие из окружающих нас или даже воображаемых предметов какие-то математические, геометрические линии (это будто бы должно ассоциироваться с точностью, ясностью и гармонией, но на самом деле тоже создает хаос). Эта гармония нарушает ту, к которой привыкли мы, вторгается своей подлинностью и разрушает привычное восприятие:

Мы живем в дни, когда вспоминается мрачная игрушка, – ослик,
выпускающий из суставов оси и хорды,
нежные стебли, их можно сожрать, перекусывая узелки.
У него образуются две челюсти на вращающейся морде[3].

Очень яркое изображение инсайд-аута в этом стихотворении находим в строчках «Кто-то из нас положил фотокамеру на ночь навзничь, объективом в небо, стеречь планеты. / И воздушный шар застрял в сужающемся кверху колодце каменного двора. / Этот снимок сделала земля, теснящая постаменты…» – камера направлена в бесконечность, мы почти физически ощущаем простор вокруг и дышим ночной прохладой, и вдруг нас сковывают каменным колодцем двора – настолько узким, что даже шар не пролетит.

Ритм в стихах отсутствует, есть только рифма. Даже тут через хаос прозаического текста иногда просвечивает, мерцает поэтическая гармония. Если строчки длинные (что встречается часто), то мерцание менее заметно, если короче, то, соответственно, ярче.

Стихотворение «Ветер, Сан-Ремо» рисует перед нами безжизненную, жутковатую картину мира без людей. Скорее, даже после людей:

Выброшенные морем пластиковые канистры в шафрановых синяках
на квадратных коленях, как мимо педалей, елозят по улочкам на сквозняках.

---

[1] *Эпштейн М.Н.* Литературные движения. Метареализм. Концептуализм. Арьергард // Эпштейн М.Л. Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. С. 149.
[2] *Парщиков А.М.* Крым: parshchikov.ru/steklyannye-bashni/krym
[3] *Парщиков А.М.* Румфиус: parshchikov.ru/dirizhabli/rumfius

Ветер носит в когтях экраны грязи и лужи сорванного белья.
С локтем заломленным ползают по синусоиде травяные поля.
Обезьянники клейких гримас, как прикнопленные на лету, на углах, по пути...
Юноша в нише (с суставом на шее) кривляется, тихо свистя, – известняк во плоти[1].

Единственное живое существо – ветер (есть еще герой-наблюдатель, но так как герой един с природой и находится за пределами границ жизни и смерти, трудно отнести его к какой-то категории). Именно ветер делает по сути мертвый пейзаж вновь живым. С одной стороны, он будто ребенок, развлекается с экранами, плакатами, одеждой и т. д., а с другой – способен приказывать и вынуждать героя запереться в кондитерской и заказать кофе. «Сдвинута ветром на пару делений вперед хронологическая шкала. / Пальцы ложатся на стол, как покорная пудра, и кость лопаточная светла» – абстрактная категория времени овеществляется, и появляется некая шкала, которая тоже находится во власти ветра. И теперь мы видим, что раньше герой был жив, а теперь от него осталась лишь пыль и кости. «А рулетка одержима сиянием и стирает историю, девятнадцатый век, за этапом этап» – космический хаос и космическая бесконечность гораздо сильнее нашей привычной условной категории времени, поэтому без труда уничтожают ее. И, наконец, красивая точка: «Мимо вокзала с горы верещагинских черепов слетела тысяча шляп» – благодарность человечества, ушедшего из условной категории жизни и растворившегося во всем. И шляпы слетели мимо вокзала, – вероятно, этот символ призван подчеркнуть, что то, что нам может видеться смертью, на самом деле только начало пути.

У Парщикова абсолютно любой предмет может стать проводником в этот переменчивый хаотический мир, вокруг каждого предмета герой видит «орбиты предметов». Ерёменко же в своих стихах переносит героя с помощью его (героя) личных ассоциаций, реакций на привычную действительность.

Сравним разобранные выше стихи с художественными образами в поэзии Ерёменко. В «Уже его рука по локоть в теореме…» мы четко ощущаем мерцание времени и пространства сегодняшней действительности и античной: с одной стороны, речевые конструкции «пока достаточно <...> песка», «еще достаточно вина», с другой – «полным-полно богов в забытой[2] атмосфере»[3]: герой как будто смотрит свысока на прошлое, но при этом присутствует в нем.

В «Ночной прогулке» (написанной, кстати, не рифмованной прозой, а полноправным четырехстопным анапестом, вводящим в транс) мерцание времени достигается через ассоциации героя с местами, памятниками, улицами, мимо которых он проходит. В первом четверостишии есть аллюзия к детской считалочке – некой сказке, фантазии – нереальность начинается уже здесь:

Мы поедем с тобою на А и на Б
мимо цирка и речки, завернутой в медь,
где на Трубной, вернее сказать, на Трубе,
кто упал, кто пропал, кто остался сидеть.

Мимо темной «России», дизайна, такси,
мимо мрачных «Известий», где воздух речист,
мимо вялотекущей бегущей строки,
как предсказанный некогда ленточный глист[4].

---

[1] *Парщиков А.М.* Ветер, Сан-Ремо: parshchikov.ru/stihotvoreniya-ne-voshedshie-cikly/veter-san-remo
[2] Подчеркивание сделано мною. – *А.П.*
[3] *Ерёменко А.В.* Уже его рука по локоть в теореме… : modernpoetry.ru/main/aleksandr-eremenko-izbrannoe#ujeegoruka
[4] *Ерёменко А.В*. Ночная прогулка: modernpoetry.ru/main/aleksandr-eremenko-izbrannoe#aib

Ночь – пограничное время между явью и вымыслом, границы между ними размыты. Точные городские локации смешиваются с вопросом «Куда нас несет?»: герой уже не движется самостоятельно, его ведет какая-то сила. Даже язык разрушается и написанное не сочетается с читаемым («Часто пишется “мост”, а читается – “месть”, / и летит филология к черту с моста»). Вся твердая почва, на которой держалась действительность, расплывается, утекает, перетекает во что-то новое – оно сильнее человека, оно затягивает. Кроме того, эта цитата – отсылка к строке «часто пишется казнь, а читается правильно – песнь»[1] О.Э. Мандельштама, с помощью которой Ерёменко смешивает прошлое и настоящее, размывает временны́е границы и вводит в повествование тему смерти (стихотворение Мандельштама написано на смерть Андрея Белого). И затем даже категория смерти, вернее ее нереальности, иллюзорности и, наверное, даже фальшивости, смешивается с мерцанием времени и получается: «“Мы еще поглядим, кто скорее умрет”. – / “А чего там глядеть, если ты уже труп?”» Само стихотворение в конце возвращается к первым строчкам – все произошедшее циклично, ночь кончается, все возвращается в привычное русло. В этом стихотворении тоже можно говорить об инсайд-ауте, растворении во вселенной и четком ощущении всей ее бесконечности внутри себя. Пусть и на короткий миг, но герой перестает принадлежать изначальному времени и пространству.

Еще довольно часто мы встречаем рифмованные омофоны, этот прием тоже помогает автору создавать многоплановую картину происходящего («Сгорая, спирт напоминает речь / глухонемых, когда перед постелью / их разговор становится пастелью / и кончится, когда придется лечь»[2]). Стоит сказать еще и о том, что несмотря на то что в стихах Ерёменко мы находим и постоянный ритм, и рифмы, он все равно добавляет в поэзию щепотку прозы: прописные буквы ставятся только в начале нового предложения, а не в начале строки. Конечно, если читать текст не разбитым на поэтические строчки, а как обычное монолитное предложение, ритм пропадет. Рифмы проникают в речь будто случайно. Как и у Парщикова, у Ерёменко отсутствует четкая граница между поэзией и прозой.

Интересны также сами характеристики вещей. Например, «невозмутимы размеры души»[3], где масштаб передается через абсолютно не предназначенное в повседневности для этого слово. В языке оказывается недостаточно ресурсов для выражения описываемой действительности. Это еще один уровень разрушения привычного мира и перехода в новый. И читатель, следуя за героем, перепрыгивая по островкам несовершенного языка, через ассоциации проникает в космос.

У Ерёменко находим даже хокку: «Жаркий полдень. / Бутылку вина / ворую в универсаме»[4]. Хокку изображает не время, только лишь короткий миг, вспышку. Но даже на этом «фотоснимке» автор умудряется запечатлеть движение. Слово «ворую» подразумевает длительность, картинка все равно стремится ожить и выйти за установленные жанром рамки.

Подводя итоги размышлениям о поэзии метареалистов, стоит отметить, что созданный ею мир довольно просто нарисовать в своем воображении: в ней все

---

[1] *Мандельштам О.Э.* Голубые глаза и горячая лобная кость...: mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/stihi/stih-324.htm

[2] *Ерёменко А.В.* Сгорая, спирт похож на пионерку...: modernpoetry.ru/main/aleksandr-eremenko-izbrannoe#sgoraya%20spirt

[3] *Ерёменко А.В.* Невозмутимы размеры души: modernpoetry.ru/main/aleksandr-eremenko-izbrannoe#-nevozmutimy

[4] *Ерёменко А.В.* Жаркий полдень: modernpoetry.ru/main/aleksandr-eremenko-izbrannoe#polden

эфемерное приобретает объем и форму, наделяется какими-то узнаваемыми чертами, но зафиксировать, поймать эту картинку невозможно, так как она находится в непрерывном хаотичном движении, смешении всего со всем. Герой всегда участник происходящего, он видит и зачастую понимает, что с ним происходит, осознает правильность новой действительности, в которой оказывается, и даже стремится стать ее частью. Смешение разных планов действительности происходит как за счет художественных образов, метабол, так и на лексическом и иногда фонетическом уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

Алексей Максимович Парщиков – стихи и поэмы, эссе, переводы, письма, фотографии, биография и воспоминания о поэте: parshchikov.ru/ (дата обращения: 25.09.2022).

Кедров К.А. Инсайдаут. М.: Мысль, 2001. 282 с.

Кедров К.А. Метакод и метаметафора. М.: ДООС, 1999. 235 с.

Кедров К.А. Энциклопедия метаметафоры. М.: ДООС, 2000. 126 с.

Масалов А.Е. Метабола Алексея Парщикова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. №2(75). С. 137–143.

Современная русская поэзия: modernpoetry.ru/ (дата обращения 25.09.2022).

Токарев А.А. Поэтика русского метареализма: Дисс. … канд. филол. наук. М., 2018. 149 с.

Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 494 с.

REFERENCES

Epstein M.N. (2005) Postmodern in Russian Literature. Moscow. Vysshchaya Shkola Publ. 494 p.

Kedrov K.A. (2000) Encyclopedia of a Metametaphor. Moscow. DOOS Publ. 126 p.

Kedrov K.A. (2001) Inside-out. Moscow. Mysl Publ. 282 p.

Kedrov K.A. (1999) A Metacode and a Metametaphora. Moscow. DOOS Publ. 235 p.

Alexey Maksimovich Parshchikov – poems, essays, translations, letters, photographs, biography and memoirs of the poet: parshchikov.ru/ (date accessed: 25.09.2022).

Tokarev A.A. (2018) Poetics of Russian Metarealism: Thesis. Moscow. 149 p.

Masalov A.E. Alexey Parshchikov's Metabola. Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2017. No 2 (75). pp. 137–143.

Modern Russian Poetry: modernpoetry.ru/ (date accessed 25.09.2022).

Сведения об авторе:

Анна Алексеевна Павлова,	Anna A. Pavlova,
магистрант	Master Student
филологический факультет	Philological Faculty
МГУ имени М.В. Ломоносова	Lomonosov Moscow State University

anya-pav99@yandex.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-107-112

К.К. Берикашвили (Москва, Россия)

«Сюжет обольщения» в повести М.Ю. Лермонтова «Княжна Мери» (своеобразие печоринской интриги: игра или мечтание)

Аннотация: В статье рассматривается «сюжет обольщения» в повести М.Ю. Лермонтова «Княжна Мери» через призму восприятия героини. Такой поход обусловлен трансформацией понимания сюжета в русской литературе первой половины XIX в., в частности – в ряде произведений писателя («Демон», «Княгиня Лиговская», «Княжна Мери»). Автор приходит к выводу, что данный процесс неразрывно связан с осмыслением М.Ю. Лермонтовым нравственно-философских категорий ‘презрение’, ‘ненависть’ и ‘любовь’.

Ключевые слова: Лермонтов, «Княжна Мери», «сюжет обольщения», презрение, ненависть, любовь

K.K. Berikashvili (Moscow, Russia)

The “Plot of Seduction” in Mikhail Lermontov’s Long Story “Princess Mary” (the peculiarity of the Pechorin’s intrigue: a game or a vision)

Abstract: The article is devoted to the “plot of seduction” in Mikhail Lermontov’s long story “Princess Mary” through the prism of perception of the heroine. This approach is conditioned by the transformation of understanding of the plot in Russian literature in the first half of the 19th century, in particular – in some of the writer’s works (“Demon”, “Princess Ligovskaya”, “Princess Mary”). The author concludes that this process is inextricably linked to Mikhail Lermontov’s reflection of moral and philosophical categories of Contempt, Hatred and Love.

Key words: Lermontov, “Princess Mary”, “plot of seduction”, contempt, hatred, love

Женщины любят только тех, которых не знают.
М.Ю. Лермонтов, «Княжна Мери»

«Сюжет обольщения» имеет длительную историю в литературе. Восходящий к классическому произведению Нового времени испанского монаха Габриэля Тельеса (Тирсо де Молина) «Севильский озорник, или Каменный гость» (1630 г)[1] и приобретающий новое идейное содержание в литературе XIX в., он получает

[1] Мы учитываем античную и фольклорную предысторию сюжета. См.: *Багно В.Е.* «Дон Жуан»: 17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/bagno-don-zhuan.htm

устойчивую структуру, предполагающую описание определенной последовательности действий *обольстителя*[1] на пути к достижению своей цели.

В настоящей статье мы рассматриваем основную интригу в повести М.Ю. Лермонтова «Княжна Мери» – последовательность развития отношений Григория Александровича Печорина и юной княжны Мери. События в произведении изображаются героем-автором в форме дневниковых воспоминаний, определившей традиционный характер интерпретации. Мы едва ли найдем в литературе пример анализа «сюжета обольщения», при котором герои (*он* и *она*) рассматривались как равные субъекты-участники действия. На наш взгляд, этот традиционный подход обусловлен особым статусом Печорина как центрального героя и инициатора конфликтных положений, а также тем обстоятельством, что избранный ракурс повествования не позволял обратиться к внутреннему миру *обольщаемой*. Сказанное не означает тем не менее, что мы не можем «восстановить в правах» суверенность ее личности. На наш взгляд, в тексте обнаруживаются сигналы, позволяющие представить художественную реальность произведения, не сводимую к видению одного героя.

Всякое действие предполагает ответную реакцию, поэтому мы рассматриваем «сюжет обольщения» «глазами обольщаемой», при этом отметим, что из текста едва ли можно извлечь свидетельства явного ответа героини на поведение *обольстителя*: читателю доступно лишь непосредственно наблюдаемое в произведении, внутренний мир героини не столько закрыт, сколько не составляет, как кажется, цели повествования.

Первым действием, вводящим в сюжет мотив активности героини, следует считать эпизод из записи от 11 мая: «Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгим любопытным взором»[2]. Расстановка героев в сцене соответствует формуле классического любовного треугольника (*героиня* и два *претендента*), при этом княжна готова к выполнению своей роли. Мы можем об этом судить по впечатлению Печорина, произведенному ею на него еще до инициативы Грушницкого: «Ботинки couleur puce стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления». Косвенным аргументом представляется также и неосознанное стремление юнкера «вступить в схватку»: «…признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью». Сказанное объясняет поспешность, с которой княжна сделала свой выбор, и ее ошибка станет ключевым фактором в развитии «сюжета обольщения»[3].

Декларацию Грушницкого на французском языке следует воспринимать как своего рода провокацию, вторжение в естественный ход развития событий, вызывающую два следствия: «…и вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женщину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно незнакомого, вряд ли, говорю, найдется такой молодой человек (разумеется, живший в большом свете и привыкший бало-

[1] Мы выбираем определение «обольститель» сообразно с названием повести С. Кьеркегора «Дневник обольстителя» как замещающее нарицательное имя героя – Дон Жуан – или вовсе исчезающее из повествования.

[2] Здесь и далее текст повести «Княжна Мери» цитируется по: *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.; Л., 1957.

[3] См.: *Москвин Г.В.* Зачем я так упорно добиваюсь любви?.. (Суть любовной интриги Печорина в повести «Княжна Мери». К вопросу о духовном основании повести) // Stephanos. 2015. №5(13). С. 64.

вать свое самолюбие), который бы не был этим поражен неприятно». Именно эту фразу можно считать завязкой и началом интриги.

В равной мере выступление Грушницкого оказывается провокацией и в отношении Печорина: тот словно бы отвечает на нее («Mon cher, je méprise les femmes pour ne pas les aimer car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule»)[1]. Небезынтересно здесь замечание Г.В. Москвина в статье «Зачем я так упорно добиваюсь любви?..»: «Конечно, обе фразы обусловлены сюжетной ситуацией, предполагающей соперничество и необходимой для игры в обольщение, которая будет исчерпана, когда Печорин "переведет" взор княжны Мери с Грушницкого на себя. Между тем деятельностная, или событийная, составляющая сюжета в глубине своей обусловлена движением темы, идейные параметры которой названы в приведенных декларациях и составляют отношения ненависти, презрения и любви…». Корреляция этих понятий ляжет в основу смысла дальнейшего развития сюжета.

Итак, первый этап в «сюжете обольщения» имеет две составляющие: встреча, как экспозиция к действию и многокомпонентное начало развития интриги: первое впечатление Печорина («Ботинки couleur puce стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления»); провокационная фраза Грушницкого «Mon cher, je hais les hommes pour ne pas les mepriser car autrement la vie serait une farce trop degoutante»[2]; ответ и реакция Печорина; сцена помощи княжны юнкеру; взгляд Печорина в лорнет на героиню[3].

Второй этап развития интриги полностью приходится на 13 мая, он характеризует фазу развития личных отношений, сменяющих впечатления 11 мая. Они насыщаются тремя последовательными эмоциями, которые герой стремится вызвать у девушки. О первой из них – любопытстве – читатель узнает из рассказа доктора Вернера о своем общении с матерью и дочерью Лиговскими: юная княжна проявляет любопытство к личности героя, в то время как «княгиня же стала рассказывать о ваших похождениях, прибавляя, вероятно, к светским сплетням свои замечания… Дочка слушала с любопытством. В ее воображении вы сделались героем романа в новом вкусе…».

Печорин в начале личных отношений, казалось бы, играет пассивную роль, если не считать его демонстративного присутствия в начальных сценах. Вторую эмоцию мы бы назвали словом «интерес» как результат воображения княжны Мери благодаря рассказам матери. И в этом случае Печорин привлекает внимание девушки, не прилагая к этому никаких дополнительных усилий. Зная о первых успехах в своем предприятии (любопытство и игра воображения), Печорин наконец приступает к агрессивному поведению.

Вечером того же дня у колодца, вокруг которого собирается все водяное общество, герой отвлекает молодых людей остроумными анекдотами и насмешками. Он записывает в дневнике: «Я продолжал увеселять публику до захождения солнца. Несколько раз княжна под ручку с матерью проходила мимо меня, со-

[1] Милый мой, я презираю женщин, чтоб не любить их, потому что иначе жизнь была бы слишком нелепой мелодрамой (франц).

[2] Милый мой, я ненавижу людей, чтоб их не презирать, потому что иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом (франц).

[3] Взгляды княжны Мери и Печорина образуют кольцевую композицию первого этапа интриги. В начале («Ботинки couluer puse стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления») – в конце («Я навел на нее лорнет и заметил, что она от его взгляда улыбнулась, а что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку»).

провождаемая каким-то хромым старичком; несколько раз ее взгляд, упадая на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие…». Итогом дня становится намерение Печорина вызвать у княжны равнодушие, чтобы скрыть недовольство поведением героя. Таким образом, сюжетная ситуация обольщения содержит в себе три основные эмоции: любопытство, воображение, равнодушие.

Третий этап развития интриги состоит в действиях, направленных на достижение двух результатов: во-первых, вызвать ненависть героини и, во-вторых, побудить ее к проявлению торжества. И та, и другая преследуемые реакции представляют собой тактическую уловку со стороны героя. Ненависть нужна для того, чтобы усилить интерес, тем самым как бы сосредоточив его на себе. Что же касается торжества, то Печорину безусловно внятна его мнимая природа, это заблуждение провоцируется героем, чтобы девушка оказалась в смущении, когда оно рассеется.

Так, запись от 16 мая начинается со слов Печорина: «В продолжении двух дней мои дела ужасно подвинулись. Княжна меня решительно ненавидит…». Казалось бы, это поражение героя, и интрига закончилась, так не успев начаться. Однако Печорин добивается именно этого чувства: ему необходимо, чтобы княжна Мери прошла дорогой ложной ненависти[1].

Добившись первой реакции девушки, Печорин позволяет ей торжествовать: «Я тотчас подошел к княжне, приглашая ее вальсировать… Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгий вид». Во время этой сцены (22 мая), описанной героем, происходит кульминация интриги, на что указывает Г.В. Москвин в упомянтой выше статье[2].

Таким образом, Печорин, добившись равновесия в отношениях[3], должен приступить к следующему шагу – избавиться от *соперника*, что, собственно, ему и удается: 22 мая герой развенчивает Грушницкого, называя его «несчастным» и раскрывая секрет его юнкерства, а в дневниковой записи от 29 мая мы читаем: «Я отошел подальше и украдкой стал наблюдать за ней: она отвернулась от своего собеседника и зевнула два раза. Решительно, Грушницкий ей надоел… она его рассеянно слушала, смотрела по сторонам, приложив веер к губкам; на лице ее изображалось нетерпение, глаза ее искали кругом кого-то… После третьей кадрили она его уж ненавидела». Теперь же взгляд княжны Мери обращен на *обольстителя*, ставшего дня нее «человеком необыкновенным».

---

[1] Важно отметить, что в тексте читателю представлены «две ненависти» разного семантического качества, связанные со взглядом главной героини: (1) «…я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство» (16 мая); (2) «Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали» (16 июня). В творчестве Лермонтова ненависть, сопряженная с любовью, – «два состояния и два полярных типа отношения к себе и другим являются обязательными для преображения человека в этический субъект бытия» (см.: *Москвин Г.В.* Ненависть. Презрение. Любовь // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 333–335).

[2] План Печорина оказался на грани крушения, однако неожиданное появление пьяного драгунского капитана прерывает фразу героя («Знаете, княжна, – сказал я с некоторой досадой, – никогда не должно отвергать кающегося преступника: с отчаяния он может сделаться еще вдвое преступнее… и тогда…»), вероятнее всего содержащую нечто неприятное для княжны Мери, а следовательно, делающую невозможным успешное продолжение игры. Благодаря этому вмешательству Печорин получает возможность «спасти юную героиню от обморока», другими словами, ситуация изменяется в пользу героя.

[3] Поначалу (с 11 по 22 мая) Печорин вел интригу, полагая себя неизбежным *победителем*. 22 мая на бале княжна «перехватывает» инициативу, демонстрируя герою его заблуждение. И лишь после инцидента наступило равенство между *обольстителем* и *обольщаемой*.

Следующий, пятый этап развития «сюжета обольщения» приходится на 3 июня. Герой начинает с сомнений в своих целях в отношении княжны и приходит к тезису о «высшем состоянии самопознания человека», когда он «может оценить правосудие божие». Далее откровенным признанием[1] о прошлом герою удается вызвать в неопытном сердце юной героини сострадание – «чувство, которому покоряются так легко все женщины». А ведь такой ответ героини – первое главное торжество обольстителя. Теперь Печорин выводит ее из сердечного равновесия вопросом «Любили ли вы?», смущает ее соприкосновением рукавов. Все это приводит к тому, что теперь княжна Мери «недовольна собой: она себя обвиняет в холодности».

Далее события неотвратимо стремятся к развязке, финальный этап состоит из двух частей: первая относится к записи от 12 июня, вторая – 16 июня.

Читая первую запись, мы понимаем, что Печорину удалось окончательно влюбить в себя юную княжну, тем самым одержав полную безоговорочную победу: «…вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?.. Видите ли, я много думала, старалась объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных… это ничего; когда они узнают… (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение… но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю…». Завершается запись жестоким признанием героя: «Я вам скажу всю истину, не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю». Разъяснение этих слов откладывается до 16 июня. Последняя встреча Печорина и княжны Мери есть развязка интриги:

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.
– Я вас ненавижу… – сказала она.
Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел.

Заключительная сцена показывает, что ненависть героини является условием и целью развязки обольстительной интриги.

Таким образом, традиционный «сюжет обольщения» переживает трансформацию в творчестве Лермонтова, связанную с осмыслением нравственно-философских категорий презрения, ненависти и любви, в котором «обольщение» как действие и «любовь» как искомое приобретают новое качество.

ЛИТЕРАТУРА

Багно В.Е. «Дон Жуан»: 17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/bagno-don-zhuan.htm

Герштейн Э.Г. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. М., 1976. 125 с.

Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.; Л., 1957. 900 с.

Москвин Г.В. Ненависть, презрение, любовь // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 333–335.

Москвин Г.В. Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 2007. 203 с.

Москвин Г.В. Зачем я так упорно добиваюсь любви?.. (Суть любовной интриги Печорина в повести «Княжна Мери». К вопросу о духовном основании повести) // Stephanos. 2015. №5(13). С. 61–66.

[1] Отметим, что читателю не известна судьба героя до описываемых событий, поэтому мы не можем говорить об истинности слов Печорина. Однако монолог носит явно исповедальный характер, что не подлежит отрицанию.

REFERENCES

Bagno V.E. “Don Juan”: 17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/bagno-don-zhuan.htm

Gerstein E.G. (1976) “A Hero of Our Time” by M.Yu. Lermontov. Moscow. 125 p.

Lermontov M.Yu. (1957) Collected Works: In 6 vols. Vol. 6. Moscow.; Leningrad. 900 p.

Moskvin G.V. Hate, Contempt, Love. In: M. Lermontov: Encyclopedic Dictionary. Moscow. 2014, pp. 333–335.

Moskvin G.V. (2007) The Meaning of Lermontov’s Novel “A Hero of Our Time”. Moscow. 203 p.

Moskvin G.V. Why I Am So Stubborn about Love?.. (The essence of Pechorin’s love intrigue in the “Princess Mary”. To a question about the spiritual foundation of the long story). Stephanos. No. 5., 2015. pp. 64.

Сведения об авторе:

Кристина Каховна Берикашвили,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Kristina. K. Berikashvili,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kristinaberikashvili@gmail.com

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-113-119

Д.М. Васина (Москва, Россия)

Раннее поэтическое творчество Никоса Энгонопулоса: особенности воплощения художественных образов

Аннотация: Статья посвящена системе художественных образов в первых поэтических сборниках «Не разговаривайте с водителем» и «Клавесины молчания» Никоса Энгонопулоса, одного из ярчайших представителей греческого сюрреализма. В своих ранних произведениях поэт следует сюрреалистическим принципам, главным из которых становится принцип построения между объектами парадоксальных, алогических связей, при помощи которых считается возможным постижение сюрреальности. При этом абсурдность образов не равнозначна непонятности: повторы и употребления в различных контекстах позволили выделить несколько ключевых образов и предложить здесь их интерпретацию.

Ключевые слова: Никос Энгонопулос, греческая поэзия, сюрреализм, художественный образ, мотив

D.M. Vasina (Moscow, Russia)

The Early Poetry of Nikos Engonopoulos: Aspects of the Embodiment of Imagery

Abstract: The article is devoted to the imagery in the first two poetry books “Do Not Distract the Driver” and “The Clavichords of Silence” by Nikos Engonopoulos, one of the brightest representatives of Greek surrealism. In his early works, the poet follows surrealist principles, the main of which is the principle of building paradoxical, illogical connections between ordinary objects. With the help of such connections it is considered possible to comprehend surreality. At the same time, the absurdity of images is not tantamount to incomprehensibility: their repetitions and use in various contexts made it possible to single out several key images and offer their interpretation in this article.

Key words: Nikos Engonopoulos, Greek poetry, Surrealism, imagery, motive

«*Enfant terrible* греческого сюрреализма» – так окрестил Никоса Энгонопулоса (1907–1985) британский исследователь Кристофер Робинсон [Robinson 1981: 124]. Яркий представитель так называемого «поколения 30-х», сыгравшего определяющую роль в развитии и модернизации современной греческой литературы, художник и поэт, Энгонопулос на протяжении всей творческой карьеры оставался верен идеям сюрреализма, который воспринимался им не как нечто искусственное, но,

наоборот, как самое естественное мироощущение. Несмотря на то что свои поэтические произведения он называл делом сугубо личным и признавался, что никогда не чувствовал в себе желания увидеть их опубликованными [Εγγονόπουλος 1990: 145], именно Никос Энгонопулос стал вторым греческим автором, чьи сборники сюрреалистической поэзии «Не разговаривайте с водителем» («Μην ομιλείτε εις τον οδηγόν») и «Клавесины молчания» («Τα κλειδοκύμβαλα της σιωπής») появились в печати в 1938 и 1939 гг.

Греческий сюрреализм обладает четкой и почти что неоспоримой датой рождения. Это 1935 г., когда вышел в свет сборник Андреаса Эмбирикоса «Доменная печь». Найти столь же ясную точку отсчета в истории его предшественника и истока – сюрреализма французского – несколько труднее. Течение зародилось и оформилось во Франции в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Сам термин впервые употребил в 1917 г. Гийом Аполлинер в своем манифесте «Новый дух» – отклике на скандально нашумевший балет «Парад», в создании которого принимали участие такие известные деятели культуры первой половины XX в., как Эрик Сати, Пабло Пикассо, Жан Кокто и Леонид Мясин. Теоретической основой течения стал выпущенный в 1924 г. первый «Манифест сюрреализма»; его автора Анри Бретона и принято называть основоположником сюрреализма. В «Манифесте» Бретон впервые четко определяет сюрреализм как «чистый психический автоматизм, имеющий целью выразить, или устно, или письменно, или другим способом, реальное функционирование мысли. Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных соображений» [Бретон 1986: 56].

Сюрреализм принято называть течением в искусстве XX в., хотя цели, методы и деятельность последователей движения самой сферой искусства отнюдь не ограничивались. С одной стороны, это интерес к мистике, алхимии, герметизму. Свою роль сыграла и теория психоанализа Зигмунда Фрейда: эксперименты с гипнозом и телепатией, использование медиумов, автоматическое письмо – все это было не попыткой решения эстетических проблем, но коллективным исследованием подсознательного. С другой стороны, это активная политическая деятельность многих сюрреалистов, которую следует трактовать не как простое проявление интереса к политике группы художников, но как еще один аспект деятельности – и немаловажный – всего сюрреализма [Αμπατζοπούλου 1980: 21]. В их текстах политического характера, манифестах, протестах и заявлениях важнейшей заботой и стремлением становилась социальная революция, изменение мира и освобождение человека от любых форм принуждения на всех уровнях – от общественного до психологического. Искусство в такой ситуации зачастую оказывалось не целью, а средством, одним из способов достичь этого освобождения.

Подобная характеристика может быть применена к греческому сюрреализму лишь отчасти. Одну из главных ролей здесь играет, вероятно, связь авторов с так называемой «традицией». Стремление альтернативным образом интерпретировать историческое и культурное наследие своей страны, идиосинкратическое обращение с греческими темами – все это стало частью «программы по пересозданию Греции», отчаянно нуждавшейся в обновленной, соответствующей современной эпохе национальной идентичности. Угасший интерес греческих сюрреалистов к участию в политической жизни и возросший – к экспериментам над языком и содержанием и к их эстетическим результатам вовсе не был свидетельством ухода от той цели, что ставили перед собой основоположники течения во Фран-

ции. Греческий сюрреализм (и Никос Энгонопулос как один из важнейших его представителей) точно так же прежде всего стремился к «освобождению духа».

Исходя из определения Андре Бретоном сюрреализма как «чистого психического автоматизма», а также из общей теории сторонников течения, предполагающей существование сюрреальности – пространства, лежащего между реальностью видимого мира и реальностью сновидения, можно говорить о том, что в отношении художественных образов сюрреалистами было сформулировано собственное «правило несоответствия». В то же время М.Э. Коус пишет и о том, что сюрреализм опирается на контраст между «волей соединять и постоянной борьбой противоположностей. Напряжение между двумя этими элементами служит основой сюрреалистической поэзии» [Caws 1971: 87]. Автоматизм, ведущий к сопоставлению несопоставимого, – так можно коротко описать принцип создания сюрреалистами художественных образов.

Никос Энгонопулос разделял убеждение в том, что постичь сюрреальность (представляющую из себя скрытую от нас истинную реальность) становится возможно благодаря тем мистическим отношениям, которые устанавливаются между обыкновенными объектами, когда они оказываются освобождены от общепринятых логических и причинно-следственных связей [Karavidas 1987: 33]. По этой причине парадоксальные сочетания несочетаемых образов становятся одной из главных черт поэзии Энгонопулоса. Многие его произведения построены на не всегда понятном, в чем-то даже шокирующем отождествлении живого и неживого, материального и абстрактного. Одним из ярчайших примеров подобного отождествления является стихотворение из первого сборника автора, носящее название «Элеонора» («Ελεωνόρα») [Εγγονόπουλος 1990: 41–44] и представляющее собой описание внешнего вида девушки, каждая часть тела которой сопоставляется с неким предметом или абстрактным понятием. Так, среди объектов, с которыми проводится сравнение, присутствуют живые существа (голубь, лошадь), литературные произведения («история Вельтандра и Хрисанцы» – византийский рыцарский роман), природные явления (молния), звуки (голос непроходимого леса, пронзительный свист), мифологические персонажи (Агамемнон) и исторические события, которые на момент написания произведения даже не вполне можно было назвать таковыми, поскольку они еще не обрели своего завершения (гражданская война в Испании).

Использование в произведении столь обширного набора образов, не имеющих, кажется, между собой ничего общего, тем не менее никак не отражается на стройности, даже строгости композиции: две крупные части (озаглавленные «вид спереди» и «вид сзади») с описанием частей тела, за которыми следует меньшая по объему завершающая строфа, где с определенными объектами сопоставляется сама девушка. Интересно, что взгляд на героиню напоминает взгляд художника, который смотрит на свою модель. Он проделывает путь четко сверху вниз, от волос до ступней, подмечает каждую деталь, чтобы затем наиболее точно отразить ее в своем произведении. Другое дело, что точности сравнений или принципов, по которым они строятся, искать в стихотворении и не нужно, потому что цель автора не достоверное и выверенное воспроизведение реального мира. Гораздо важнее становится переосмыслить рациональность языка, показать, как он будет функционировать вне диктуемых логикой сочетаний.

Тем не менее среди всех кажущихся иногда абсолютно случайными сопоставлений можно обнаружить ключевые понятия, в чем-то сходные с повторяющими-

ся мотивами в снах [Beaton: 163]. Например, один из таких мотивов у Энгонопулоса – представление органов и частей тела как неких предметов, которые можно легко убрать или заменить на другие. Подобное происходит, например, в первых строках стихотворения «Дорожные катки» («Οδοστρωτήρες»): «Мое сердце – это предмет из плотной резины. Внутри у него два болезненных никудышных стеклянных гвоздя…» [Εγγονόπουλος 1990: 35]. Или в третьей части текста «В горах Миуполя» («Στα όρη της Μυουπόλεως III»):

я вплетаю
в волосы
голоса
пламени

мои руки
становятся
ржавыми
якорями
затонувших кораблей[1] [Εγγονόπουλος 1990: 109–110].

В таком случае встает вопрос о том, что вообще представляет собой человек (если мы, конечно, предполагаем, что герой – это человек) в созданном Энгонопулосом мире: герой, чье сердце – кусок проткнутой гвоздями резины, а руки – ржавые якоря, превращается то ли в странный механизм, то ли в удивительное произведение искусства.

В то же время в определенных ситуациях такого рода замещение частей тела на некие материальные объекты или – что реже, но также встречается – абстрактные понятия не случайно и не безрезультатно. Зачастую оно становится необходимым условием для того, что можно было бы назвать «поэтическим зрением», – возможности увидеть в мире нечто более глубокое, сокровенное, практически иную, скрытую реальность, и затем увиденное выразить, обратить в творчество. В стихотворении «Лесной корабль» («Το καράβι του δάσους») [Εγγονόπουλος 1990: 33–34] герой говорит, что, только имея вместо служащей ему головой эоловой арфы брусок мыла, а вместо голоса – любовь метафизической музыкальной девушки, он мог бы рассказать о видениях радости, замеченных однажды в глазах птиц. Нынешние части тела, которые и сами по себе уже не первичны, а в некоторой степени трансформированы (арфа вместо головы), оказываются недостаточны; они ограничивают, сковывают, не позволяя вспомнить и описать, воссоздать то, что когда-то было доступно герою, причем доступно не по причине наличия или отсутствия определенных органов, но в силу детского возраста. Подобное восприятие можно напрямую связать с восприятием сюрреалистическим: «Дух, погруженный в сюрреализм, заново, с восторгом проживает лучшую часть своего детства» [Бретон 1986: 67]. Детство оказывается самой сюрреалистической порой человеческой жизни.

Встреченные в рассмотренном выше стихотворении образы птиц и нередко соседствующие с ними образы цветов на самом деле являются одними из самых распространенных в произведениях Энгонопулоса и часто выступают символами поэта, поэзии или творческого акта в целом. Одновременно такими символами у Энгонопулоса становятся и образы чуть более оригинальные, например велосипеды. Если вернуться к стихотворению «Дорожные катки», то вслед за строками, которые уже приводились выше, следует: «Я беру этот предмет [сердце из рези-

[1] Здесь и далее переводы с новогреческого языка выполнены автором статьи.

ны], и хотя он сопротивляется изо всех сил, мне удается, едва ли не силой, запрятать его в ящик, где я храню в тайне слова и истории из деревни велосипедов» [Εγγονόπουλος 1990: 35]. Так, «деревня велосипедов», откуда были привезены, взяты, позаимствованы слова и истории, является местом-источником творчества и поэзии в частности.

Мир Энгонопулоса в целом очень материален (что на самом деле прослеживается как в стихотворениях, так и в картинах автора), и немалую его часть составляют простые, фактически бытовые предметы: швейная машинка, молоток, малярная кисть, зонт. Иногда такие объекты могут становиться конкретными символами, как это было с рассмотренным выше образом велосипеда. В других случаях они выступают одним из членов в сопоставляющей несопоставимое паре: чем сильнее оказывается контраст между бытовизмом и возвышенностью, тем ярче образ и тем успешнее выполнена автором задача освободить язык от сковывающей его «обязательности», заставляющей одно слово притягиваться, примыкать к другому по причине существующих между ними логических связей. При этом Энгонопулос часто не доводит абсурдность подобных сравнений до крайности и не утверждает абсолютную тождественность объектов, но лишь делает предположение или обуславливает их смежную позицию рядом условий: определенным местом, временем, культурным кодом:

из арфы
однако
появились
одно за другим
птица
брусок зеленого мыла
и один
гладильный
утюг
– из самых обычных –
в точности то
что зигиоты
называют
во время грозы
Ars Amantis [Εγγονόπουλος 1990: 22].

Если исходить из вышесказанного, то не должен вызывать удивления тот факт, что эти совершенно обыкновенные предметы повседневного пользования соседствуют в произведениях Энгонопулоса не только с природными образами, но и с мифологическими персонажами: древнегреческими и древнеегипетскими богами, мифическими существами, героями ближневосточных легенд. Их изображение зачастую далеко от традиционного; с одной стороны, они выглядят несколько нелепо в окружении предметов – порождений последней пары веков, с другой – соответствуют, «подходят» созданной поэтом реальности гораздо больше, нежели простой, абсолютно заурядный человек.

Однако подобное нетрадиционное изображение вовсе не является свидетельством того, что традиция перестает быть важна. Напротив, греческие история и культура от античной Греции через Византию к Греции современной очень много значат для Энгонопулоса, и идея культурного континуитета, как и мысль о бессмертии художественного произведения и его автора, проходит через все его творчество. И все же поэт остается верен своему стилю и своим приемам, не отка-

зывается от сатиры, абсурда, иррациональности даже при обращении к образам, которые не только Грецией, но и всем миром возведены в статус практически сакральных.

Иллюстрацией может служить произведение «Может быть» («Ίσως») [Εγγονόπουλος 1990: 49–50], где повествуется о беседе героя сразу с двумя Гомерами:

> Идет дождь… И все же мне жаль говорить вам это: вот был некий дом, большой, громадный дом. Он был пуст. в нем совсем не имелось окон, только балконы и большая дымовая труба. Там сидела девушка без глаз, с цветком вместо голоса. Она спросила меня:
> – Что вы стучали так сегодня с самого утра?
> – Ах, ничего… ничего. Я говорил с Гомером.
> – С Гомером-поэтом?
> – Да, с Гомером-поэтом, и с другим Гомером, из Мосхополя, тем, что прожил всю жизнь на деревьях, словно птица, и однако же был известен в окрестностях озера как «человек моста».

Абсурдность самой мысли о том, что помимо всем известного Гомера, автора Илиады и Одиссеи, существует еще один Гомер – из Мосхополя, всю жизнь проживший на деревьях, – позволяет Энгонопулосу поставить вопрос о допустимости взгляда на культуру и ее наследие под другим углом. В такой стране, как Греция, где столь сильна оказывается неопределенность в вопросе национального самосознания, где даже Гомер уже не может быть прочитан без опоры на западное мышление, т. е. без холодного рационального анализа, не имеющего ничего общего с живой поэзией, поэт все равно «тайком» говорит с ним. В пустом доме без окон со слепой девушкой в качестве единственного обитателя – символе «переставшего функционировать сооружения» – стук молотка, намекающий, по мнению Н. Валаоритиса, на заколачивание не только окон и дверей, но и гроба, оказывается единственной оставшейся связью с Гомером [Βαλαωρίτης 1988: 83]. И все же Энгонопулос настроен вовсе не пессимистично, поскольку объявляет о наличии второго Гомера – непостоянного, безумного, эксцентричного поэта современной Греции, близкого в то же время древней природной среде. Существует новый Гомер – «человек моста», и, значит, существует и мост – то особое прочтение, что способно соединить два берега, разделенных схоластической традицией; прочтение, в основе которого будет лежать нечто почти что первобытное: инстинкт, импульс, может быть, даже само безумие, открывающее нам текст в новых представлениях и плоскостях [Βαλαωρίτης 1988: 82].

Можно заключить, что художественные образы в ранних стихотворениях Никоса Энгонопулоса обусловлены сюрреалистическим стремлением к освобождению языка и искусства от диктуемых логикой шаблонов и форм. Однако, будучи мало понятны в масштабе одного текста, в масштабе цельной группы произведений образы приобретают определенное дающее возможности для трактовки значение. Их анализ и интерпретация приближают нас к лучшему пониманию как творчества самого Никоса Энгонопулоса, так и взглядов, концепций и приемов греческих сюрреалистов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Бретон А. Манифест сюрреализма (пер. Л. Андреева и Г. Косикова) // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / Сост. и ред. Л.Г. Андреев. М.: Прогресс, 1986. С. 40–72.

Beaton R. An Introduction to Modern Greek Literature. Oxford: Clarendon Press, 1994. 440 p.

Caws M. André Breton. New York: Twayne, 1971. 133 p.

Karavidas Y. Surrealism and the Early Poetry of Nikos Engonopoulos // Journal of Modern Greek Studies. 1987. № 5. P. 33–46.

Robinson C. The Greekness of Modern Greek Surrealism // Byzantine and Modern Greek Studies. 1981. № 7. P. 119–137.

Αμπατζοπούλου Φ. …δεν άνθησαν ματαίως (Ανθολογία υπερρεαλισμού). Αθήνα: Νεφέλη, 1980. 415 σ.

Βαλαωρίτης Ν. Για τον θερμαστή του ωραίου στους κοιτώνες των ενδόξων ονομάτων // Χάρτης. 1988. № 25/26. Σ. 77–92.

Εγγονόπουλος Ν. Ποιήματα Α. Αθήνα: Ίκαρος, 1990. 168 σ.

REFERENCES

Breton A. The Manifesto of Surrealism (translated by L. Andreev, G. Kosikov). In: Calling Things by Their Names: 20th Century Leading European Authors Programme Statements. Moscow. Progress Publishers. 1986, pp. 40–72.

Beaton R. (1994) An Introduction to Modern Greek Literature. Oxford. Clarendon Press. 440 p.

Caws M. (1971) André Breton. New York. Twayne. 133 p.

Karavidas Y. Surrealism and the Early Poetry of Nikos Engonopoulos. *Journal of Modern Greek Studies*. 1987. No 5, pp. 33–46.

Robinson C. The Greekness of Modern Greek Surrealism. *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1981. No 7, pp. 119–137.

Αμπατζοπούλου Φ. (1980) …δεν άνθησαν ματαίως (Ανθολογία υπερρεαλισμού). Αθήνα. Νεφέλη. 415 p.

Βαλαωρίτης Ν. Για τον θερμαστή του ωραίου στους κοιτώνες των ενδόξων ονομάτων. *Χάρτης.* 1988. No 25/26, pp. 77–92.

Εγγονόπουλος Ν. (1990) Ποιήματα Α. Αθήνα. Ίκαρος. 168 p.

Сведения об авторе:

Дарья Максимовна Васина,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Daria M. Vasina,
Undergraduate student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

daria.vasina.1@gmail.com

DOI 10.24249/2309-9917-2023-5-3-120-126

Т.А. Кириченко (Донецк, Россия)

Система парадигматических объединений сложносокращенных онимов

Аннотация: В настоящей статье установлена система парадигматических объединений сложносокращенных онимов, которая базируется на понятийном аппарате сложносокращенных апеллятивов. Нами рассматриваются такие разновидности парадигматических объединений, как гнездо эквивалентности, аббревиатурное гнездо, аббревиатурная группа, аббревиатурное поле и аббревиатурная парадигма в приложении к сложносокращенным онимам. Результаты исследования помогают провести четкую границу между сложносокращенными онимами и сложносокращенными апеллятивами, а также позволяют говорить о существовании отдельной микросистемы сложносокращенных онимов.

Ключевые слова: сложносокращенные онимы, сложносокращенные апеллятивы, гнездо эквивалентности, аббревиатурное гнездо, аббревиатурная группа, аббревиатурное поле и аббревиатурная парадигма

T.A. Kirichenko (Donetsk, Russia)

The System of Complex Abbreviated Onyms Paradigmatic Units

Abstract: This article establishes a system of paradigmatic associations of compound abbreviated onyms, which is based on the conceptual apparatus of compound abbreviated appellatives. We consider such varieties of paradigmatic associations as an equivalence nest, an abbreviation nest, an abbreviation group, an abbreviation field and an abbreviation paradigm as applied to complex abbreviated onyms. The results of the study help to draw a clear line between compound abbreviated onyms and compound abbreviated appellatives, and also allow us to speak of the existence of a separate microsystem of compound abbreviated onyms.

Key words: compound-abbreviated onyms, abbreviated appellatives, equivalence nest, abbreviation nest, abbreviation group, abbreviation field and abbreviation paradigm

В результате социальных и экономических процессов в России возникло множество деловых объединений, предприятий и пр., что повлекло за собой появление эргонимов – собственных имен «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 18]. В русском языке отмечается большое количество **эргонимов-аббревиатур**, **аббро эргонимов**, например ресторан «*РашЭль*», *Рос-*

зарубежцентр, кафе «*Z&M*», *МЧС* и т. п. При этом необходимо различать **эргонимы с символической, условной мотивацией** (например, парикмахерская «Престиж», зоомагазин «Любимчик») от **эргонимов с реальной мотивацией**, указывающих на характер деятельности предприятия и выпускаемой им продукции или на место расположения организации (например*, Государственный Русский музей, Минцифры, Роскомнадзор* и проч.). Повторим вслед за А.В. Суперанской, что в реальных эргонимах обязательно присутствует некоторая географическая привязка (российский, всемирный и т. д.), а также слово-классификатор (комитет, завод и т. д.) [Суперанская 1973: 195].

Объектом нашего исследования являются сложносокращенные онимы (ССО) – аббревиатуры, используемые для обозначения единичных объектов, которые чаще всего относятся к разряду **эргонимов с реальной мотивацией**. Цель исследования – описать парадигматические отношения, в которые вступает ССО с другими ССО. Задачи: 1) дать определение ССО; 2) описать отличия ССО от сложносокращенных апеллятивов (ССА); 3) установить систему парадигматических объединений ССО, описать ее сходства-отличия от системы парадигматических объединений ССА.

Актуальность исследования определяется тем, что сегодня смысловая неоднозначность названий вызывает множество интерпретаций при декодировании их реципиентами. В связи с этим появилась потребность систематизации многочисленных ССО, выявления общего и индивидуального в особенностях их структуры и принципах номинации. При этом необходимо отметить, что, несмотря на то что между именами собственными и именами нарицательными существует граница, некоторые исследователи (В.А. Никонов, В.Д. Бондалетов, Л.А. Булаховский, А.В. Суперанская и др.) утверждают, что эта граница относительна. Следует сказать, что, как показали наши исследования, ССО все-таки имеют организацию, отличную от структуры ССА.

Общим для ССО и ССА является то, что при их образовании используются аббоконструкты (морфематизированные сокращенные эквиваленты слов). Различие состоит в особенностях их использования. При образовании ССА они являются средством замещения слов эквивалентного словосочетания и легко разворачиваются в слова при расшифровке аббревиатур (например, **главофис** – *главный офис* или *головной офис*). ССО, которые могут быть образованы по универбализационным моделям (универбализация – ситуация, «когда слово, замещающее словосочетание, выступает в качестве его дублета в пределах тождества единой номинативной единицы – номинатемы» [Теркулов 2010: 138]), достаточно регулярно конструируются (ситуация, когда в развернутом словосочетании отсутствуют соответствующие аббоконструктам слова), что часто приводит к затемнению внутренней формы наименования, поскольку в нем может отражаться не текстовая эквивалентность «слово – словосочетание», а «творческая фантазия номинатора». Например, слово *Главкопирфильм* имеет в качестве эквивалента словосочетание ***Глав**ное управление массовой печати **фильм**ов*. Как видим, в данном ССО универбализуются только два компонента эквивалентного словосочетания – *глав-* и *-фильм*, а компонент *-копир* замещает комплекс *управление массовой печати*, но формально не эквивалентен ему. ССО противопоставляются и инициальным аббревиатурам, которые возникают в результате реализации моделей реального коррелятивного сокращения эквивалентных слов (до первого звука или буквы, входящих в эквивалентное словосочетание слов). Возможность конструирования

показывает, что универбализация не является обязательной моделью формирования ССО, а поэтому может быть определена как частный случай конструирования – с универбализационной основой.

При составлении Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка возникла проблема поиска частотных синтаксических эквивалентов сложносокращенных слов (ССС), в связи с чем появилась необходимость прогнозирования эквивалентов с дальнейшей их верификацией в эквивалентных текстах. Одной из таких форм прогнозирования является экстраполяционное прогнозирование по моделям гнезд эквивалентности слов, связанных с описываемыми аббревиатурами и их дешифровальными стимулами парадигматическими отношениями, что обусловило формирование типологии парадигматических объединений сложносокращенных слов, включающей аббревиатурное гнездо. Исследованием данной единицы парадигмы занимались А.Е. Герасимова, Е.С. Крестьянинова и др.; аббревиатурно-ономасиологическое поле изучали Д.А. Брацун, Я.А. Николышина и др.; аббревиатурную группу – Е.А. Акулич, Е.Н. Михайлова и мн. др.; аббревиатурную парадигму – Е.Н. Михайлова, В.А. Рязанова и др.

Гнездо эквивалентности (ГЭ) ССО, как и для ССА, представляет собой «совокупность формально взаимосвязанных единиц, находящихся с ССС в отношениях текстовой эквивалентности», под которой понимается «возможность взаимозамены сложносокращенного слова и формально связанных с ним и семантически (словарно или контекстуально) тождественных ему единиц в тексте, независимо от типа и направления деривационных отношений между ними» [Теркулов 2015: 100]. Так, в центре ГЭ ССА расположена аббревиатура, дешифруя которую мы определяем по разработанным методикам систему ее эквивалентов. Например, в ГЭ «*велодорога*» отмечаются следующие эквиваленты: велосипедная дорога, дорога для велосипедистов, дорога велосипеда, дорога для велосипедов, дорога велосипедов, дорога для велосипеда. В ГЭ СОО же зачастую отмечается два эквивалента: официальный и неофициальный. Официальный эквивалент ССО – это эквивалент, который обычно фиксируется лишь в документах и мало используется в общении. Например, *Рособрнадзор* – ***Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки***. Неофициальный эквивалент – это эквивалент, который используется в повседневном общении и не фиксируется в официальных изданиях. Такой эквивалент дешифруется реципиентами по модели ССА. Например: ***Российский образовательный надзор*** *обнаружил фальшивые 100-балльные ЕГЭ* (1028.fm/rossijskij_obrazovatelnyj_nadzor_obnaruzhil_falshivye_100ballnye_ege/).

Для ССА выделяется **аббревиатурное гнездо**, которое определяется как «объединение ССА, которые имеют тождественный базисный компонент» [Герасимова 2021: 16–21]. Так, аббревиатурное гнездо «центр» формирует слова с базисным компнентом *-центр*: *вело**центр***, *кардио**центр***, *кино**центр***, *тех**центр***, *юр**центр*** и т. д. Для ССО также отмечается возможность такого объединения. Например, базисный компонент «уголь» отмечается у целого ряда ССО, которые и формируют абброгнездо: *Донецк**уголь*** (*Донецкий угольный комбинат*), *Инта**уголь*** (*Интинская угольная компания*), *Артем**уголь*** (*Артемовский угольный комбинат*) и под. При этом абброконструкты, которые присоединяются к базисному компоненту ССО, чаще всего имеют локативную семантику. Например, к базисному компоненту *-энергосетьпроект* присоединяются такие абброконтрукты, как *Сиб-*, *Юж-*, *Севзап-* и мн. др. (***Сиб****энергосетьпроект*, ***Юж****энергосетьпроект* и т. д.). Отметим, что у слов одного абброгнезда зачастую отмечаются структурно одинаковые эквиваленты (как

в приведенном примере), но иногда встречаются и структурно разные эквиваленты, в которых отмечается не только локативная, но и статусная характеристика. Например, абброгнездо с базисным компонентом «*-банк*» включает в себя такие эквиваленты, как ***Европром****банк,* ***Тюменьагропром****банк,* ***Инстрой****банк,* ***Башинвест****банк* и др. Как видим, препозитивные абброконструкты в данном случае указывают как на место, так и на сам объект, его статусную, дестинативную характеристику.

Аббревиатурная группа ССО (как и для ССА) – совокупность ССО с одинаковым препозитивным абброконструктом. Например, отмечается 93 ССО с одинаковым препозитивным абброконструктом *мин-*: ***Мин****атомэнергопром*, ***Мин****госимущество*, ***Мин****жилкоммунхоз*, ***Мин****здравсоцразвития* и т. д. При этом данный абброконструкт в ССО всегда имеет одинаковую дешифровку. Например, препозитивный абброконструкт *мин-* всегда дешифруется только как «министерство», *гор-* всегда дешифруется только как «городской». ССА, в свою очередь, имеют значительно больше дешифровальных стимулов. Например, АК «вело» имеет как презентативный дешифровальный стимул «*велосипедный*», так и интерпретативный – «*велосипед*», «*на велосипеде*» и т. д.

Аббревиатурное поле ССО (как и для ССА) – совокупность ССО, которая «раскрывает особенности номинативной деятельности индивидуума при назывании объектов одного понятийного класса» [Лялюк 2020: 14]. В процессе исследования языкового материала было выявлено два аббревиатурных поля ССО:

1. ССО с семой «**учреждение**» (некоммерческая организация, созданная для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера): *Гослесагентство – Государственное агентство лесных ресурсов Украины*; *Минпромторг – Министерство промышленности и торговли Российской Федерации*; *Ростоблкомприрода – комитет по охране окружающей среды и природных ресурсов администрации Ростовской области* и т. д.
2. ССО с семой «**организация**» (субъект хозяйствования, обладающий правами юридического лица, производящий продукцию или оказывающий услугу потребителю с целью получения прибыли): *Райпищеторг – районная организация по торговле пищевыми продуктами*; *Горгаз – городская газораспределительная компания*; *Роспромэко – Российский промышленно-экологический форум* и т. д.

Таким образом, в ССА выделяют огромное количество небольших аббревиатурных полей, поскольку каждое из них состоит из нескольких синонимичных компонентов (например, вокруг аббревиатурного поля «*дорога*» расположено 14 базисов: *аллея*, *бульвар*, *дорожка*, *зимник*, *коридор*, *линия*, *магистраль*, *маршрут*, *полоса*, *путь*, *тракт*, *трасса*, *шоссе*). У ССО наблюдается противоположная тенденция: аббревиатурных полей мало, но и, соответственно, они гораздо шире.

Аббревиатурная парадигма – совокупность аббревиатурных групп с абброконструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле. В.И. Теркулов утверждает, что основой для экстраполяционного прогнозирования является предположение о том, что, если во входящей в аббревиатурную парадигму группе А есть некий дешифровальный стимул Х, можно предположить, что построенный по такой же модели стимул может быть обнаружен и в других входящих в данную парадигму группах. В ССО тоже имеется такая тенденция. Например, в аббревиатурную группу «*гос-*» входит ССО *Госстрой,* построенный по модели собственно конструирования [слог + … + слог] и имеющий в качестве

эквивалента словосочетание *Федеральное агентство по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству*. Можно предположить существование подобного ССО, построенного по той же модели (более подробно о моделях см. [Штельман 2022: 58–63]), в аббревиатурной группе *мин-*. Верификация показала, что ССО *Минстрой* действительно используется в указанной группе, но с несколько отличающимся эквивалентным словосочетанием: *Министерство архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации*.

Таким образом, наше исследование парадигматических отношений ССО, базирующееся на понятийном аппарате ССА, показало, что у ССО такие разновидности парадигматических объединений, как гнездо эквивалентности, аббревиатурное гнездо, аббревиатурная группа, аббревиатурное поле и аббревиатурная парадигма, хоть и имеют одинаковую семантическую наполненность, но выполняют совершенно разные функции, что и подтверждает существование различий между ССО и ССА. Это позволяет нам говорить о существовании отдельной микросистемы ССО.

ЛИТЕРАТУРА

Акулич Е.А., Теркулов В.И. Релятивные дешифровальные стимулы в аббревиатурной группе «вело» // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Т. 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика. Донецк, 2017. С. 5–6.

Брацун Д.А. Структурный и ономасиологический аспекты изучения аббревиатурных слов на примере аббревиатурно-ономасиологического поля «дорога» // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2020. Т. 2. № 12–2. С. 11–19.

Герасимова А.Е. Аббревиатурное гнездо «центр» в формальном и ономасиологическом рассмотрении // Новые горизонты русистики. 2021. № 14. С. 16–21.

Крестьянинова Е.С. Текстовая эквивалентность аббревиатур, входящих в аббревиатурное гнездо «завод»: ономасиологический класс «завод, связанный с животными» // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум: сб. науч. статей: В 2 т. Т. 2. Симферополь: АРИАЛ, 2018. С. 237–242.

Лялюк А.А. Аббревиационно-ономасиологическое поле «строения»: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Донецк, 2020. 30 с.

Михайлова Е.Н. Модель прогнозирования релятивных дешифровальных стимулов // Новые горизонты русистики. 2018. № 6. С. 74–80.

Михайлова Е.Н. Ономасиологические модели соответствия в аббревиатурной группе «бензо» // Новые горизонты русистики. 2017. № 2. С. 42–45.

Николышина Я.А. Аббревиатурно-ономасиологическое поле «средство» // Новые горизонты русистики. 2021. № 14. С. 38–43.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Рязанова В.А. Методика прогнозирования отношений эквивалентности в гибридных группах // Новые горизонты русистики. 2018. № 6. С. 44–49.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 336 с.

Теркулов В.И., Сыроватская А.А. Гнезда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с аббреконструктом БИО // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежеквартальный научный журнал. 2015. № 3(19). С. 99–105.

Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращенных слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). Донецк: ДонНТУ, 2018. С. 69–79.

Теркулов В.И. Универбализация: постановка проблемы // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2010. № 3. С. 135–142.

Штельман Т.А. Сложносокращенные онимы как формально-ономасиологический тип аббревиатур // Новые горизонты русистики. 2022. № 18. С. 58–63.

REFERENCES

Akulich E.A., Terkulov V.I. Relative Decoding Stimuli in the Abbreviation Group “velo”. In: Donetsk Readings 2017: Russian World as a Civilizational Basis for the Scientific, Educational and Cultural Development of Donbass. Proceedings of the International Scientific Conference of Students and Young Scientists. Vol. 4: Philological Sciences. Part 2: Linguistics, Literary Studies, Cultural Studies, Journalism. Donetsk. 2017, pp. 5–6.

Bratsun D.A. Structural and Onomasiological Aspects of the Study of Abbreviated Words on the Example of the Abbreviated-Onomasiological Field “road”. *Bulletin of the Student Scientific Society of the Donetsk National University*. 2020. Vol. 2. No 12–2, pp. 11–19.

Gerasimova A.E. The Abbreviation Nest “центр” in Formal and Onomasiological Consideration. *Novye Gorizonty Rusistiki*. 2021. No 14, pp. 16–21.

Krestyaninova E.S. Textual Equivalence of Abbreviations Included in the Abbreviation Nest “factory”: Onomasiological Class “factory associated with animals”. In: Russian Language in the multicultural World: II International Symposium. (2). Simferopol. ARIAL Publ. 2018. pp. 237–242.

Lyalyuk A.A. (2020) Abbreviation-Onomasiological Field of “structure”: Abstract. Donetsk. 30 p.

Mikhailova E.N. Model Forecasting Relative Decryptal Stimulus. *Novye Gorizonty Rusistiki.* 2018. No 6, pp. 74–80.

Mikhailova E.N. Onomasiological Models of Accordance in Abbreviated Group “бензо-”. *Novye Gorizonty Rusistiki.* 2017. No 2, pp. 42–45.

Nikolyshina Ya.A. Abbreviation-Onomasiological Field “means”. *Novye Gorizonty Rusistiki.* 2021. No 14, pp. 38–43.

Podolskaya N.V. (1988). Dictionary of Russian Onomastic Terminology. 2nd ed. Moscow. Nauka Publ. 192 p.

Ryazanova V.A. Methods for Predicting Equivalence Relations in Hybrid Groups. *Novye Gorizonty Rusistiki.* 2018. No 6, pp. 44–49.

Superanskaya A.B. (1973). General Theory of Proper Name. Moscow. Nauka Publ. 336 p.

Terkulov V.I., Syrovatskaya A.A. Nests of the Equivalence of Compound Words in the Abbreviation Group with the Abbroconstruct BIO. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics.* 2015. No 3(19), pp. 99–105.

Terkulov V.I. Method for Forecasting of Equivalency Relations for Compound Shortenings. In: Linguistic Research and Their Using in the Practice of Teaching Russian and Foreign Languages: Reports of the I International Scientific and Methodological Conference (May 21, 2018). Donetsk. DonNTU Publ, 2018, pp. 69–79.

Terkulov V.I. Universalization: Statement of the Problem. *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philology, History, Oriental Studies*. 2010. No 3, pp. 135–142.

Shtelman T.A. The Compound-Abbreviated Name as a Formal Onomasiological Type of Abbreviations. *Novye Gorizonty Rusistiki*. 2022. No 18, pp. 58–63.

Сведения об авторе:

Татьяна Андреевна Кириченко,
студентка
филологический факультет
Донецкий национальный университет

Tatyana A. Kirichenko,
Student
Philological Faculty
Donetsk National University
t_a_kirichenko@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-127-132

П.Л. Коган (Москва, Россия)

Особенности употребления форм сослагательного наклонения в староиспанском языке на материале сборника притч «Калила и Димна»

Аннотация: в статье рассматриваются характерные черты староиспанского языка XIII в. (на материале сборника притч «Калила и Димна»), связанные с употреблением форм сослагательного наклонения: будущего (Futuro del Subjuntivo) и прошедшего (Imperfecto del Subjuntivo) времен конъюнктива. Наряду с другими особенностями морфологического устройства кастильского романсе, употребление форм конъюнктива демонстрирует низкий уровень нормированности языка, переживающего в XIII в. процесс кодификации.

Ключевые слова: староиспанский язык, глагольная морфология, конъюнктив, Калила и Димна

P.L. Kogan (Moscow, Russia)

Features of Subjunctive Mood Forms Usage in Old Spanish Based on the Collection of Parables "Kalila and Dimna"

Abstract: The article examines the characteristic features of the 13th century Spanish language (based on the collection of proverbs "Kalila and Dimna"), particularly the use of subjunctive mode: the future (Futuro del Subjuntivo) and the past (Imperfecto del Subjuntivo) of the conjunctive. Along with some other features of the Castilian romance morphological structure, the use of conjunctive forms demonstrates a low level of the language normalization, undergone a codification process in the 13th century.

Key words: Old Spanish language, verb morphology, conjunctive mood, Kalila wa-Dimna

Староиспанским языком в отечественной испанистике традиционно называется предок современного испанского языка – кастильский романсе. Таким образом, этим термином в настоящей статье будет обозначаться форма речи, возникшая из народной латыни на Пиренейском полуострове в XI–XIII вв. Важнейшей фигурой для процессов кодификации и нормализации староиспанского языка на ранних этапах его становления считается король Кастилии Альфонсо X Мудрый (1252–1284), при дворе которого действовала Толедская школа переводчиков. Де-

ятельность школы заключалась в переложении на кастильский романсе трудов с латыни, арабского, греческого и других языков.

Одним из первых памятников, переложенных на староиспанский язык переводчиками в Толедо, стал сборник древнеиндийских апологов «Калила и Димна» (исп. *Calila y Dimna*)[1]. Текст «Калилы и Димны» богат лингвистическими характеристиками, позволяющими отнести его к староиспанскому языку XIII в. Эти диагностические особенности прослеживаются во всех аспектах языка: в графике и фонетике, морфологии, синтаксисе. Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей системы глагольной морфологии, характерных для староиспанского языка XIII в., точнее, особенностей, связанных с формированием парадигм староиспанского конъюнктива и их узусом[2].

Говоря об особенностях морфологического строя, связанных с сослагательным наклонением, мы в первую очередь подразумеваем вышедшую из употребления в современном испанском языке форму будущего времени конъюнктива (староисп. *cantare*), а также формы, восходящие к латинскому плюсквамперфекту индикатива (староисп. *cantara* < лат. *cantāverat*) и конъюнктива (староисп. *cantase* < лат. *cantāvisset*), которые в процессе развития языка приобрели значение имперфекта конъюнктива.

Будущее время конъюнктива (Futuro de Subjuntivo). Характерным для исследуемого нами текста является употребление форм будущего времени конъюнктива (староисп. *cantare*). Такие формы не существовали в латыни, а в современном испанском языке «вышли из живого употребления и сохраняются лишь в некоторых типах придаточных предложений в деловой прозе и в нескольких готовых речениях»[3]: *sea lo que fuere, fuere lo que fuere* и т. д.

Происхождению и истории развития формы *cantare* посвящена в том числе статья американского исследователя Ливитта Райта[4], согласно которому эта форма обязана своим происхождением смешению формально близких латинских парадигм перфекта конъюнктива (лат. *amāverim*) и совершенного будущего времени индикатива (лат. *amāverō*)[5]. Формы типа *cantare* использовались в староиспан-

---

[1] «Калила и Димна» – сборник апологов, т. е. поучительных рассказов о животных, в аллегорической форме повествующих о тех или иных ситуациях из жизни людей. История сборника насчитывает несколько веков: прототипом «Калилы и Димны» является древнеиндийская «Панчатантра» (санскр. *Pañcatantra*, букв. ‘пять принципов’ или ‘пять текстов’) – сложившийся к III в. н. э. памятник дидактической прозы. Простота сюжетов и занимательность формы обеспечили «Панчатантре» чрезвычайно широкое распространение: около 570 г. в Иране был выполнен ее среднеперсидский перевод, а в середине VIII в. арабский писатель иранского происхождения ибн аль-Мукаффа перевел книгу на арабский. В переводе ибн аль-Мукаффы сборник получил свое нынешнее название (араб. *Kalila wa-Dimna*) и широко распространился по Европе и Ближнему Востоку в многочисленных переводах.

[2] Существует целый ряд особенностей морфологического строя староиспанского языка, связанных с глаголом и структурой предиката, на которые исследователи истории языка традиционно обращают внимание. В тексте «Калила и Димна» речь идет о таких особенностях, как конкуренция между сильной и слабой моделью простого перфекта, образование в языке новых парадигм будущего времени (Futuro Simple) и условного наклонения (Condicional), особенности употребления форм сослагательного наклонения, а также о формировании новой парадигмы составного перфекта. Объем и специфика статьи не позволяют нам остановиться на всех вышеперечисленных характеристиках, поэтому подробно будут разобраны только особенности, связанные с условным наклонением.

[3] *Алисова Т.Б., Челышева И.И., Нарумов Б.П.* и др. Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001.

[4] *Wright L.O.* The Disappearing Spanish Verb Form in -re // Hispania. 1931. T. 14 (2). C. 107–114..

[5] Как отмечает Райт, объединяющий для этих двух парадигм фактор – формирование от основы перфекта, при образовании формы *cantare* был утрачен (она образуется от основы презенса).

ском для обозначения большей части случаев гипотетических действий в будущем – ниша, которую сегодня занимают формы настоящего времени конъюнктива – совр. исп. *cante*[1]:

Et por esto qual quier omne que este libro ***leyere*** *e lo* ***entendiere****, llegará ala fin de su entención, e se puede dél aprovechar bien…* (6)
'И поэтому любой человек, который прочитает и поймет эту книгу, добьется желанной цели и может найти ей хорошее применение…'

Et el privado del rrey debe consejarle lo más lealmente que ***pudiere****, lo que le estará bien, lo que fará pro…* (108)
'И приближенный царя должен давать ему самые верные советы, какие только сможет, советовать то, что хорошо подойдет ему и принесет ему пользу…'

Calla e sey pagado conlo que Dios te ***diere****…* (320)
'Молчи и довольствуйся тем, что Бог даст тебе…'

Обратим внимание на использование формы *cantare* в староиспанском языке, область ее функционирования. Историк испанского языка Рафаэль Кано Агилар в своей книге *Español a través de los tiempos* отмечает склонность к использованию форм будущего времени конъюнктива в конкретных типах придаточных предложений:

– относительные обобщающие *(relativo de generalización*): *elos qui naiseren* (Glosas Silenses);

– временные (*temporales*): *mientra que visquieredes bien se fara lo to* (там же);

– условные с оттенком вероятности (*condicionales de probabilidad*): *si tu quisieres los thesoros leuar, nos non telos daremos* (Berceo, Vida de Santo Domingo)[2].

Наблюдения Кано Агилара находят многочисленные подтверждения в тексте «Калилы и Димны». Так, будущее время конъюнктива регулярно используется в относительных предложениях с неизвестным антецедентом:

Et aquel a quien lo ***fiziere*** *dével' fazer graçias e conosçerlo* (75)
'И тот, с кем он сделает это, должен отблагодарить его'.

Et vi que enla rreligión pensar es bien; por que el enella ***pensare*** *omíllase e tiénese por pagado conlo que ha* (41)
'И я увидел, что это хорошо – думать о религии. Потому что тот, кто подумает о ней, смиряется и довольствуется тем, что имеет'.

Dixo el león: "¿Pues qué quieres?" Dixo el camello: "Lo que tú ***mandares****."* (125)
'И сказал лев: «Так чего же ты хочешь?» Ответил верблюд: «Что прикажешь – то и сделаю»'.

Нередки в рассматриваемом нами тексте и темпоральные контексты использования *Futuro de Subjuntivo*:

…Que quando el moço ***oviere*** *hedat e su entendimiento complido, e* ***pensare*** *enlo que dello* ***oviere*** *decorado en los días que enello estudió e asmare lo que ende ha notado en su corazón, sabrá ende que avrá alcançado cosa que es más provechosa que los tesoros de aver…* (2)

---

[1] Исследование, проведенное Райтом, включает анализ узуса испанских форм на *-re* с XI по XX в., согласно которому лишь 1% случаев использования формы приходится на период с начала XIX в.: «It was very commonly used in the Golden Age, but since then it has dropped rapidly from popularity» – в современном испанском языке форма вытеснена настоящим временем конъюнктива и индикатива в придаточных условных предложениях.

[2] *Cano Aguilar R.* El español a través de los tiempos. Madrid: Arco/Libros, 1988. P. 164.

‘…Потому что когда юноша достигнет [зрелого] возраста и полного разума, и станет думать о том, что запомнил в те дни, когда работал над ней [философией], и поймет, что отложилось в сердце его, он поймет, что достигнет в этом того, что ценнее, чем любые сокровища…’

Частотным, наконец, является употребление данной формы в придаточной части условного периода:

*Si la **vendiere** apeso, alongarsemeha* [el otro siglo] (29)
‘Если я продам его в розницу, [горний мир] отдалится от меня’.

*Si el león non te **llegare** así, nin pudieres fablar quando quisieres conél, ¿qué será de tí*? (66)
‘Если лев не подпустит тебя к себе, и ты не сможешь говорить с ним когда пожелаешь, что станет с тобой?’

*…enpero iré aél de cabo, si lo **pudiere** engañar para lo traer acá* (316)
‘Но я пойду за ним до конца, если смогу обмануть его, чтобы привести сюда’

Примечательно, что формы *cantare* употреблялись в староиспанском в гораздо более узком круге синтаксических контекстов по сравнению с занявшими их нишу формами *Presente de Subjuntivo* в современном языке. Так, обратим внимание на предложение, в котором будущее время конъюнктива употребляется в придаточном предложении времени (quando los sintieres ‘когда ты услышишь их’), в то время как для оформления придаточного образа действия используется уже настоящее время конъюнктива (de guisa que lo oyan ‘так, чтобы они услышали’):

*…Et tu despiértame a grandes bozes, de guisa que lo **oyan** los que están sobre la casa, et dime quando los **sintieres** cerca de aquí…* (32)
‘А ты разбуди меня громким голосом, так, чтобы это услышали те, кто сидит над домом, и скажи мне, когда ты заслышишь их вблизи отсюда…’.

В ряде случаев объяснить распределение между конъюнктивом настоящего и будущего времени представляется затруднительным. Так, едва ли мотивировано использование форм *pudieres* (*Futuro de Subjuntivo*) и *muere* (*Presente de Subjuntivo*) в, казалось бы, идентичных контекстах реальных условных предложений в следующем предложении:

*Pero si **pudieres** guisar commo mates al ximio faz lo, ca si el ximio **muere**, luego se verná tu marido para ti e fincará contigo* (307)
‘Но если ты можешь сделать так, чтобы убить обезьяну, сделай это, потому что если обезьяна умрет, твой муж придет к тебе и останется с тобой’.

Формы имперфекта конъюнктива на -se/-ra. Важные изменения в парадигме прошедших времен конъюнктива произошли уже в народной латыни. Латинский имперфект конъюнктива уступил место формам плюсквамперфекта: сначала конъюнктива (лат. *cantavissem* > совр. исп. *cantase*), а потом и индикатива (лат. *cantaveram* > совр. исп. *cantara*)[1], что привело к грамматической омонимии этих форм в современном языке. В диахроническом плане дело обстоит таким образом, что форма *cantara* преимущественно сохраняет индикативное значение до XIV в., а в последующие три столетия этот узус еще фиксируется как устаревший – значение *Plusquamperfecto de Indicativo* закрепляется за синтетической формой *había cantado*, которая используется в этой функции вплоть до сегодняшнего дня.

[1] Согласно Кано Агилару, такой переход к плюсквамперфекту обуславливается тем, что формы, ближайшие к прошлому, обладают большей способностью к обозначению нереального действия.

Для «Калилы и Димны» грамматическая омонимия форм на *-se* и *-ra* чаще всего не актуальна: для обозначения гипотетического действия в прошлом автор текста в основном использует формы на *-se*, например:

E mandóle que lo pensase bien e si guaresçiese que gelo ***llevase*** (58)
'И он послал его, чтобы тот хорошо подумал и, если тот выздоровеет, чтобы забрал его с собой'.

В то же время форма на *-ra* в большинстве случаев используется в своем первоначальном значении плюсквамперфекта:

...vió un tal tesoro qual omne non ***viera****, et dixo en su coraçon…* (41)
'Он увидел такое сокровище, которого никогда не видел человек, и сказал в сердце своем…'

Pues que entendió Dimna que el león ***se pagara*** *del, e le* ***plugiera*** *lo qu'él dezía, dixo: ...* (71)
'И когда понял Димна, что лев остался им доволен, и что ему понравилось то, что он говорил, сказал: …'

Et pues que lo ovo muerto, rrepintióse e pensó de su fazienda e lo que ***fiziera*** (153)
'А когда умертвил его, пожалел об этом, и подумал о своем деянии и о том, что сделал'.

Гораздо менее характерны примеры использования форм *cantara* в конъюнктивном значении. Тем не менее такие случаи встречаются, что свидетельствует о постепенном расширении узуса форм этого типа. Так, например, встречаются случаи их употребления в придаточных относительных предложениях:

Ca si telo yo dixere, non so seguro que lo non oya alguno, e podría acaesçer cosa por ello que ***pesara*** *amí et atí* (33)
'Ведь если я скажу тебе это, я не уверен, что этого никто не услышит, а из-за этого могло бы произойти нечто, что принесло бы вред мне и тебе'

и в придаточных цели:

···e diera telo por que ***melezinaras*** *tu muger conél* (314)
'Я дал тебе его, чтобы ты с его помощью исцелил свою жену'.

В подобных контекстах более характерно употребление форм на *-se* (см. выше). Встречаются в тексте «Калилы и Димны» примеры нетипичного использования форм на *-ra* в различных типах условных предложений. Так, частотно употребление этих форм в аподозисе условных предложений 3-го типа (роль, в современном языке отведенная формам простого и сложного кондиционала – *cantaría/ habría cantado*):

Dixo el lobo çerval: "Señor, non te maravilles, mas piensa que si lo oviera, non ***tornara*** *atí la segunda vez, aviendo le fecho le que le feziste"* (318)
'Шакал сказал: «Не удивляйся, господин, но подумай о том, что если бы он был у него, он бы не вернулся бы к тебе вновь, учитывая то, как ты поступил с ним'.

Et si yo esto oviera sabido, traxiera comigo mi corazón (314)
'А если бы я знал это, я бы взял свое сердце с собой'.

Наконец, отметим случаи, где формы на *-ra* употребляются при вежливом обращении:

*Et dixo él: "****Non devieras*** *tú dezir çerca del pozo"* (38)
'И сказал он: «Не должно бы тебе подходить к колодцу»'.

В заключение хочется сказать, что основной отличительной чертой староиспанского языка XIII в. следует признать относительно невысокий уровень консолидации нормы. Тексту «Калилы и Димны» свойственна вариативность форм, в нем встречается большое количество спорадических колебаний, и рассмотренные в настоящей статье случаи, связанные с употреблением форм сослагательного наклонения, в этом отношении репрезентативны. Демонстрируют они и общую тенденцию к аналитизму, свойственную не только кастильскому романсе, но и большинству западноевропейских языков в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Алисова Т.Б., Челышева И.И., Нарумов Б.П. и др. Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. 720 с.

Карпова Ю.А. История испанского языка от истоков до первых памятников. М.: Наука, 2020. 176 с.

Cano Aguilar R. El español a través de los tiempos. Madrid: Arco/Libros, 1988. 326 c.

Penny R. Gramática histórica del español. Barcelona: Editorial Ariel, 1998. 384 c.

Wright L.O. The Disappearing Spanish Verb Form in -re // Hispania. 1931. T. 14(2). C. 107–114.

REFERENCES

Alisova T., Chelysheva I., Narumov B. et al. (2001) Languages of the World: Roman Languages. Moscow. Academia Publ. 720 p.

Karpova Y. (2020) History of the Spanish Language: From the Origins to the First Testimonies. Moscow. Nauka Publ. 176 p.

Cano Aguilar R. (1988) El español a través de los tiempos. Madrid. Arco/Libros. 326 p.

Penny R. (1998) Gramática histórica del español. Barcelona. Editorial Ariel. 384 p.

Wright L.O. The Disappearing Spanish Verb Form in -re. *Hispania*. 1931. Vol. 14(2), pp. 107–114.

Сведения об авторе:

Петр Леонидович Коган,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Petr L. Kogan,
Master's Student
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
pkogaan@gmail.com

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-133-139

А.С. Пунда (Москва, Россия)

Мотивы и образы средневековых рыцарских романов в «Квентине Дорварде» У. Скотта

Аннотация: Роман У. Скотта «Квентин Дорвард» особенно интересен с точки зрения жанровой проблематики, так как выявляет очевидную полемику между двумя литературными традициями. Мотивный и образный ряд, рассматриваемый в данной статье, позволяет понять, что Скотт наследует традиции средневекового рыцарского романа не только в произведениях о Средневековье, посвященных шотландской истории, но и в произведениях, действие которых происходит в позднейшие времена, приближается к скоттовской современности. Так, писатель использует центральные для средневековых рыцарских романов мотив испытания на тождественность самому себе и мотив инициации, «выхода в мир», мотив нежеланного брака и опрометчивого обещания, образ «девицы в беде», многочисленные аллюзии на литературу о рыцарях, при этом обогащает их психологически и исторически правдоподобным для скоттовского современника содержанием, и, таким образом выстраивая дистанцию между жанрами и эпохами, позволяет читателю ощутить расстояние между прошлым и настоящим.

Ключевые слова: У. Скотт, рыцарский роман, роман Нового времени, «Квентин Дорвард», мотивы рыцарского романа, жанровая полемика

A.S. Punda (Moscow, Russia)

The Motives and Images of the Medieval Romance in W. Scott's "Quentin Durward"

Abstract: W. Scott's novel "Quentin Durward" is particularly interesting in view of genre issues, as it demonstrates the vivid polemic between two literary traditions. The motives and images considered in the article make it clear that Scott inherits the tradition of the medieval romance not only in his works devoted to Scottish medieval history, but also in the ones that deal with the later epochs, approaching Scott's own time. The writer uses the central motives of the medieval romance: the identity test and the motive of initiation, the motive of an unwanted marriage and a rash promise, the image of a "damsel in distress", makes numerous allusions to the literature about knights, enriching them with the content psychologically and historically plausible for Scott's contemporaries. Thus Scott builds a distance between genres and epochs and makes the reader feel the gap between the past and the present.

Key words: W. Scott, romance, novel, Quentin Durward, motives of romance, genre polemic

«Квентин Дорвард» (Quentin Durward, 1823) – один из самых увлекательных романов У. Скотта, в котором писатель изображает конфликт между рыцарским укладом и зарождающимся обществом Нового времени. Для этого он использует мотивы и образы средневековых рыцарского романов, трансформируя их и наполняя новым содержанием, часто комическим – в зависимости от художественной задачи.

Центральный в средневековых рыцарских романах мотив испытания на тождественность самому себе – испытание на верность рыцарскому кодексу и на верность любви – получает в одноименном романе Скотта интересную интерпретацию. Личность Квентина известна с самого начала романа, поэтому ему, подобно другим рыцарям, изображенным писателем, например рыцарю Кеннету из «Талисмана» (The Talisman, 1825), не нужно скрывать свое положение. Перед читателем предстает молодой человек, мечтатель, своеобразный шотландский Дон Кихот, мировоззрение которого сформировано прочитанными в детстве и юности рыцарскими романами. Он остается сиротой и решает найти свое призвание. Так, Квентин в начале романа не обременен вассальным долгом, что является нетипичным для средневекового жанра. Перед юношей стоит выбор, к кому поступить на службу, но в итоге стечение обстоятельств вынуждает его согласиться стать стрелком французского короля Людовика XI. Выполняя поручение короля, Квентин, верный рыцарскому кодексу чести, защищает графиню от разбойников и самовольно меняет маршрут. Благополучно доставив леди Изабеллу и ее родственницу в Шонвальдский замок, герой формально выполняет приказ сюзерена и не нарушает вассальный долг, однако, сам того не зная, разрушает планы Людовика XI, не посвятившего юношу в свой замысел и устроившего ему и его спутницам западню ради осуществления своих честолюбивых намерений.

В романе также присутствует мотив инициации, который связан не с выбором национальной идентичности героя, как в романах Скотта о Средневековье, но с переходом от чувствительности к рациональности как основной мотивации действий персонажа[1].

Главный герой в начале произведения расстается с юностью и только начинает жизненный путь, не имея опыта, но при этом обладая смелостью, прямотой, жизнерадостностью и ясным взглядом. После разговора с Людовиком Лесли, рассказавшим о службе королевского стрелка и указавшим на ее расхождение с рыцарской доблестью, Квентин не теряет полностью идеализированного взгляда на мир, однако понимает, что последний устроен не так, как он себе представлял: «Читатель, вероятно, думает, что, как только Дорвард остался один, он поспешил в свою башенку, в надежде еще раз насладиться звуками волшебной музыки, навеявшей на него поутру такие сладкие грезы. Но то была глава из поэмы, тогда как свидание с дядей открыло ему страницу действительной жизни, а жизнь подчас куда как не сладка! Размышления, вызванные разговором с дядей, так захватили юношу, что вытеснили из его головы все другие мысли, не говоря уж о нежных мечтах»[2]. Примечательно, что Скотт в оригинальном тексте использует два ключевых слова для определения жанровой принадлежности произведений – «роман»

[1] *Cusac M.* Narrative Sructure in the Novels of Sir Walter Scott. The Hague: Mouton and Co, 1969. P. 81.
[2] *Скотт В.* Квентин Дорвард (пер. с англ. М. Шишмаревой) // Скотт В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Правда, 1990.

(romance) и «история» (history). Писатель дает понять, что мировоззрение героя, основанное на вымысле, который преобладает в средневековых рыцарских романах, где путешествующие рыцари демонстрируют небывалые примеры мужества и чести, не выдерживает испытания реальностью. В жизнь Квентина вторгается история с ее подчас грубым прагматизмом и практицизмом, а сам герой становится промежуточным звеном между рыцарями без страха и упрека Средневековья и представителями эпохи Нового времени.

Контраст культур, показанный в произведениях Скотта о Средневековье: в цикле романов «Рассказах крестоносцев» (Tales of the Crusaders, 1825) на примере Шотландии и Англии в «Талисмане», нормандцев и валлийцев – в «Обрученной» (The Betrothed, 1825), – присутствует и в «Квентине Дорварде». Юноша покидает родную землю и отправляется в путешествие. Однако перед ним не ставится выбор между своим и чужим, писатель сталкивает героя с двумя одинаково незнакомыми ему культурами, представленными в романе образами двух диаметрально противоположных персонажей – королем Франции Людовиком XI и герцогом Бургундским. Само название главы – «Конраст» (The Contrast), где характеризуются два правителя, подсказывает ее содержание.

Еще одним важным сюжетообразующим мотивом становится мотив узнавания-неузнавания. На страницах «Квентина Дорварда» Людовик XI впервые появляется в образе купца дядюшки Пьера, а герцогиня Изабелла де Круа играет роль служанки. Подобный маскарад сбивает рыцаря с толку, однако встреча с королем и девушкой в стенах гостиницы оказывает огромное влияние на судьбу юноши. Квентин, узнав, кто скрывается под маской дядюшки Пьера, приходит в сильное волнение, потому что открытие, сделанной в действительности, оказывается более удивительным, чем он мог представить. Кроме того, и Гийом де ла Марк меняет одежды во время осады Льежа: Арденнский Вепрь украшает щит и шлем гербом рыцаря Дюнуа, что дает преимущество Квентину Дорварду, заранее знавшему об этой уловке, – возможность заполучить руку Изабеллы де Круа. Хайраддин Мограбин тоже надевает маску: он облачается в платье герольда, но, не сумев выполнить испытание – расшифровать изображение на гербе, приговаривается к смертной казни. Переодевание цыгана оказывает непосредственное воздействие на судьбу главного героя. Перед смертью Хайраддин открывает Квентину Дорварду правду о неожиданной вылазке де ла Марка, и рыцарь встает перед выбором, кому рассказать об этом – Людовику XI или герцогу Бургундскому. Таким образом, все персонажи, принимая другой облик, так или иначе влияют на судьбу главного героя и способствуют развитию любовной интриги романа.

В «Квентине Дорварде» фигурирует и мотив нежеланного брака, используемый Скоттом также при создании «Айвенго» (Ivanhoe, 1819) и «Рассказов крестоносцев». Примечательно, что в данном романе этот мотив в наибольшей степени способствует развитию основной линии повествования. Нежелание выйти замуж за графа Кампо-Бассо вопреки планам герцога Бургундского заставляет Изабеллу де Круа бежать и искать защиты у французского короля. Поступок девушки обостряет конфликт между двумя правителями и поднимает политическую тему в романе. Когда герцог Бургундский меняет свое решение и предлагает графине другого претендента – герцога Орлеанского, Изабелла также сообщает о своем отказе, поскольку, обладая титулом, считает, что вправе сама выбрать себе супруга, к тому же девушка уже испытывает симпатию к Квентину. В данной ситуации Скотт играет с мотивом нежеланного брака, используя его в различных вариаци-

ях. Людовик XI так же не поддерживает союз герцога Орлеанского и леди Изабеллы, так как это может помешать его планам относительно замужества своей дочери. Король в течение долгого времени планирует брак герцога Орлеанского и наследницы Жанны для укрепления династии на престоле, но они, в свою очередь, не желают этого союза.

Скотт вводит в повествование детали, отсылающие к средневековой литературе, чтобы создать противоположный эффект – показать дистанцию между историческим романом и романом рыцарским. Как правило, они приобретают комические черты. Несмотря на то что глава тайного сыска при Людовике XI в «Квентине Дорварде» – Тристан Отшельник – является историческим лицом, есть некая ирония в том, что королевский прево, не гнушающийся никакими средствами ради достижения цели, носит имя самого знаменитого влюбленного рыцарских романов. Кроме того, в произведении причудливым образом повторяется ситуация из романов о Тристане и Изольде. Чтобы получить руку леди Изабеллы, Квентин должен одолеть Арденнского Вепря, но он, как истинный рыцарь, останавливает поединок, чтобы помочь Гертруде Павийон –девушке, оказавшейся в беде и просившей о помощи. Таким образом, формально победителем оказывается его дядя, Людовик Лесли, который в свою очередь отдает победу племяннику, сражавшемуся дольше него и представляющему собой более достойного мужа для леди Изабеллы.

В средневековых рыцарских романах имеется множество примеров, когда рыцарь одолевает противника в честном поединке, а затем в качестве награды получает руку возлюбленной; например, рыцарь Парцифаль из романа Вольфрама фон Эшенбаха (Parzival, 1200–10) выступает на защиту королевы Зазаманки Белакан, побеждает врагов мавров и становится королем их земель. Скотт реализует данный мотив в «Обрученной», где войско под предводительством Хьюго де Лэси разбивает отряд валлийцев, а командир обручается с Эвелиной Беренжер. В течение повествования «Квентина Дорварда» писатель напоминает об этом мотиве читателю и подсказывает, каким будет финал. Леди Амелина, которая особенно ценит преклонение рыцаря перед женщиной, несколько раз рассказывает Изабелле историю о том, как ее прабабушка была завоевана на знаменитом Страсбургском турнире рейнграфом Готфридом. Граф Кревкёр, осмеивающий честолюбивые помыслы Квентина, в финале произведения признает, что на этот раз рыцарский кодекс взял верх над практическим подходом: «Клянусь мессой! У меня слишком много оснований подозревать, что на этот раз ваша светлость найдет ее гораздо более покорной воле своего сюзерена! Впрочем, разве мы вправе сердиться на этого юношу за его удачу? Мы не должны забывать, что его ум, верность и мужество завоевали ему богатство, знатность и красоту!» Автор награждает героя, но в то же время ставит под сомнение абсолютность и безусловность рыцарского поведения. Леди Изабелла, например, отмечает, что брак между рейнграфом Готфридом и ее бабушкой, по всем правилам завоеванной на турнире, оказывается несчастливым. Муж, отличающийся вспыльчивым нравом, часто бранил жену и поднимал на нее руку, т. е., как показывает автор, проявленное на турнире искусство не является залогом счастливого союза. Леди Амелина, увлеченная рыцарством, не осуждает поведения Готфрида и скорее соглашается терпеть насилие, чем быть «подругой труса»: «Ну так что же? Почему могучая рука, привыкшая наносить удары на поле брани, должна всегда быть сдержанной у себя дома? Я бы в тысячу раз охотнее согласилась, чтобы меня хоть по два раза в день колотил до-

блестный супруг, который был бы для всех такой же грозой, как и для меня, чем быть подругой труса, не смеющего поднять руку ни на жену, ни на кого-нибудь другого!»[1] В данном эпизоде леди Изабелла в своих суждениях руководствуется современной для современников писателя моралью, а ее тетушка, стремясь оправдать рыцарское звание, мыслит противоположным образом.

Противопоставление настоящего и прошлого реализуется в романе также при помощи ряда аллюзий на рассказы о рыцарях. Оказавшись на службе у Людовика XI, Квентин попадает в зал Роланда, где висят гобелены, изображавшие рыцарей времен Карла Великого, сыгравшего, как отмечает автор, огромную роль в «романтической» (romantic) истории Франции. Упоминание Роланда отсылает в первую очередь не к событиям французской истории, а к «Песни о Роланде», где последний предстает образцовым рыцарем. Однако, вводя подобную деталь, Скотт стремится показать, что эпоха рыцарства закончилась, поэтому «холодные, сумрачные портреты» в Роландовой галерее напоминают призраков: «Таким образом они добрались до широкой и длинной галереи, которая по своим размерам могла бы быть названа залом. Стены ее были сплошь увешаны коврами, замечательными скорее своей древностью, чем красотой; на них висело несколько холодных, сумрачных, похожих на призраки портретов того стиля, который предшествовал блестящей эпохе возрождения искусств»[2]. Гутри, один из стрелков королевской гвардии, сравнивает графиню, поразившую его своим пением и игрой на лютне, с Мелузиной, волшебницей из романов и средневековых сказок. Герцог Орлеанский, побежденный Квентином при попытке украсть леди Изабеллу, как принц крови, не может допустить, чтобы его оружие досталось противнику, и бросает меч в озеро. Данный эпизод вызывает прямые ассоциации с легендами артуровского цикла, заставляет вспомнить волшебный меч Экскалибур. В угрозах Хайраддина леди Амелине, отказывающейся следовать за ним, также слышатся отголоски рыцарских романов. Цыган обещает раздеть женщину донага, привязать ее к дереву и предоставить собственной участи, если она пойдет против его воли. Подобные ситуации, когда девушка преследуется злодеем, страдает и подвергается жестоким испытаниям, типичны для средневекового жанра. Дж. Митчелл приводит в пример среднеанглийский роман «Флоренция Римская» (Le Bone Florence of Rome), где главная героиня проходит через похожие испытания[3]. А боевой клич «Дени Монжуа», используемый французами, часто встречается в средневековых романах, например в «Маленьком Жане де Сентре» (Le Petit Jehan de Saintré, 1456).

Квентин в течение повествования не просто ориентируется на литературу о рыцарях, но и непосредственно читает ее. Упомянутый в повествовании роман «Оруженосец низкого звания» (The Squyr of Lowe Degre, ок. 1475), с которым герой знакомится сразу после прибытия в Шонвальдский замок, оказывает огромное влияние на Квентина: обедневший дворянин, потерявший свои земли, добивается расположения венгерской принцессы, которая соглашается стать его женой. Рыцарь из произведения Скотта видит полное соответствие между своей судьбой и судьбой оруженосца, поэтому не сомневается в правдивости полученной записки. Автор пишет, что роман представляет собой издание, отпечатанное в Страсбурге, однако, как отмечает Дж. Митчелл, это вымышленная деталь. Пер-

[1] *Скотт В.* Квентин Дорвард (пер. с англ. М. Шишмаревой). Гл. XVI.

[2] Там же.

[3] *Mitchell J.* Scott, Chaucer, and Medieval Romance: A Study in Sir Walter Scott's Indebtedness to the Literature of the Middle Ages. Kentucky: Kentucky UP, 1987. P. 164.

вые напечатанные Винкеном де Ворде (1520) и Уильямом Копландом (1560) издания среднеанглийского романа появились в Лондоне в XVI в., т. е. в то время, когда разворачивается действие в «Талисмане» (1480), их еще не существовало[1]. Подобный анахронизм не влияет на достоверность произведения, так как Скотт в предисловиях к историческим романах признается, что часто прибегает к вымыслу. Важнее оказывается параллель, проведенная между двумя историями. Как и обедневший оруженосец, Квентин доказывает, что он достоин руки Изабеллы де Круа, а их брак устраивается с помощью короля и герцога Бургундского. Последний в порыве гнева обещает отдать в жены леди Изабеллу тому, кто принесет ему голову Гийома де ла Марка. Так проявляется мотив опрометчивого обещания, характерный для средневековых рыцарских романов, а в данном контексте напоминает сказочный сюжет, где король готов отдать непослушную дочь замуж за «первого встречного». Несмотря на то что герцог Бургундский позже раскаивается в своем необдуманном решении, он, следуя рыцарскому кодексу, не имеет права не сдержать слова.

Квентина Дорварда писатель наделяет решительным характером, подобно средневековым рыцарям: он принимает участие во всех событиях, происходящих в романе, либо подчиняясь приказам короля, либо руководствуясь своей волей. «В рыцарском романе герои индивидуальны и одновременно являются представителям определенной группы», т. е., по замечанию М.М. Бахтина, они не похожи ни внешностью, ни судьбой, и их легко отличить друг от друга, но в то же время очевидна их принадлежность к своему сословию. Однако можно выделить характерную черту, сближающую героев Скотта и рыцарей из средневековых романов. Последние будто бы наделяются бессмертием и благодаря своей чудесной природе всегда становятся победителями в поединках. Рыцари в рассматриваемых романах Скотта, несмотря на многочисленные смертельные угрозы, создаваемые врагами или возникающие в связи с желанием героя защитить свою честь, также остаются в живых. По меткому замечанию А. Велша, «герои Скотта не умирают, потому что они никого не убивают»[2]. В средневековых романах рыцарь может убить противника в поединке и при этом не только не запятнать свою честь, но и получить награду за победу в рыцарском турнире. Герои в произведениях Скотта получают другую награду: они увенчиваются лаврами не за победу и не за проявленное в поединке искусство, а за готовность умереть в любой момент в надежде обрести бессмертие. По этой же причине они избегают смертоубийства, а автор умело их от этого удерживает. Квентин Дорвард на протяжении всего повествования только один раз участвует в бою, где ему предоставляется случай убить соперника – Гийома де ла Марка, однако писатель отправляет его на помощь «девице в беде». Расправляется с Арденнским Вепрем вместо него Людовик Лесли, который, следуя правилу Скотта, не получает невесту.

Таким образом, мотивы и образы средневековых рыцарских романов, использованные Скоттом в романе «Квентин Дорвард», создают ироническую дистанцию между прошлым и настоящим, между феодальным строем и укладом общества Нового времени. В то же время в финале произведения писатель награждает героя, утверждая победу рыцарства (разумеется, намекая проницательному читателю, что подобное возможно только в вымышленной реальности художествен-

[1] *Mitchell J.* Scott, Chaucer, and Medieval Romance: A Study in Sir Walter Scott's Indebtedness to the Literature of the Middle Ages. P. 161.
[2] *Welsh A.* The Hero of the Waverley Novels. New Haven: Yale UP, 1963. P. 223.

ного произведения), и подчеркивает важность рыцарского романа как жанра, считающегося предшественником или даже прародителем романа Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 506 с.

Скотт В. Квентин Дорвард (пер. с англ. М. Шишмаревой) // Скотт В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Правда, 1990. 480 с.

Cusac M. Narrative Structure in the Novels of Sir Walter Scott. The Hague: Mouton and Co, 1969. 128 p.

Mitchell J. Scott, Chaucer, and Medieval Romance: A Study in Sir Walter Scott's Indebtedness to the Literature of the Middle Ages. Kentucky: Kentucky UP, 1987. 288 p.

Welsh A. The Hero of the Waverley Novels. New Haven: Yale UP, 1963. 296 p.

REFERENCES

Bakhtin M.M. (1975) Questions of Literature and Aesthetics. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 506 p.

Scott W. Quentin Durward (transl. from English by M. Shishmareva). In: Scott W. Collected Works: In 8 vols. Vol. 8. Moscow. Pravda Publ. 1990. 480 p.

Cusac M. (1969) Narrative Structure in the Novels of Sir Walter Scott. The Hague. Mouton and Co. 128 p.

Mitchell J. (1987) Scott, Chaucer, and Medieval Romance: A Study in Sir Walter Scott's Indebtedness to the Literature of the Middle Ages. Kentucky. Kentucky University Press. 288 p.

Welsh A. (1963) The Hero of the Waverley Novels. New Haven. Yale University Press. 296 p.

Сведения об авторе:

Александра Сергеевна Пунда,
аспирантка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra S. Punda,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Shuro4ka-97@mail.ru

Библиографии

Bibliography

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-141-151

М.М. Громова (Москва, Россия)

Библиография исследований русской литературы в Словении (1990–2021). Часть 2

M.M. Gromova (Moscow, Russia)

Bibliography of Russian Literature Studies in Slovenia (1990–2021). Part 2

2003

Bajt Drago. Tine Debeljak, prevajalec ruske romantične poezije // Loški razgledi. 2003. T. 50. № 1. S. 93–100.

О деятельности выдающегося словенского поэта, литературного критика, публициста, переводчика, редактора Тине Дебеляка (1903–1989) как переводчика поэзии эпохи романтизма.

Gačnik-Gombač Lidija. Elementi drugačnosti v pravljici Marilenina skrivnost ruske pisateljice Ljudmile Petruševske // Otrok in knjiga. 2003. T. 30. № 56. S. 59–61.

Элементы «инаковости» в сказке Л. Петрушевской «Секрет Марилены» (1996).

Javornik Miha. Ogroženost meje: način rušenja nacionalnega kulturnega modela // Zbornik povzetkov / XIII. mednarodni slavistični kongres, Ljubljana, 15.–21. avgusta 2003. Del 2: Književnost, kulturologija, folkloristika, zgodovina slavistike, tematski bloki / uredila France Novak in Andreja Žele (Tematski bloki). Ljubljana: ZRC SAZU, Založba ZRC, 2003. S. 194–195.

«Граница в опасности: способ разрушения национальной культурной модели». Тезисы доклада на XIII Международном конгрессе славистов.

Pirjevec Dušan. Braća Karamazovi i pitanje o bogu / preveo Branko Lučić; pogovor Dragutin Lučić-Luce. Zagreb: AGM, 2003. 265 s.

Перевод книги Душана Пирьевца (1921–1977) «Братья Карамазовы и вопрос о Боге» на хорватский язык.

Podlesnik Blaž. Pesnitev brez junaka Anne Ahmatove in tradicija ruske pesnitve od klasicizma do 20. stoletja: doktorska disertacija. Ljubljana, 2003. 272 s.

«Поэма без героя» А. Ахматовой и традиции русской поэзии от классицизма до XX в. Докторская диссертация.

Skaza Aleksander. Avtor, siže in dekanonizacija žanra romana Peterburg Andreja Belega in poema Bronasti jezdec A.S. Puškina: posvečeno tristoletnici Sankt Peterburga // Zbornik povzetkov / XIII. mednarodni slavistični kongres, Ljubljana, 15.–21. avgusta 2003. Del 2: Književnost, kulturologija, folkloristika, zgodovina slavistike, tematski bloki / uredila France Novak in Andreja Žele (Tematski bloki). Ljubljana: ZRC SAZU, Založba ZRC, 2003. S. 197–199.

Автор, сюжет и деканонизация жанра в романе А. Белого «Петербург» и поэме А.С. Пушкина «Медный всадник»: к трехсотлетию Санкт-Петербурга. Тезисы доклада на XIII Международном конгрессе славистов.

Virk Tomo. Mojster in Margareta M.A. Bulgakova // Bulgakov, M.A. Mojster in Margareta. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2003. S. 405–416.
О романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Vrečko Janez. Kosovel in ruski literarni center konstruktivistov // Slavistična revija. 2003. T. 51. Специальный номер. S. 225–240.
Исследуется отношение ярчайшего представителя словенского авангарда начала XX в. Сречко Косовела (1904–1926) к Литературному центру конструктивистов.

Краль Ладо. Два взгляда на «самое загадочное произведение» Леонида Андреева // Вестник Московского университета. Серия 9: филология. 2003. № 2. С. 118–134.
Устанавливается связь между критической системой Йосипа Видмара и его увлечением творчеством Л. Андреева, особенно пьесой «Черные маски». С помощью тезисов М. Бахтина о карнавальной культуре интерпретируются особенности «Черных Масок», для Й. Видмара оставшиеся незамеченными или недоступными.

Подлесник Блаж. Творчество А. Ахматовой в словенской культуре XX в. // Литературные итоги XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа / [ред. коллегия Ю.В. Богданов и др. Отв. ред. В.А. Хорев]. М.: Индрик, 2003. С. 251–260.

Сказа Александр. Роман «Петербург» Андрея Белого и поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина (поэтологический аспект) // Slavistična revija. 2003. T. 51. № 4. S. 465–473.
Исследование посвящено оппозициям и связанным с ними поэтологическим вопросам, которые роман А. Белого «Петербург» унаследовал от «Медного всадника» А.С. Пушкина. На первый план выходит проблема кризиса автора, которая у Пушкина проистекает из двойственного отношения «певца империи и свободы» к литературным героям, а у А. Белого обостряется при выходе за пределы панэстетизма мифопоэтического символизма.

2004

Javornik Miha. Gorje pametnim v besedah – in nekaj o tem, kako se je v času spreminjal odnos do komedije A.S. Gribojedova // Gledališki list Mestnega gledališča ljubljanskega. 2003/2004. T. 54. № 8. S. 7–22.
О пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума» и изменении ее восприятия со временем.

Javornik Miha. Zakaj je igralka postala kokoš? O Kokoši in dramatiki N.V. Koljade // Gledališki list. 2003/2004. T. 49. № 4. S. 8–15.
О постановке пьесы Н. Коляды «Курица».

Rojs Jurij. Jan Vasilij G.: Čingishan, Moskva 2003, 362 str. // Časopis za zgodovino in narodopisje = Review for history and ethnography. 2004. T. 75. № 2/3. S. 748–750.
Рецензия на роман В. Яна «Чингисхан».

Skaza Aleksander. Kratka proza in novelistika Antona Pavloviča Čehova // Čehov, A.P. Dama s psičkom: izbor kratke proze, novel in povesti / izbral in spremno besedo napisal Aleksander Skaza; prevedel Marjan Poljanec. Ljubljana: Študentska založba, 2004. S. 575–616.
О малой прозе и новеллистике А.П. Чехова.

Skaza Aleksander. Roman Bratje Karamazovi // Gledališki list SNG. Drama. 2004/2005. T. 84. № 1. S. 104–114.
О романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Skaza Aleksander. Roman Bratje Karamazovi F.M. Dostojevskega (ideja in struktura romana) // Slavistična revija. 2004. T. 52. № 4. S. 393–410.
С поэтологической точки зрения делается попытка определить, как постановка и решение некоторых фундаментальных философских, религиозных и нравственных вопросов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» повлияло на форму романа.

Verč Ivan. Etica e poetica in Puškin // Aleksandr Sergeevič Puškin nel 2° centenario della nascita. Atti del Convegno Internazionale. Milano 3–4 giugno 1999. Incontro di studio n. 21. Milano: Istituto Lombardo di Scienze e Lettere, 2004. P. 65–76.
Этика и поэтика А.С. Пушкина.

Verč Ivan. O bedakih, izobražencih in razumnikih // Gledališki list Mestnega gledališča ljubljanskega. 2004. T. LIII. № 8. S. 25–30. (Special issue: Aleksander Sergejevič Gribojedov. Gorje pametnemu. MGL, Ljubljana).

О пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума».

Verč Ivan. San Pietroburgo: la città e la memoria // Pietroburgo capitale della cultura europea / Ed. by Antonella D'Amelia. Salerno: Università degli Studi di Salerno. Dipartimento di studi linguistici e letterari, 2004. Pp. 13–26 [401–402: Abstract in Russian]. (Collana di Europa Orientalis).

Санкт-Петербург: город и память.

Вирк Томо. Творчество Драго Янчара и наследие М.А. Булгакова // Филологические заметки. Вып. 3. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Т.И. Ерофеева, Я. Вречко. Ч. 2. Пермь: Пермский государственный университет; Любляна: Университет в Любляне, 2004. С. 20–27.

Подлесник Блаж. Scribo ergo sum (истоки русской художественной прозы как урок постмодернизма) // Национальная идентичность литератур Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях глобализации. Международная научная конференция 23–24 ноября 2004 г. Тезисы докладов. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 40.

Сказа Александр. Роман «Петербург» Андрея Белого и «петербургская повесть» «Медный всадник» А.С. Пушкина (поэтологический аспект) // A szó élete: tannulmányok a hatvanéves Kovács Árpád tiszteletére / a kötete szerkesztette Szitár Katalin; szerkesztőbizottság Jerzy Faryno, Thomka Beáta, Ivan Verč. Budapest: Argumentum, 2004. S. 144–149.

Чепелевская Т.И. Развитие славистики в Люблянском университете // Славянский альманах 2004. М.: Индрик, 2005. С. 304–313.

2005

Javornik Miha. "Pornografska literatura" V. Sorokina v primežu ruskega kulturnega spomina (o tem, kako ni mogoče ubežati lastni zgodovini) // Primerjalna književnost. 2005. T. 28. № 2. S. 77–92.

Попытка ответить на вопрос, почему произведения В. Сорокина до сих пор не стали предметом «академического» изучения в России, в то время как в странах Западной Европы его творчество рассматривают многие исследователи с мировым именем. Ответы автор ищет в специфике российской культурной модели и знакомит читателя со спецификой постсоветского культурного пространства.

Javornik Miha. Zločin in kazen: tukaj se hudič z Bogom bori! // Esej na maturi 2006: [maturitetna romana: Ivan Tavčar: Visoška kronika, Fjodor M. Dostojevski: Zločin in kazen] / Miha Javornik… [et al.]; [urednica Alenka Kepic Mohar]. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. S. 75–99.

О романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Podlesnik Blaž. Anna Ahmatova in Osip Mandelštam v dialogu "zaščitnih listin" // Slavistična revija. 2005. T. 53. № 3. S. 301–315.

Исследование особой функции «охранного свидетельства», которую литература приобретает в творчестве некоторых авторов в Советском Союзе. В творчестве О. Мандельштама и А. Ахматовой автор указывает на схожие отправные точки, которые приводят обоих писателей к восприятию литературного творчества как основного средства осмысления собственного существования, и указывает на общие черты литературных произведений, задуманные указанными авторами как попытка преодоления кризиса биографии с помощью литературы.

Skaza Aleksander. Prispevek Bratka Krefta k popularizaciji in nedogmatičnemu razumevanju F.M. Dostojevskega // Simpozij ob stoletnici rojstva akademika Bratka Krefta: (Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 10. februarja 2005) / [urednik Andrej Inkret]. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2005. S. 99–120.

Об исследованиях Братко Крефта (1905–1996), посвященных личности и творчеству Ф.М. Достоевского. Особое внимание уделено периоду после 1856 г., когда были опубликованы важней-

шие произведения Крефта о Достоевском, а в 1957–1972 гг. под его редакцией вышло первое словенское издание избранных произведений Достоевского в одиннадцати томах.

Verč Ivan. Dialoške prvine Lotmanove strukturalne poetike // Slavistična revija. 2005. T. 53. № 3. S. 317–329.

Опираясь на идеи Ю.М. Лотмана, автор анализирует возможности преобразования информации в диалогическом контакте.

Zabukovec Urša. "Podoba avtorja" in hagiografske prvine v romanu Dostojevskega Bratje Karamazovi // Slavistična revija. 2005. T. 53. № 3. S. 283–299.

В центре внимания автора философско-идеологический и сюжетный бином Иван – Алеша, агиографические элементы в образах героев и их соотнесенность с образом автора. Проведенный анализ подводит к переосмыслению идеи полифонического романа М.М. Бахтина.

Zadravec Franc. Ivan Prijatelj in ruska literatura // Slavistična revija. 2005. T. 53. № 3. S. 363–377.

Поиск причин, по которым словенский филолог и переводчик Иван Приятель (1875–1937) на протяжении сорока лет исследовал русскую литературу.

Zajc Neža. Začetki avtobiografskosti v zahodni Evropi in Rusiji // Primerjalna književnost. 2005. T. 28. № 1. S. 53–76.

Исследование зарождения автобиографического жанра на примере «Исповеди» Аврелия Августина и «Жития протопопа Аввакума», являющихся определяющими для дальнейшего развития автобиографии. Сопоставляются жанровые, языковые, текстовые и тематические особенности двух произведений. Особое внимание уделяется отношению (автора) к себе, адресату и миру вообще. На основе схожести образа мыслей двух авторов делаются выводы о рождении нового типа самосознания и способа выражения, которые представляют собой важный сдвиг в развитии литературы и человеческого (культурного) сознания в целом.

Яворник Миха. Слово и тело в текстах Владимира Сорокина // Материалы Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, 14–19 марта 2005 г. Вып. 12. Секция новейшей русской литературы / Отв. ред. О.В. Богданова, А.О. Больтев. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С. 48–51.

2006

Javornik Miha. Sorokin na nakovalu med kulturo in naravo (pa tudi nekaj o tem, kako jezik srca premaguje mesene stroje…) // Sorokin V. Led. Ljubljana: Modrijan, 2006. S. 281–294.

О В. Сорокине и его романе «Лед».

Kos Janko. Gogolj, Melville in Fran Erjavec // Slavistična revija. 2006. T. 54. № 3. S. 303–312.

Сопоставление трех нарративов о характере и судьбе писцов, созданных в середине XIX в.: «Шинель» Н.В. Гоголя, «Писец Бартлби» Германа Мелвилла и «Авгуштин Оцепек» Франа Эрьявца; исследование и обоснование различий в формировании одного и того же мотива в русской, американской и словенской литературе, как формальных, так и содержательных, исходя из социально-исторического, социокультурного и духовно-исторического фона.

Skaza Aleksander. Funkcija avtorskega pripovedovalca v noveli Rotschildova violina A.P. Čehova // Slavistična revija. 2006. T. 54. № 4. S. 783–791.

Рассматривается функция повествователя в рассказе А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» при формировании как литературного персонажа (особенно с точки зрения «внутреннего человека»), так и двухчастного сюжета с ярко выраженным новеллистическим поворотом и неожиданном финалом.

Verč Ivan. Ko je bila beseda konj // Gledališki list Mestnega gledališča ljubljanskega. 2006. T. LVII. № 4. S. 23–25. (Special issue: Mihail A. Bulgakov, Miha Javornik. Mojster in Margareta / Margareta in Mojster. MGL, Ljubljana).

О романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Verč Ivan. Utopija prehojene poti (Gradbena jama in Morje mladosti Andreja Platonova) // Slavistična revija. 2006. T. 54. № 4. S. 793–808.

Исследуется особенность амбивалентной поэтики повести А. Платонова «Котлован», которая, с одной стороны, артикулирует события периода первой советской пятилетки языком описываемого времени и места, а с другой – связана с подлинно русской философской мыслью, с литературной традицией утопического жанра, с темами и мотивами народной традиции. «Ювенильное море» (1934) выступает в прозе Платонова как последняя попытка неосуществимого синтеза его собственной неповторимой поэтики и «социального заказа», характерного для литературной жизни России того времени.

Верч Иван. Некоторые аспекты заглавий художественных произведений в русской литературе XIX века // Studi in ricordo di Carmen Sánchez Montero. II / Ed. by Graziano Benelli in Giampaolo Tonini. Trieste: Università degli Studi di Trieste. Scuola Superiore di Lingue Moderne per Interpreti e Traduttori. Dipartimento di Scienze del Linguaggio, dell'Interpretazione e della Traduzione, 2006. P. 543–555.

Подлесник Блаж. Прогулки с Пушкиным в тени Гоголя (истоки русской художественной прозы как урок постмодернизма) // Literatura in globalizacija (k vprašanju identitete v kulturah centralne in jugovzhodne Evrope v času globalizacije) = Литература и глобализация (к вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху глобализации) / [urednik, redaktor Miha Javornik; prevajalca, perevodčiki Tatjana Filimonova, Blaž Podlesnik]. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni inštitut Filozofske fakultete, 2006. S. 117–129.

В развитии русской литературы нередко бывает так, что авторы разных периодов, столкнувшись с похожей дилеммой в сходной ситуации, прибегают к сходным средствам для реализации художественных замыслов. Такая цикличность или, скорее, «спиральность» в развитии русской литературы доминирует, что подтверждается и при сопоставлении авторов первой волны русского постмодернизма (преимущественно авторов т.н. «филологической прозы») с произведениями авторов, заложивших в 1830-е гг. основы русской художественной прозы как литературного явления мирового значения. Диалог А. Синявского с Пушкиным и Гоголем представляет собой интересное явление с точки зрения цикличности культурного развития. Оказавшись в ситуации, сходной с ситуацией его предшественников, Синявский в поисках новой авторской позиции в современной ему культурной ситуации использует схожие литературные приемы и в то же время выделяет такого рода цикличность в развитии культуры как центральный предмет размышлений.

Сказа Александр. Функция культурологии в области преподавания русской литературы за рубежом в период глобализации // Вестник Пермского университета. Филология. 2005. Вып. 3. С. 185–189.

Яворник Миха. Детерриториализация и ретерриториализация как способ миросозерцания в эпохе глобализации // Literatura in globalizacija (k vprašanju identitete v kulturah centralne in jugovzhodne Evrope v času globalizacije) = Литература и глобализация (к вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху глобализации) / [ред. М. Яворник; пер. Т. Филимоновой, Б. Подлесника]. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni inštitut Filozofske fakultete, 2006. S. 71–75.

В русской литературе XX в. наблюдаются четыре последовательные и в некотором роде повторяющиеся фазы детерриторизации и ретерриториализации, свидетельствующие о циклической логике развития культуры (В. Хлебников, ОБЭРИУты, лианозовцы, В. Сорокин). Именно в творчестве Сорокина цикл, начавшийся с Хлебникова, возвращается к исходной точке. Как писатель, чутко отражающий логику развития русской культуры, Сорокин в своей прозе, обнажая одну утопию, возвращается к другой и тем самым актуализирует мысль о значении мифической логики в развитии истории.

Яворник Миха. «Порнографическая литература» В. Сорокина в клещах русской культурной памяти (о том, как нельзя убежать от собственной истории) // Europa orientalis. 2006. № 26. S. 61–81.

Попытка ответить на вопрос, почему произведения В. Сорокина до сих пор не стали предметом «академического» изучения в России, в то время как в странах Западной Европы его творчество рассматривают многие исследователи с мировым именем. Ответы автор ищет в специфике российской культурной модели и знакомит читателя со спецификой постсоветского культурного пространства.

2007

Derganc Aleksandra. Novejši prispevki k polemiki o avtentičnosti Slova o polku Igoreve // Slavistična revija. 2007. T. 55. №. 1/2. S. 389–397.

Обзор новейшей полемики об аутентичности «Слова о полку Игореве». В центре внимания работа А. Зализняка «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста».

Javornik Miha. Ekologija teksta in ruska kultura 20. stoletja // Primerjalna književnost. 2007. T. 30. № 1. S. 55–70.

Попытка выявить динамику развития русской культуры XX в. с помощью авангардистской метафоры нуля/круга как идеала, означающего всё и ничего. По мнению автора, русская культура стремится выразить этот идеал, но ее невротическое стремление к чистому, естественному и первичному всегда приводит ее к ощущению небытия.

Javornik Miha. O svetli točki sredi črnine v ruski družbeno angažirani dramatiki // Gledališki list SNG. Drama. 2006/2007. T. 86. № 15. S. 11–15.

О творчестве российского драматурга В. Сигарева (р. 1977).

Podlesnik Blaž. Ruski metametaforisti // Literatura. 2007. T. 19. № 191/192. S. 113–114.

Вступительный текст к переводам русской литературы последних десятилетий XX в. и первых лет XXI в. на словенский язык.

Podlesnik Blaž. Pesnitev o Igorjevem pohodu? Več kot le srednji vek! // Gledališki list SNG. Opera in balet. 2006/2007. № 4. S. 29–32.

О вневременной актуальности «Слова о полку Игореве».

Skaza Aleksander. Dnevnik pisatelja. Pisatelj in ideolog // Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelja. 2, Izbor publicističnih besedil / izbral Aleksander Skaza; prevedel Borut Kraševec. Ljubljana: Študentska založba, 2007. S. 290–318.

Сопроводительный текст к словенскому изданию «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского.

Skaza Aleksander. Leposlovje v Dnevniku pisatelja F.M. Dostojevskega // Dnevnik pisatelja. 1, Izbor kratke proze in esejev / izbral Aleksander Skaza; prevedla Urša Zabukovec. Ljubljana: Študentska založba, 2007. S. 189–229.

О художественной литературе в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского.

Verč Ivan. Utopija prehojene poti // Platonov A. Morje mladosti. Ljubljana: Študentska založba – Beletrina, 2007. 242–265.

Сопроводительное слово к словенскому изданию «Ювенильного моря» А. Платонова.

Сказа Александр. Ф.М. Достоевский в литературной критике и литературоведении // Болгарская русистика. Орган общества русистов Болгарии. 2007. № 1/2. S. 60–70.

2008

Javornik Miha. La ecología del texto y la cultura rusa del siglo XX // Mundo eslavo. 2008. № 7. P. 163–176.

Попытка выявить динамику развития русской культуры XX в. с помощью авангардистской метафоры нуля/круга как идеала, означающего всё и ничего. По мнению автора, русская культура стремится выразить этот идеал, но ее невротическое стремление к чистому, естественному и первичному всегда приводит ее к ощущению небытия.

Javornik Miha. Zadovoljevanja “štirih mladih inteligentnih žensk” (in še koga…). Na primeru Treh sester Čehova // Gledališki list Mestnega gledališča ljubljanskega. 2007/2008. T. 58. № 9. S. 17–25.

О пьесе А.П. Чехова «Три сестры».

Javornik Miha. Zlati vek ruske kulture: poti ruske umetniške besede (1670–1840). Ljubljana: Študentska založba, 2008. 234 s.

Первый в Словении систематический и глубокий обзор истории русской литературы с XVIII в. до середины XIX в., когда в культуре утвердилась реалистическая поэтика и эстетика.

Kos Janko. Dostojevski in vprašanje o Bogu // Literatura. 2008. T. 20. № 203/204. S. 223–231.

«Достоевский и вопрос о Боге».

Podlesnik Blaž. Dnevnik, laž in literatura // Literatura. 2008. T. 20. № 203/204. S. 208–222.
Развернутый текст лекции с симпозиума «Достоевский вчера и сегодня», который состоялся 5 марта 2008 г. в Цанкаровом доме в Любляне.

Podlesnik Blaž. Ruska književnost danes: Dmitrij Bikov – namesto življenja morda razvrat dela? // Sodobna Rusija / [sourednik teme Denis Mancevič]. Ljubljana: Emzin, 2008. S. 134–136.
Вступительное слово к переводам произведений Д. Быкова[1].

Podlesnik Blaž. V vlogi? Igraje? Končno? Ali morda znova? (teater absurda in urbana komedija) // Presnjakov, V., Presnjakov, O. V vlogi žrtve / prevedla Tatjana Stanič. Nova Gorica: SNG Nova Gorica, 2008. S. 42–45.
Сопроводительный текст к словенскому изданию пьесы В. и О. Пресняковых «Изображая жертву».

Skaza Aleksander. Pisatelj in Ideolog F.M. Dostojevski, avtor Dnevnika pisatelja // Literatura. 2008. T. 20. № 203–204. S. 84–106.
«Писатель и идеолог Ф.М. Достоевский, автор “Дневника писателя”». Развернутый текст лекции с симпозиума «Достоевский вчера и сегодня», который состоялся 5 марта 2008 г. в Цанкаровом доме в Любляне. Статья дополняет ранее вышедший сопроводительный текст к словенскому изданию «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского.

Snoj Vid. Človek v dialogu: Ivan Karamazov in njegov satan // Literatura. 2008. T. 20. № 203–204. S. 194–207.
«Человек в диалоге: Иван Карамазов и его черт». Развернутый текст лекции с симпозиума «Достоевский вчера и сегодня», который состоялся 5 марта 2008 г. в Цанкаровом доме в Любляне.

Verč Ivan. “Bedni ljudje” F.M. Dostojevskega in vprašanje realizma // Literatura. 2008. T. 20. № 203–204. S. 232–250.
«Бедные люди» Ф.М. Достоевского и вопрос о реализме.

Virk Tomo. Dostojevski in Akunin. Ruska klasika v primežu postmodernizma // Literatura. 2008. T. 20. № 203–204. S. 232–250.
«Достоевский и Акунин. Русская классика в тисках постмодернизма». Развернутый текст лекции с симпозиума «Достоевский вчера и сегодня», который состоялся 5 марта 2008 г. в Цанкаровом доме в Любляне.

2009

Geršak Ana. Ruski “zlati vek”: ocene in vpogledi // Delo. 2009. T. 51. № 108. S. 22.
Рецензия на монографии Б. Подлесника «Kratki pregled ruske kulturne zgodovine» (1998) и М. Яворника «Zlati vek ruske kulture: poti ruske umetniške besede (1670–1840)» (2008).

Javornik Miha. Drug za drugim opilki z rezila sekire… // Slovensko mladinsko gledališče. 2008/2009. № 4. S. 10–17.
О постановке «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского.

Javornik Miha. Knjižne dobrote Viktorja Jerofejeva in kaj ima batjuška Stalin pri tem? (razmislek o pomenu ustvarjalnosti Jerofejeva) // Jerofejev V. Dobri Stalin: roman / prevedla Lijana Dejak; spremno besedo napisal Miha Javornik. Ljubljana: Modrijan, 2009. S. 313–334.
Сопроводительное слово к словенскому изданию романа В. Ерофеева «Хороший Сталин».

Javornik Miha. O limonadi Olje Muhine ali kako je šest oseb iskalo avtorja in našlo osnovne zakone simetrije // Muhina, Olja. Tanja-Tanja / prevajalec Miha Javornik. Ljubljana: Mestno gledališče ljubljansko, 2009. S. 7–17.
Сопроводительное слово к словенскому изданию пьесы О. Мухиной (р. 1970) «Таня-Таня».

Javornik Miha. Postmodernistični prerok Viktor Pelevin (o tem, kako postsovjetski pisatelj išče resnico) // Primerjalna književnost. 2009. T. 32. № 1. S. 1–24.

[1] По постановлению Министерства юстиции с 29 июля 2022 г. Д. Быков был включен в реестр лиц, выполняющих функцию иностранного агента.

В статье представлен творческий путь В. Пелевина. Отмечено, что его произведения – результат переплетения двух направлений русской культуры, сложившихся после распада СССР – постмодернистского и (нео)реалистического, а постмодернистские элементы для Пелевина лишь способ научить русского читателя преодолевать хаос и узнавать проявления реальности.

Vrečko Janez. Tatlin, El Lisicki in Kosovel // Primerjalna književnost. 2009. T. 32. № 1. S. 67–85.

Анализируется понятие и слово конс и связывается с характерным советским сокращением слов, перенятым также некоторыми европейскими авангардистами. В манифесте «Механикам» Сречко Косовел полемизирует не только с «механическим человеком» Маринетти, но и с «человеком-машиной» Татлина. Вслед за Эль Лисицким Косовел установил пустоту, которая переходит в плосковыпуклое и плосковогнутое пространство, в буквы в пространстве, где уже нет ни перспективы, ни гравитации. Использование инженерных схем, геометрического материала и пространственной определенности конструктивистов эффективно соединили содержание и форму в новое органическое целое, что подтверждает знакомство Косовела с русским и европейским конструктивизмом.

Zajc Neža. "Žitje protopopa Avvakuma": ruska tradicija na preizkušnji. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2009. (Zbirka Življenja in dela; 5. Kulturnozgodovinske študije; 2). 182 c.

Монография. Взгляд на XVII век сквозь призму его главного произведения, «Жития протопопа Аввакума». С литературоведческой позиции исследуется жанровая проблематика текста, открывающего вопрос об истоках автобиографии в России. Исследуются ракурсы «Жития» Аввакума (повествовательные техники, поджанры видений и чудес, сцены борьбы с бесами, отношение к Богу, отношение к смерти и т. д.), тематически и проблематически отличающиеся от древнерусского житийного канона. Доказывается, что «Житие» само по себе свидетельствует о переменах представлений о положении человека в России XVII века. Как письменный памятник оно отражает разрушение средневековой жанровой системы и стоит на границе между древнерусской литературой и новой (опираясь на классическое разграничение российских литературоведов), но функционирует именно в рамках древнерусской православной традиции как создания текста, так и понимания самого Слова. В главе «Языковая двойственность» утверждается, что, благодаря синтезу книжного и устного языков, Аввакум создал условия для их функционирования в качестве двух стилей одного языка.

Podlesnik Blaž. Genadij Ajgi – onkraj ruske poezije // Ajgi, G.N. Pogled z drevesi: izbrane pesmi / [izbral in prevedel Drago Bajt; spremno besedo napisal Blaž Podlesnik]. Maribor: Litera, 2009. S. 115–122.

Сопроводительное слово к словенскому изданию поэзии Г. Айги.

Podlesnik Blaž. Kratki pregled ruske kulturne zgodovine. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, Oddelek za slavistiko, 2009. 137 s.

«Краткий обзор истории русской культуры». Монография.

Подлесник Блаж. Гоголь и словенцы // Н.В. Гоголь и славянские литературы. Тезисы международной научной конференции 10–11 ноября 2009 г. / Отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 62.

Яворник Миха. Гоголь на пограничье // Н.В. Гоголь и славянские литературы. Тезисы международной научной конференции 10–11 ноября 2009 г. / Отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 96.

2010

Derganc Aleksandra. Dva prevoda Češnjevega vrta // Vloge središča: konvergenca regij in kultur / [Slovenski slavistični kongres, Ljubljana, 30. september – 2. oktober 2010]; uredila Irena Novak Popov. Ljubljana: Zveza društev Slavistično društvo Slovenije, 2010. S. 415–426.

Сравнение двух переводов «Вишневого сада» А.П. Чехова – Йосипа Видмара и Милана Есиха.

Javornik Miha. Gogoljeve maske in njihov lišp // Gogolj, N. Izginulo pismo: Gogoljeva kratka proza, korespondenca in ohranjeno besedilo drugega dela Mrtvih duš / prevedla Urša Zabukovec in Borut Kraševec; [spremna beseda Miha Javornik, Blaž Podlesnik]. Ljubljana: Študentska založba, 2010. S. 546–579.

Сопроводительное слово к словенскому изданию произведений Н.В. Гоголя.

Kaloh Vid Natalia. Apokaliptični siže v ruski kulturi 1920–1950 let: primer proze Mihaila Afanasijeviča Bulgakova: doktorska disertacija. Ljubljana, 2010. 328 s.

Апокалиптический сюжет в русской культуре 1920–1950-х гг. на примере прозы М. Булгакова. Докторская диссертация.

Kaloh Vid Natalia. Deconstruction of the cinematic image of "sweet darlings" in Stanley Kubrick's adaptation of Lolita // Constructing, deconstructing, reconstructing language and literary matters / Ed. by Aleksandra Nikčević Batrićević and Marija Knežević. Nikšić: Filozofski fakultet, 2010. S. 311–322.

Рассматривается деконструкция патриархального голливудского образа женской добродетели в фильме Стенли Кубрика «Лолита» по одноименному роману В. Набокова.

Kaloh Vid Natalia. I am a witch and I like it! Black magic and witchcraft in Bulgakov's Master and Margarita // Magic & the supernatural: an ethos project: critical issues / 1st Global Conference, Salzburg, Austria, March [15–17] 2010. [Б.м: б.и., 2010]. P. [7].

Черная магия и ведьмовство в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Тезисы доклада.

Podlesnik Blaž. Posmrtna maska iz lateksa // Gogolj, N. Izginulo pismo: Gogoljeva kratka proza, korespondenca in ohranjeno besedilo drugega dela Mrtvih duš / prevedla Urša Zabukovec in Borut Kraševec; [spremna beseda Miha Javornik, Blaž Podlesnik]. Ljubljana: Študentska založba, 2010. S. 582–617.

Сопроводительное слово к словенскому изданию произведений Н.В. Гоголя.

Podlesnik Blaž. Semiotika lepote in lepota semiotike // Lotman, J.M. Struktura umetniškega teksta / [prevedel Borut Kraševec; spremna beseda Blaž Podlesnik]. Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura, 2010. S. 381–404.

Сопроводительное слово к словенскому изданию «Структуры художественного текста» М.Ю. Лотмана.

Skaza Aleksander. A.S. Puškin po meri sodobne Rusije // Slavistična revija. 2010. T. 58. № 1. S. 151–155.

В статье обозначены некоторые основные аспекты отношения современной России к А.С. Пушкину, сохранившему в первом десятилетии XXI в. в русской культуре (за некоторыми исключениями) статус универсального символа жизни.

Snoj Vid. The presentation of the demonic in Gogol's tales // // N.V. Gogol: bytí díla v prostoru a čase: (studie o živém dědictví) / [editoři Josef Dohnal, Ivo Pospíšil]. Brno: Tribun EU, 2010. S. 389–398.

Статья посвящена демоническому и божественному в цикле Н.В. Гоголя «Петербургские повести», преимущественно в рассказе «Портрет».

Verč Ivan. Čehov in "cikcak bodočnosti" // Gledališki list. 2009/2010. T. 55. № 4. S. 5–12.

О драме А.П. Чехова «Дядя Ваня».

Verč Ivan. Razumevanje jezikov književnosti. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2010. 180 s.

В монографии рассматривается состояние современного литературоведения, перед которым стоят новые задачи в связи с Болонской реформой. Книга состоит из двух частей – теоретической и прикладной.

Верч Иван. Об этике и поэтике в творчестве А.С. Пушкина // Пушкин и время. Сб. статей / Ред. О.Б. Лебедева. Томск, изд-во Томского университета, 2010. (Русская классика: исследования и материалы; вып. 6). С. 111–122.

Подлесник Блаж. Голос Гоголя (или «Я к вам пишу – чего же боле? / Что я могу еще сказать?») // N.V. Gogol: bytí díla v prostoru a čase: (studie o živém dědictví) / [editoři Josef Dohnal, Ivo Pospíšil]. Brno: Tribun EU, 2010. S. 311–320.

Яворник Миха. Экология текста и русская культура XX столетия // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. Е.С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 574–587.

Попытка выявить динамику развития русской культуры XX в. с помощью авангардистской метафоры нуля/круга как идеала, означающего всё и ничего. По мнению автора, русская культура стремится выразить этот идеал, но ее невротическое стремление к чистому, естественному и первичному всегда приводит ее к ощущению небытия.

2011

Javornik Miha. Cepitev Maksima Gorkega: o Gorkem, njegovi zgodnji dramatiki in Malomeščanih // Gledališki list SNG. Drama. 2011/12. T. 91. № 3. S. 22–27.

О пьесе М. Горького «Мещане».

Javornik Miha. Kultura kot objekt znanosti: Jurij Mihajlovič Lotman: Struktura umetniškega teksta. Prevod Borut Krašovec, spremna beseda Blaž Podlesnik. Lud Literatura, zbirka Labirinti. Ljubljana 2010 // Pogledi: umetnost, kultura, družba. 2011. T. 2. № 6. S. 26.

Рецензия на словенское издание «Структуры художественного текста» М.Ю. Лотмана.

Javornik Miha. Transdramatsko sinkopiranje Aleksandra Stroganova (o ticah in pticah) // Gledališki list Mestnega gledališča ljubljanskega. 2011/2012. T. 62. № 3. S. 12–21.

О пьесе А. Строганова «Орнитология».

Javornik Miha. Tuhtanja o ruski literaturi. Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura, 2011. 326 s.

В книге обсуждаются поэтологические, тематические и идейно-мировоззренческие вопросы, которые возникают при изучении русской культуры, а точнее, творчества писателей, определивших тенденции развития литературы в XIX и XX вв.

Kaloh Vid Natalia. “A symbol of our times, neither light nor day, neither dark nor light”: sympathy for the demon in Russian literature and art // 12th Global Conference Perspectives on evil with magic & the supernatural, Prague, Czech Republic. Prague: [б.и.], 2011. P. [61].

О сочувствии демону / бесу в русской культуре и искусстве. Тезисы доклада.

Kaloh Vid Natalia. “The devil, believe me, will arrange everything… Hurrah for the devil!” // 3rd Global Conference Evil, women & the feminine, Warsaw, Poland, May 2011. Warsaw: [б.и.], 2011. P. [51].

Об образе дьявола в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Тезисы доклада.

Kaloh Vid Natalia. You are my “sweet darling”: the theme of incest in early Hollywood films // 6th Global Conference The erotic: exploring critical issues, Prague, Czech Republic, November 2011. [Б.м.: б.и., 2011]. P. [17–18].

Тема инцеста в ранних голливудских фильмах и роман В. Набокова «Лолита». Тезисы доклада.

Kozak Krištof Jacek. “Pod egido ruskega orla” ali orientalistični izleti A. Aškerca // Primerjalna književnost. 2011. T. 34. № 3. S. 153–172.

Статья посвящена путевым заметкам словенского поэта Антона Ашкерца (1856–1912) о двух поездках в Россию.

Podlesnik Blaž. Kvadratura kroga ruske literature // Pogledi: umetnost, kultura, družba. 2011. T. 2. № 10. S. 21.

Рецензия на книгу М. Яворника «Tuhtanja o ruski literaturi» (Любляна, 2011).

Snoj Vid. Fantastika in Gogoljev “Portret” // Literatura. 2001. T. 23. № 243/244. S. 123–133.

О фантастическом в «Портрете» Н.В. Гоголя.

Širca Alen Albin. Revizor, Nikolaj Vasiljevič Gogolj; in Stebri družbe, Henrik Ibsen: priročnik za spoznavanje knjižnih del. Ljubljana: Rokus Klett, 2011. 61 s. (Kresnice: najpopularnejši literarni vodniki za maturo in domače branje.)

Руководство по ознакомлению с «Ревизором» Н.В. Гоголя и «Столпами общества» Г. Ибсена.

Zajc Neža. Krogozor slovanske besede: preizkušnja renesančnega humanizma skozi prerez opusov besedil Primoža Trubarja in Maksima Greka. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2011. 400 s.

Монография посвящена личностям, переводческой и литературной деятельности Максима Грека и Приможа Трубара. Сопоставляется мировоззрение обоих писателей, их взгляды на богословские вопросы, взаимоотношения между библейской и их личной нравственной оценкой текущей действительности, отношение к переходу от рукописной к печатной книге.

Virk Tomo. Življenje sámo, ne prispodoba [Fjodor Dostojevski: Bratje Karamazovi] // Pogledi: umetnost, kultura, družba. 2011. T. 2. № 4. S. 10–11.

О переводе романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» на словенский язык, выполненном Б. Крашевцем.

Верч Иван. Де(кон)струкция // «Образ мира, в слове явленный…»: сборник в честь 70-летия профессора Ежи Фарыно / Redakcija R. Bobryka, J. Urban, R. Mnicha. Siedlce, 2011. С. 635–636.

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
младший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

marija.gromova@list.ru

Программы

Programs

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-153-173

А.А. Жукова, Е.В. Потёмкина (Москва, Россия)

Концепты в русской песенной традиции: от романса до рэпа. Рабочая программа дисциплины

A.A. Zhukova, E.V. Potemkina (Moscow, Russia)

Concepts in the Russian Song Tradition: from Romance to Rap. Work Program of the Discipline

Аннотация

Рабочая программа разработана в соответствии с самостоятельно установленным МГУ образовательным стандартом (ОС МГУ) для реализуемых основных профессиональных образовательных программ высшего образования по направлению подготовки «Филология» в редакции приказа МГУ от 30 декабря 2016 г.

Курс «Концепты в русской песенной традиции: от романса до рэпа» («Concepts in the Russian Song Tradition: from Romance to Rap») относится к вариативной части профессионального цикла по подготовке будущих специалистов-филологов. Предметом исследования является *песня* как жанр аудиальной словесности, в которой находят отражение ключевые концепты русской лингвокультуры.

Курс направлен на то, чтобы дать учащимся общие представления о понятиях *языковая картина мира*, *языковая личность*, *концепт*, *архетип* и др.; познакомить учащихся с устойчивыми темами, образами, мотивами русской аудиальной словесности, которые пересекаются как с фольклором, так и с авторской литературной традицией; показать преемственность песенной традиции XIX, XX и XXI вв. Особое внимание уделяется выявлению и анализу значимых в контексте песенной культуры концептов (РУССКАЯ ТРОЙКА, ТОСКА, БОГ, ГОРОД и др.) и связанных с ними ассоциативных цепочек, фреймов, топонимов, символов и других типов когнем.

В ходе занятий учащиеся знакомятся с современными подходами к описанию концептов и интерпретации текстов песен, совершенствуют языковую, коммуникативную, социокультурную, лингвокреативную и профессиональную компетенции.

Курс включает в себя работу с практическим материалом – текстами песен различных жанров: *русский романс*, *авторская песня*, *русский рок*, *русский рэп*, – многие из которых являются прецедентными в русской лингвокультуре. Для получения дополнительных фоновых знаний в области лингвострановедения в курсе используются аудио- и видеоматериалы, фильмы, клипы, которые помогают

учащимся реконструировать находящиеся в основе песни образы, а также получить представление о социокультурном контексте в России в XIX–XXI вв.

Программа прошла апробацию в 2022/2023 уч. г. в группах иностранных стажеров, бакалавров, магистрантов и аспирантов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; отдельные темы курса прошли апробацию в группах иностранных бакалавров в филиале филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Душанбе в 2022/2023 уч. г. (в рамках курсов «Теория текста. Функциональная текстология», «Художественный текст на уроках РКИ»). Референтную группу составили носители русского языка, учащиеся философского и политологического факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова.

Цели освоения дисциплины

Основной целью курса является знакомство учащихся с концептосферой русского языка посредством изучения русской песенной традиции, что способствует совершенствованию навыков анализа художественного текста, а также развитию навыков межкультурной коммуникации и – шире – формированию билингвальной личности.

Задачи освоения дисциплины:

– познакомить учащихся с русской песней в ее классическом и современном исполнении;

– представить жанр песни для междисциплинарного осмысления;

– научить технике комментированного чтения текста песни;

– научить выявлять и анализировать ассоциативное поле художественного текста;

– научить понимать функции прецедентных текстов и отсылок к ним в текстах песен;

– выявлять интертекстуальные связи и описывать межкультурные «диалоги» в контексте аудиальной словесности;

– научить сопоставлять концепты в русской и родной культуре;

– научиться применять полученные знания для решения задач научно-исследовательской, педагогической и культурно-просветительской деятельности и др.

1. Место дисциплины (модуля) в структуре ОПОП ВО: относится к вариативной части ОПОП ВО

А. Информация об образовательном стандарте и учебном плане:

– тип образовательного стандарта и вид учебного плана: ММ – магистр МГУ;

– направление подготовки (в соответствии с образовательным стандартом): «Филология»;

– наименование учебного плана: «Филология»;

– магистерская программа: «Русский язык и культура в современном мире».

Б. Информация о месте дисциплины в образовательном стандарте и учебном плане:

– вариативная часть, профессиональный цикл; 3 семестр II года магистратуры; междисциплинарный курс.

В. Перечень дисциплин, которые должны быть освоены для начала освоения данной дисциплины:

– дисциплины первого года обучения в магистратуре;

Г. 36 академических часов и 36 часов самостоятельной работы; итого: 72 часа (2 зачетные единицы).

Д. Форма промежуточной аттестации: зачет.

2. Входные требования для освоения дисциплины (модуля), предварительные условия (если есть)

Освоение дисциплин базовой подготовки по филологии в объеме программы бакалавриата (магистрантам необходимы знания, приобретенные на курсах по общему языкознанию, когнитивной лингвистике и лингвокультурологии); владение русским языком не ниже уровня В2.

3. Результаты обучения по дисциплине (модулю), соотнесенные с требуемыми компетенциями выпускников

Процесс освоения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций.

Компетенции выпускников (коды) и планируемые результаты обучения по дисциплине (модулю), соотнесенные с компетенциями

1) Готовность к самостоятельному получению новых знаний, в том числе в смежных областях науки и творческому использованию их в практической деятельности (УК-2).

ЗНАТЬ

– методы получения современного научного знания;
– методы организации познавательной деятельности;
– ведущие информационные системы и базы данных филологического и общегуманитарного профилей, а также смежных областей в России и мире.

УМЕТЬ

– анализировать и применять теоретические и практические знания для собственных научных исследований;
– пользоваться поисковыми системами основных профессиональных баз данных;
– пользоваться электронными и оффлайновыми библиотечными каталогами;
– анализировать тексты разной жанровой и стилевой принадлежности;
– формулировать научные проблемы на основе анализа русской песенной традиции и современных тенденций в области аудиальной словесности.

ВЛАДЕТЬ

– навыками самостоятельного поиска информации в основных российских базах данных филологического профиля;
– навыками филологической интерпретации художественного, научного и публицистического текста;
– навыками аудирования, восприятия на слух текста песни на русском языке.

2) Владение терминологическим аппаратом современной науки о языке, литературе и культуре, методами научного исследования языка, литературы и культуры; понимание тенденций и перспектив развития языка, литературы и культуры; знание современных методов анализа текста и дискурса, применение их в теоретических разработках и практической деятельности (ОПК-4)

ЗНАТЬ

– основные музыкальные жанры;
– жанры аудиальной словесности и подходы к их изучению;
– основные подходы к изучению песни как лирического жанра;

– актуальные проблемы, традиционные и современные методы исследования текстов песен;

– терминологический аппарат стилистики, концептологии, лингвокультурогии;

– основные типы языковых единиц, отражающих культурную информацию.

УМЕТЬ

– применять методы анализа, обобщения и систематизации в теоретических разработках и практической деятельности;

– выдвигать самостоятельные идеи и гипотезы;

– самостоятельно определять художественное своеобразие песни на основе текста;

– самостоятельно определять и анализировать концепты русской языковой картины мира;

– выявлять идиостилевые особенности отдельных авторов и исполнителей песен.

ВЛАДЕТЬ

– терминологическим аппаратом изучаемого курса;

– навыками анализа, комментирования, реферирования и обобщения результатов научных исследований с использованием современных методик;

– навыками лингвокультурологического анализа текста;

– навыками концептуального анализа художественного текста в контексте историко-литературного процесса с XIX в. вплоть до XXI в.

3) Способность с филологической и общегуманитарной точки зрения осмыслять, описывать и анализировать разнообразные феномены языка, литературы, культуры, сознания, общественной жизни (тексты, произведения, ситуации, процессы и т. п.; ПК-14)

ЗНАТЬ

– основные принципы ведения дискуссии (научной или общекультурной);

– основные приемы анализа проблемно-тематического аспекта художественного произведения;

– особенности функционирования языковых единиц в песенных текстах.

УМЕТЬ

– применять филологическую теорию в прикладных областях;

– соотносить явления русской песенной традиции с явлениями общественной жизни и культуры;

– создавать, редактировать, реферировать тексты различной стилистической и жанровой принадлежности

ВЛАДЕТЬ

– навыками публичных выступлений в разновозрастной аудитории;

– навыками научного письма.

4) Способность демонстрировать знание основных этапов истории и закономерностей развития русской художественной культуры, прежде всего русской аудиальной словесности; владение фоновыми знаниями, необходимыми для понимания фактов русской культуры и адекватной интерпретации текстов песен, отвечающих широкому спектру коммуникативных задач; умение использовать в профессиональной деятельности различные функциональные стили русского языка (СПК-5)

ЗНАТЬ

– закономерности эволюции языка русской песенной поэзии;

– основные концепты русской культуры;

– основные прецедентные песни на русском языке;

– основных авторов и исполнителей песен на русском языке;

– основные фреймы, мнемы, символы, жесты русской лингвокультуры;

– основные онимы и топонимы, которые встречаются в текстах песен на русском языке.

УМЕТЬ

– сопоставлять явления российской и западной песенной традиции;

– прослеживать трансформации заимствованных в европейской и восточной культуре идей в текстах русских песен;

– сопоставлять тексты песен на русском языке XIX, XX и XXI вв.;

– выявлять актуальные для начала XXI в. языковые, литературные и культурные тенденции;

– определять ассоциативное поле текста песни;

– сопоставлять текст песни с видеорядом (клипом).

ВЛАДЕТЬ

– «пассивным» словарем до 10–12 тысяч лексических единиц;

– навыками филологической экспертизы, анализа, редактирования и критики текстов песен;

– навыками аудирования с целью исследования исполнительской стратегии.

4. Формат об учения

Группы иностранных магистрантов второго года обучения; обучение очное с возможностью применения дистанционных технологий; текущий контроль успеваемости в форме реферата и устного опроса, итоговый контроль – в форме зачета.

5. Объем дисциплины

Курс семестровый. Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (36 + 36 часов), из которых 18 часов – лекционные занятия, 18 часов – практические занятия (семинары), 36 часов – самостоятельная работа учащихся.

6. Содержание дисциплины, структурированное по темам с указанием отведенного на них количества академических часов и виды учебных занятий

6.1. Структура дисциплины

Наименование и краткое содержание разделов и тем дисциплины	Всего (часы)	В том числе			
		Контактная работа (работа во взаимодействии с преподавателем). Виды контактной работы, часы			**Самостоятельная работа обучающегося, часы**
		Лекционные занятия	Семинарские занятия	Всего	
Тема 1. Введение в изучение предмета. Цели и задачи курса	6	2	2	4	2
Тема 2. Концепт РУССКАЯ ТРОЙКА на материале песен «В лунном сиянье», «Конь», «Кони привередливые», «Думай сам», «Колеса»	8	2	2	4	4
Тема 3. Концепт ГОРОД на материале песен групп «Танцы-минус», «25/17», «Зоопарк»	8	2	2	4	4
Тема 4. Концепты МОСКВА и ПЕТЕРБУРГ на материале песен «Ах, Арбат…», «Да! Теперь решено. Без возврата», «Для нее», «Москва-Нева», «Черный пес», «Трасса Е-95»	10	2	2	4	6 (домашняя проверочная работа)
Тема 5. Концепт ТОСКА на материале песен «Романс», «Грусть моя, тоска моя», «Никто не услышит», «Древнерусская тоска», «Это всё» (ДДТ), «Это всё» (Баста).	6	2	2	4	2
Тема 6. Концепт ОСЕНЬ на материале песен «Вальс Бостон», «Что такое осень», «Осень» (Slim, Птаха, Братубрат), «Сентябрь», «Бумажный журавль», «Осень» (25/17), «Осень» (Баста)	8	2	2	4	4
Тема 7. Концепт БОГ на материале песен «Молитва», «Бог устал нас любить», «Город золотой», «На запад солнце»	8	2	2	4	4 Реферат

Тема 8. Христологические образы» в художественном тексте на материале песен «Христос», «Чудак», «Я не люблю», «Прогулки по воде», «Фома»	10	2	2	4	6
Тема 9. Понятие русского архетипа. Классификация архетипов. Сказочные мотивы в песенной традиции. Амбивалентность концептов РУССКАЯ ДУША и ДУРАК	8	2	2	4	4 (чтение и реферирование научной литературы, подготовка докладов, подготовка к итоговой аттестации)
Итоговая аттестация: зачет (форма проведения – устно)	6				
Итого	72	18	18	36	36

6.2. Содержание дисциплины

Тема 1. Введение в изучение предмета. Цели и задачи курса. Классификация песенных жанров. Понятие «аудиальная словесность» в литературоведческом осмыслении. Понятие «концепт». Методы анализа и описания концептов. Особенности концептосферы русского языка. Словарь Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры». Художественный текст как объект концептуального анализа.

Тема 2. Концепт РУССКАЯ ТРОЙКА на материале песен «В лунном сиянье», «Конь», «Кони привередливые», «Думай сам», «Колеса». Выявление и анализ основного метафорического ряда (*дорога*, *путь*, *судьба*) на семантическом уровне. Образы тройки, коня / лошадей, ямщика. Обращение к прецедентному тексту «Русь, куда ж несешься ты?» (Н.В. Гоголь). Мотивы гибели, отчаяния, разгула и их роль в структуре концепта РУССКАЯ ТРОЙКА.

Тема 3. Концепт ГОРОД на материале песен групп «Танцы-минус», «25/17», «Зоопарк». Урбанистический пейзаж в аудиальной словесности. Выявление основополагающих мотивов – греховности и возмездия – в теме урбанизма. Эмотив *скука*. Обсуждение оппозитивных отношений между понятиями *столица – уездный город (N)*.

Тема 4. Концепты МОСКВА и ПЕТЕРБУРГ на материале песен «Ах, Арбат…», «Да! Теперь решено. Без возврата», «Для нее», «Москва-Нева», «Черный пес», «Трасса Е-95». Виртуальные прогулки по Москве и Петербургу: к разговору о городской топонимике. ЛСГ ‘улица, переулок, проспект, шоссе, трасса’. Антропоморфные черты в словах-топонимах.

Тема 5. Концепт ТОСКА на материале песен «Романс», «Грусть моя, тоска моя», «Никто не услышит», «Древнерусская тоска», «Это всё» (ДДТ), «Это всё» (Баста). ЛСГ ‘тоска, хандра, сплин, грусть, печаль’. Типы отсылок к прецедентным текстам. Прецедентные имена и их аксиологическое значение: три богатыря, Ярославна, Князь Владимир и др. Категория интертекстуальности и ее функция в постмодернистских песенных текстах.

Тема 6. Концепт ОСЕНЬ на материале песен «Вальс Бостон», «Что такое осень», «Осень» (Slim, Птаха, Братубрат), «Сентябрь», «Бумажный журавль», «Осень» (25/17), «Осень» (Баста). Ассоциативные цепочки и их значение в формировании образа осени в русской песенной традиции. Антропоморфные черты осени. Русский ассоциативный словарь. Мотивы ожидания и утраты. Типологический анализ «осенних» текстов А.С. Пушкина и современных рок-исполнителей.

Тема 7. Концепт БОГ на материале песен «Молитва», «Бог устал нас любить», «Город золотой», «На запад солнце». Понятие «икона» в русской ЯКМ. ЛСГ ‘Бог, Боже, Господь, Господи, Христос, Он, Спаситель’. Религиозная проблематика в русской песенной традиции. Фрейм МОЛИТВА. Семантика жеста в православной традиции.

Тема 8. «Христологические образы» в художественном тексте на материале песен «Христос», «Чудак», «Я не люблю», «Прогулки по воде», «Фома». Обсуждение прецедентных имен (Иисус Христос, Апостол Андрей, Фома «неверующий», Каин и др.) и прецедентных текстов («Идиот», «Мастер и Маргарита» и др.), связанных с религиозной проблематикой.

Тема 9. Понятие русского архетипа. Классификация архетипов. Сказочные мотивы в песенной традиции. Амбивалентность концептов РУССКАЯ ДУША и ДУРАК на материале песен «Инок, воин и шут», «Бездельник», «Бит шатает голову», «Никита Рязанский», «Дубровский», «Ой, мама, мама», «Пока не выключат свет», «Сибирский марш». Соотношение терминов *архетип*, *прецедентное имя* и *концепт*. Социальная роль и ее функция в формировании архетипа. Прецедентные имена: *Иван-дурак*, *Емеля*, *Колобок*, *Ермак* и др.

7. Фонд оценочных средств (ФОС) для оценивания результатов обучения по дисциплине

7.1. Типовые контрольные задания или иные материалы для проведения текущего контроля успеваемости

ТЕМЫ ДЛЯ ДОКЛАДОВ, РЕФЕРАТОВ, ПРЕЗЕНТАЦИЙ, ЭССЕ

1. Метафора дороги-судьбы в русских песнях
2. Образ тройки и ямщика в русском романсе и бардовской песне
3. Символическое значение слов *конь* и *колесо* в текстах русских песен
4. Прецедентная единица *птица-тройка* в русской песенной традиции
5. Ассоциативная цепочка *тройка-колокольчик-поле-мчаться* как русский культурный код
6. Творчество В. Высоцкого в истории становления русского рока
7. Соотношение понятий «рок» и «рок-н-ролл» в русской песенной традиции
8. Лексико-семантическое поле ДВИЖЕНИЕ в русских песнях о дороге
9. Мотив гибели, разгула, сумасшествия в современных русских песнях
10. На краю: к вопросу о диалектике загадочной русской души (на материале песен)
11. Городская топонимика в русских песнях
12. Образ столицы и уездного города, городка в русских песнях
13. «Зоопарк» и Майк Науменко: творческий путь
14. Урбанистические мотивы в современных русских песнях
15. Песня «Город-сказка» и фильм «Брат-2»
16. Две столицы России и их символы (на материале русских песен)
17. «Трасса Е-95» как прецедентный текст русской лингвокультуры
18. Рок-поэзия как развитие петербургского текста русской литературы
19. Образ москвича: от Б. Окуджавы до GUFa
20. Клип и саундрек как модели художественного текста.
21. Концепт ТОСКА в русской песенной традиции
22. Поэтика предельности: диалогический характер песен «Это всё»

23. Прецедентные тексты в структуре концепта ТОСКА (на материале авторских песен XX в., творчества Б. Гребенщикова и группы «25/17»)
24. Функции междометий и частиц в текстах песен
25. «Осенний» текст в традиции русского рока
26. Коллизии любви и смерти в «осенних» текстах рэп-исполнителей
27. Пейзаж и его функции (на материале песен и клипов Ю. Шевчука, А. Башлачева и К. Кинчева)
28. Образ Бога в русской песенной традиции: божественное и антропоморфное
29. Соотношение концептов МОЛИТВА и ТВОРЧЕСТВО в современной альтернативной поэзии
30. Концепт ИСТИНА в русских песнях: христианский миф (на материале песен В. Высоцкого, И. Кормильцева, А. Васильева и др.)
31. Образы учителя и ученика в текстах русских песен
32. Понятие «юродство» в фольклоре и художественном тексте
33. Мотивы веры и неверия в русской песне: философский аспект
34. Национальные особенности русского архетипа. Типология характеров
35. Фольклорные образы и мотивы в рок- и рэп-поэзии
36. Сакральное и профанное в концепте ДУРАК (на материале песен В. Цоя, К. Кинчева, А. Васильева)
37. Песни о Родине: темы, образы, интенции (песни «Алисы» и «25/17»)
38. Литературоцентричность как один из принципов аудиальной словесности: диалог с классической литературой

7.2. Типовые контрольные задания или иные материалы для проведения промежуточной аттестации

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Русская песня: периодизация
2. Жанровое своеобразие русской песенной традиции
3. Песня как синтез текста и музыки: сопоставление с классической поэзией
4. Русская песня: массовость и элитарность
5. Музыкальные субкультуры в СССР и России
6. Понятие «русский романс» и «авторская песня»
7. Бардовская песня: основные имена и прецедентные тексты
8. Роль авторской песни в национальном культурном пространстве (на примере анализа трех песен)
9. Понятия «рок», «рок-н-ролл», «рок-баллада», «лирический рок»
10. Альтернативная поэзия или аудиальная словесность: к вопросу о жанровом своеобразии рок- и рэп-поэзии
11. Русский рок: основные имена и прецедентные тексты
12. Поэтическая традиция русского рэпа
13. Интертекстуальность как прием построения песенного текста (на примере трех песен разных авторов)
14. Образ исполнителя в песенной традиции: биография и автобиографический миф
15. В. Высоцкий: основные этапы творчества
16. Б. Окуджава и Ю. Визбор: традиции бардовской песни

17. В. Бутусов и И. Кормильцев: творческий союз. История группы «Наутилус Помпилиус»

18. Группа «25/17» среди современных рэп-исполнителей

19. Основные концепты в русской песенной традиции

20. Концепт и его структура (на примере концепта РУССКАЯ ТРОЙКА)

21. Урбанистические мотивы в современных русских песнях

22. «Христианский рок» в России: становление и современное состояние

23. Семантика фольклорных образов в современной аудиальной словесности

24. От концепта ОСЕНЬ – к концепту ТОСКА: смысловые доминанты, основные интенции и образы

25. Топонимы и их роль в конструировании московского и петербургского текстов

26. Философские мотивы в русских песнях

27. Образ нового героя в постсоветскую эпоху: фильм А. Балабанова «Брат» и его музыкальное оформление

28. Тема детства в русском рэпе (на материале песен CENTR, 25/17, Хаски)

ПРИМЕРЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ

I. Прочитайте текст, раскрывающий суть концепта РУССКАЯ ТРОЙКА, ответьте на вопросы после текста.

Россия простирается Запада на Восток на 10 часовых поясов, и для такой необъятной страны громадное значение всегда имели дороги и транспортные связи. Русская тройка – уникальный конный транспорт, который позволяет на высокой скорости преодолевать огромные расстояния.

Запрягать значит привязывать посредством *упряжи* лошадь к какому-либо транспорту. В одной упряжке может быть одна, две, три и т. д. лошади. Русская тройка – это *упряжка* из трех лошадей, стоящих в одной линии. По центру такой упряжки впрягали сильную, коренную лошадь, а по бокам – пристяжных лошадей. Таким образом русская тройка могла двигаться на скорости от 45 до 50 километров в час.

Русская тройка – довольно большой транспорт, который может проехать только по широкой дороге (поэтому она не прижилась в Европе). Чтобы на дороге не происходило столкновений нескольких троек, придумали специальный сигнал – колокольчик (см. рис.).

Тройка приобрела широкую популярность в России на рубеже XVII–XVII вв. и сначала успешно использовалась в почтовых целях. Позже на ней стали перевозить пассажиров, используя специальных людей-извозчиков – ямщиков. Именно поэтому с русской тройкой связано такое явление, как *ямщицкая культура*: одежда и обувь, специальные одеяла для зимних поездок, суеверия, анекдоты и, конечно, песни. Широко известны как старинные, так и современные песни, в которых упоминается русская тройка: романсы «Степь да степь кругом», «Когда я на почте служил ямщиком», «Однозвучно гремит колокольчик», «В лунном сиянье», песня В. Высоцкого «Кони привередливые», «Три белых коня» из к/ф «Чародеи» (1982) и многие-многие другие. Упоминается о ней и в стихотворении А.С. Пушкина «Зимняя дорога».

Русская тройка считается одним из символов России. Приезжие иностранцы, впервые увидевшие русскую тройку, летящую по дороге, замирали в изумлении: такой красоты и головокружительной скорости нельзя было увидеть ни в одной стране мира. С тройкой связывают не только быструю езду, но и русскую удаль, безудержную радость и даже мятущуюся загадочность русской души.

Вытесненная автомобильным и железнодорожным транспортом, оказавшись в забвении, традиция катания на русской тройке все-таки сумела остаться важной частью русской культуры. Память об уникальной упряжке сохранилась благодаря живописным

полотнам художников, а крылатые слова Н.В. Гоголя о птице-тройке актуальны и по сей день.

1. В каком значении используется слово *тройка* в тексте? Какие еще значения слова *тройка* вы знаете? Как вы можете объяснить, почему тройка «русская»? Есть ли похожие феномены в вашей культуре?

2. Как вы думаете, можно ли встретить в современной России «русскую тройку»? Приведите примеры.

3. В каких песнях упоминается «русская тройка»? Как вы думаете, с какими мотивами связан данный образ?

3. Символом чего может выступать «русская тройка»?

II. Прочитайте один из наиболее известных отрывков из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» с комментарием. Выделите в тексте ключевые слова. Составьте с ними несколько предложений. Знакомы ли вы с полным текстом поэмы «Мертвые души»? Как вы думаете, почему именно этим отрывком заканчивается первый том поэмы Н.В. Гоголя?

«…Эх[1], тройка! птица[2] тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого[3] народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем[4] разметнулась[5] на полсвета, да и ступай[6] считать вёрсты[7], пока не зарябит[8] тебе в очи[9]. <…> Не в немецких ботфортах[10] ямщик[11]: борода да[12] рукавицы[13], и сидит чёрт знает[14] на чём; а привстал[15], да замахнулся[16], да затянул[17] песню – кони вихрем[18], спицы[19] в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула[20] дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась[21]!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит[22] и сверлит воздух. Не так ли и ты, Русь, что[23] бойкая необгонимая[24] тройка несешься[25]? Дымом дымится[26] под тобою дорога, гремят мосты, всё отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель[27]: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас[28] движение? и что за неведомая[29] сила заключена в сих[30] неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони[31]! <…> Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом[32] напрягли медные груди и, почти не тронув[33] копытами[34] земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится[35] вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты?[36] дай ответ. Не дает ответа. Чудным[37] звоном заливается[38] колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть[39] на земли, и, косясь[40], посторaниваются[41] и дают ей дорогу другие народы и государства...».

Комментарий

[1] **эх** – *межд.* выражает сожаление с оттенком задумчивости. *Приведите примеры употребления межд.* ***эх*** *в речи. Как бы вы перевели его на свой родной язык?*

[2] **птица тройка** – *перен. Как вы думаете, почему автор называет тройку «птицей»? Ср. птица летит и кони летят <…>.*

III. Прослушайте и прочитайте текст песни «В лунном сиянье» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

В лунном сиянье[1] снег серебрится[2],
Вдоль по дороженьке[3] троечка[4] мчится[5].
Динь-динь-динь динь-динь-динь[6] –
Колокольчик звенит.
Этот звон, этот звон о любви говорит.
В лунном сиянии, ранней весною
Помнишь ли встречи, друг мой, с тобою?
Колокольчиком, твой, голос юный звенел

Этот звон, этот звон о любви сладко пел.
Вспомнился зал мне с шумной толпою,
Личико[7] милой с белой фатою[8].
Динь-динь-динь динь-динь-динь –
Звон бокалов звенит.
С молодою женой мой соперник стоит.
Динь-динь-динь динь-динь-динь –
Колокольчик звенит.
Много мне говорит…

Комментарий

[1] **сиянье** – яркий свет; то же, что **сияние**.
[2] **серебриться** – блестеть **серебряным** цветом. *Образуйте по аналогии гл. от прил.* ***золотой***.
[3] **дороженька** – уменьш.-ласк. **дорога**. *Обратите внимание на чередование г/ж. Образуйте с помощью этого же суф. слова от* ***нога***, ***подруга***, ***Бог; река***, ***дочь***, ***ночь***.
[4] **троечка** – *Как образовано данное сл.? Образуйте с помощью этого же суф. слова от* ***двойка***, ***четверка***, ***пятерка***, ***десятка***.
[5] **мчаться** – двигаться очень быстро. *Назовите гл. с близким зн.*
[6] **динь-динь-динь**… – *Звук чего передает данное межд.? Какие звуки передают межд.* ***бом***, ***дзынь***, ***бух****? Приведите примеры похожих междометий в своем языке.*
[7] **личико** – уменьш.-ласк. **лицо**. *Образуйте с помощью этого же суф. слова от* ***глаз***, ***рот***, ***лоб***, ***плечо***, ***волосы***.
[8] **фата** – головной убор-украшение невесты на свадьбе

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Где находится лирический герой в момент повествования в данной песне?

2. Как бы вы сформулировали основную тему песни? Какие мотивы с ней связаны?

3. О чем вспоминает герой? Перескажите его «историю».

4. Как вы думаете, почему в песне употребляются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами?

5. Как вы думаете, какие чувства испытывает лирический герой в данной песне? Аргументируйте свой ответ.

6. Выделите в тексте три ключевых слова. Обоснуйте свой выбор. Составьте с ними предложение.

7. Какие слова в данной песне, на ваш взгляд, имеют символическое значение?

8. Подготовьте устный или письменный рассказ «В лунном сиянье», используя ключевые слова из текста песни.

IV. Прослушайте и прочитайте текст песни «Конь» группы «Любэ» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

Выйду ночью в поле с конём[1],
Ночкой темной тихо пойдём.
Мы пойдем с конём по полю[2] вдвоём,
Мы пойдем с конём по полю вдвоём.
Ночью в поле звёзд благодать[3]…
В поле никого не видать[4].
Только мы с конём по полю идём,
Только мы с конём по полю идём.
Сяду я верхом на коня.
Ты неси[5] по полю меня,

По бескрайнему полю моему,
По бескрайнему полю моему.
Дай-ка[6] я разок[7] посмотрю –
Где рождает[8] поле зарю.
Ай[9], брусничный[10] цвет, алый[11] да[12] рассвет,
Али[13] есть то место, али его нет.
Полюшко моё, родники[14],
Дальних деревень огоньки,
Золотая рожь[15] да кудрявый лён[16] –
Я влюблён в тебя, Россия, влюблён.
Будет добрым год-хлебород[17],
Было всяко[18], всяко пройдёт,
Пой златая[19] рожь, пой кудрявый лён,
Пой о том, как я в Россию влюблён!

Комментарий

[1] **конь** – *Объясните разницу в зн. сл.* ***конь*** *и* ***лошадь****. Как вы думаете, почему в тексте песни употребляется именно сл.* ***конь****?*
[2] **поле** – *Объясните зн. данного сл. (используйте иллюстрации). Какие ассоциации связаны со сл.* ***поле*** *в вашем родном языке? <…>.*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите в тексте односоставные предложения, определите их тип. Как их употребление влияет на стилистическую окраску текста песни?

2. Найдите в тексте слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Скажите, от каких слов они образованы. Какую функцию они выполняют в тексте?

3. Найдите в тексте эпитеты. Какую функцию они выполняют в тексте? Составьте с некоторыми из них предложения.

4. Сравните текст песни «В лунном сиянье» и «Конь». Есть ли в них что-либо общее? Аргументируйте свой ответ.

5. Выделите в тексте песни слова, входящие в тематическую группу «Россия». Составьте с данными словами предложение. Какие еще тематические группы можно выделить в тексте песни?

6. Напишите 3–4 ассоциации на слово «конь». Объясните свой выбор. Сравните свои ответы с ответами других учащихся. Составьте предложение, используя полученные ассоциации.

7. Как вы думаете, почему песня называется «конь»? Предложите другой вариант названия. Объясните свой выбор.

V. Прослушайте и прочитайте текст песни Владимира Высоцкого «Кони привередливые» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

Вдоль обрыва[1], по-над[2] пропастью[3], по самому по[4] краю
Я коней своих нагайкою[5] стегаю[6], погоняю…
Что-то[7] воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю…
Чую[8] с гибельным восторгом[9]: пропадаю, пропадаю!
Чуть[10] помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть[5]!
Но что-то[7] кони мне попались привередливые[11] –
И дожить не успел, мне допеть не успеть[12].
Я коней напою, я куплет[13] допою, –

Хоть[14] мгновенье[15] ещё постою на краю…
Сгину[16] я – меня пушинкой[17] ураган сметёт[18] с ладони,
И в санях[19] меня галопом[20] повлекут[21] по снегу утром…
Вы[22] на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту[23]!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут[5] и плеть[5]!
Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий[24].
Так что ж[25] там ангелы поют такими злыми голосами?!
Или это колокольчик весь зашёлся[26] от рыданий[27],
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь[28] не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые…
Коль[29] дожить не успел, так хотя бы[30] – допеть!

Комментарий

[1] **обрыв** – крутой берег. *Назовите однокоренные сл.*
[2] **по-над** – *нар.-поэт.* над и около, вдоль
[3] **прóпасть** – крутой, глубокий обрыв, бездна <...>.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Знакомы ли вы с творчеством Владимира Высоцкого? Какова манера исполнения его песен? Какое настроение передается в песни «Кони привередливые»?

2. Как вы поняли зн. прил. *привередливый*? С какой просьбой и почему обращается к коням герой песни? Как вы поняли, сколько коней в песне? Как вы думаете, почему в тексте песни употребляется сл. *кони*, а не *лошади*?

3. Что объединяет тексты песни группы «Любэ» и Владимира Высоцкого? Чем они различаются?

4. Выделите в тексте песни слова, входящие в тематическую группу «быстрое движение». Составьте с данными словами предложения. Какие еще тематические группы можно выделить в тексте песни?

5. Как вы думаете, какова главная тема данной песни? Аргументируйте свой ответ.

6. Сравните текст песни со строками из трагедии А.С. Пушкина «Пир во время чумы»:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

7. Найдите изображение надгробного памятника Владимиру Высоцкому. Обратите внимание на фигуры, помещенные за спиной поэта. Как вы думаете, почему скульптор выбрал именно такое изображение Высоцкого?

8. Какие новые мотивы, связанные с образом русской тройки, присутствуют в песне Владимира Высоцкого? Дайте как можно более подробную характеристику лирического героя в песне «Кони привередливые».

VI. Прослушайте и прочитайте текст песни группы «25/17» «Думай сам» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

Надо чаще улыбаться, быть на позитиве[1],
Хранить мир в сердце, когда бардак[2] в мире.
Просто жить, просто быть, просто спать и есть.
Ненависть, ненависть, ненависть[3]!
Уличной грязью меня хватает за подошвы[4],
Нежно шепчет на ухо: «Ты такой хороший,
Забери меня, я никогда тебя не брошу.
Ты будешь всадником[5], я твоей покорной лошадью.
Мы помчимся[6], мы полетим
И пусть горит огнём[7] этот третий Рим[8].
Эта отсталая, вечно немытая страна[9],
Быдло[10] и черти, а на троне – сатана[11]».
<…>

Припев:

Стёрты ноги по колени, все песни спеты.
Сколько надо поколений, чтоб выйти к свету[16]?
Сорок лет или сорок тысячелетий[17]?
Я знаю, кто всё знает, но он не ответит.
Думай сам! Делай сам![18] Бойся, верь и проси[19],
Там, где рожь колосится[20], выйди и голоси[21],
И тебя услышат, и ты без слов услышишь,
Каждый день мы ближе, с каждым шагом ближе.
<…>

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы думаете, в каком настроении находится лирический герой? С какой интонацией поется и читается песня?

2. Какие местоимения используются в песне? Как вы думаете, к кому обращается лирический герой?

3. Как вы понимаете зн. выражения *стёрты ноги по колени*? Какие «идущие» герои упоминаются в песне? *Идет* ли главный герой песни?

4. Как вы думаете, о чем эта песня? Что объединяет эту песню с предыдущими? Найдите в тексте ключевые слова, которые формируют ядро концепта «русская тройка? Составьте с ними свои предложения.

5. Голоса скольких исполнителей вы услышали? На сколько смысловых частей можно разделить песню? Какие два понятия (концепта) в последнем куплете противопоставлены понятию *русская тройка*?

6. Сколько раз в тексте песни употребляется сочетание *пост(-)*? В каких значениях? Как называется троп в литературоведении, когда употребляются близкие по звучанию, но разные по значению слова? Как вы понимаете, что такое *постмодерн*?

7. Как вы думаете, почему в песне используются отсылки к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия…» (1841)? Что вам известно о биографии этого поэта? Что объединяет лирического героя песни и героя М. Лермонтова?

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

8. Какой обобщенный образ России и русских рисуется в песне? Как вы бы описали Россию?

VII. Прочитайте текст, раскрывающий суть понятия «архетип», ответьте на вопросы после текста.

В психологии архетипом (от *греч*. arche – начало, typos – образец) называют врожденные психические структуры, являющиеся результатом исторического развития человечества, представляющие собой «коллективное бессознательное». Впервые данный термин был введён психоаналитиком и исследователем мифов Карлом Юнгом, но позже стал активно использоваться и в других гуманитарных науках.

В лингвокультурологии существует множество различных определений «архетипа»: «антропологическая константа», «родовые способы концептуализации действительности», «первичный концепт», «метаконцепт» и др. По определению Ю. Степанова, архетип является базовой моделью человеческого мировосприятия, своего рода «мостиком» между миром ментальным и миром реальности.

В целях исследования русской песенной традиции мы будем называть архетипом *совокупность характеристик, воплощенных в художественном тексте в конкретном архаическом образе*. Архетип может быть выражен нарицательным существительным со значением лица (*богатырь*, *дурак*, *царевна*, *мать-земля* и др.), или собственным существительным: именем сказочного / литературного персонажа (*Иван-дурак*, *Колобок*, *Левша*), или именем легендарного исторического лица (*Ермак*). Значение подобных единиц языка включает в себя яркий образный компонент, который можно назвать архаическим и константным. Архаический – относящийся к раннему этапу развития культуры; константный – существующий постоянно или очень долгое время.

Русские архетипы являются результатом образного осмысления действительности на протяжении многих веков и отражают накопленные национальные ценности.

VIII. Прослушайте и прочитайте текст песни «Загадочная русская душа» из к/ф «Чокнутые» (1991) с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

По струнам[1] ходят пальцы не спеша,
я вглубь себя, как в омут[2] погружаюсь,
Мне кажется к тебе я приближаюсь,
Загадочная русская душа[К]…
Загадочная русская душа,
В тебе сегодня песенная нежность,
А завтра безрассудная[3] мятежность[4]…
Так хороша ли ты, не хороша,
Так хороша ли ты, не хороша?
Рвану в отчаянии на груди рубашку[К],
И ты открыта настежь[5], нараспашку[К],
Загадочная русская душа.
Загадочная русская душа −
Порой безумной радости источник,

То вдруг бываешь сумрачнее[6] ночи,
Осенней безнадежностью[7] дыша…
Осенней безнадежностью дыша,
Ты долго ль так продержишься? Едва ли[8]…
И снова мчишься в голубые дали,
Загадочная русская душа…
Загадочная русская душа,
Мне кажется, к тебе я приближаюсь.
Я вглубь себя, как в омут погружаюсь,
Перебирая[9] струны не спеша.

Комментарий

I

[1] **струна** – нить (обычно металлическая) в музыкальных инструментах для получения звуков. Ср. ***струны*** *гитары*, *балалайки*, *мандалины*, *арфы*, *скрипки*, *виолончели* и др. *Как вы понимаете значение выражения* ***пальцы ходят по струнам****? О каком музыкальном инструменте идёт речь? <…>*

II

Рубашка / **рубаха** – традиционный элемент русского национального костюма. При Петре I **рубашка** как основной элемент одежды осталась только у людей простых сословий (крестьян). С середины XIX в.1869 г. **рубаха** становится обязательным элементом одежды Русской армии. С **рубашкой / рубахой** в русской культуре связаны некоторые традиции. Например: чистые белые **рубашки** надевали воины перед битвой; **рубашку** на груди разрывали перед лицом врага, когда нечем было защищаться. Слово **рубашка / рубаха** входит в ряд фразеологизмов, пословиц и поговорок: *родиться в* ***рубашке***, *остаться в одной* ***рубашке****, своя* ***рубашка*** *ближе к телу*, ***рубаха****-парень*. Как вы думаете, в каких ситуациях используются данные фразеологизмы? Какой фразеологизм употребляется в тексте песни?

Нараспашку − от *глаг.* **распахивать** / **распахнуть** – широко, настежь открывать / открыть. Изначально употреблялось по отношению к одежде. Ср. *ходить в пальто* ***нараспашку***. В разговорной речи широко употребляется фразеологизм *душа* ***нараспашку*** – о простом, откровенном, искреннем человеке. Как вы думаете, открытость – это положительная или отрицательная характеристика человека? Почему?

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите в тексте средства художественной выразительности при описании русской души (метафора, метонимия, сравнение и др.). Выпишите из текста ключевые слова и составьте в ними свои предложения.

2. В чем заключается особенность синтаксиса текста данной песни? Приведите примеры.

3. С какой интонацией исполняется эта песня? Как вы думаете, какая эмоция лежит в ее основе?

4. Какой музыкальный инструмент звучит в данной песне? Как это отражается в тексте?

5. Как вы думаете, какой музыкальный инструмент ассоциируется с русской культурой? Какой музыкальный инструмент является символом вашей культуры?

6. Как вы думаете, как связаны концепты русская тройка и русская душа? Какой из данных концептов, на ваш взгляд, шире?

7. Прочитайте известное стихотворение Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять…» (1866). Как вы думаете, почему Россию нельзя понять умом? Согласны ли вы с этим?

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:

У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

IX. Дайте определение слову «русский». Придумайте примеры употребления этого слова в различных значениях.

X–1. Прочитайте текст из Лингвострановедческого словаря. Как вы понимаете различие в значении слов *Русь* и *Россия*?

От слова Русь образовалось современное название национальности *русские*, то есть жители Руси. В поэзии и публицистике до сих пор Русью и матушкой-Русью называют Россию, желая подчеркнуть этим связь истории и современности, любовь к Отечеству. Святой Русью называют страну, когда хотят подчеркнуть её связь с православием.

Многие известные строки русских поэтов и писателей о Руси-России стали крылатыми словами: название поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»; слова Н.В. Гоголя из поэмы «Мёртвые души»: «Русь, Куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа»; строки из стихотворения С.А. Есенина «Россия»: Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, Дайте родину мою»; слова поэта Н.М. Рубцова: «Россия, Русь! Храни себя, храни!».

(Лингвострановедческий словарь)

X–2. Какие варианты названия страны «Россия» вы знаете? Какие оттенки значения они передают? Есть ли варианты названия вашей страны? Приведите примеры.

XI. Прослушайте и прочитайте текст песни В. Кипелова «Будем жить, Мать Россия!» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

Эй[1], гони-ка[2], парень, с ветерком[3],
Чтобы пела кровь и пыль столбом[4]!
Пусть нам свистнет[5] старый леший[К] вслед,
Ведьма[К] спрячет в чаще[6] белый свет.
По родным дорогам,
Тёмным и убогим[7],
К чёрту в пасть[8],
Чтоб пропасть,
А потом воскреснуть[К]
И на том же месте
Крест вознести[К] золотой!
Справа – волнами то смех, то мат.
Кто-то бьёт из пушки наугад[9].
Слева – тишь да божья благодать[К].
Нет, умом тебя мне не понять[К]!
Тут и там святые,
Странные, босые[10].
А в глазах –
Небеса[К].
Но выпьют и закусят[11],
Всё до нитки спустят[12],
Норов[13] покажут крутой.
Будем жить, Мать Россия!
С нами – крестная сила[К].
Нет той беды,
Что пройдёт мимо нас стороной!
Были орды и ханы[К],
Грозные атаманы[К],

Но последнее слово
Всегда за тобой[14]!
Эй, гони-ка, парень, с ветерком.
К чёрту[15] думать о лихом былом[16],
Грянем[17] песню, да на весь окрест[18]!+
Бог не выдаст, свинья не съест[К]!
Эй, гони-ка, парень, на простор,
Нам не страшен ни один забор.
Вновь меняют пряники на кнут[К]
И веками люди чуда[К] ждут… <…>

Комментарий

I

[1] **эй** – *межд.*, *прост.* употребляется для привлечения внимания.
[2] **-ка** – *част.* в соч. с императивом употребляется для смягчения просьбы, приказа
[3] **с ветерком** – *разг.* быстро. *Как образовано данное выражение?* <…>.

II

В тексте песни встречаются слова и выражения, связанные с русской православной традицией: *воскресать* / *воскреснуть*, *святой*, *небеса*, *чудо*. Как вы думаете, почему автор к ним обращается? Объясните значение данных слов. Знаете ли вы другие слова из данной тематической группы?
Крест – главный символ христианства. На кресте, как пишет Библия, был казнен (распят) Иисус Христос. Кресты устанавливают на куполе православного храма, на могилах, изображают на иконах, носят на себе. **Возносить** / **вознести крест** – поднимать / поднять крест вверх. Традиция **вознесения** креста связана с праздником Воздвижения Креста Господня: когда в Иерусалиме был найден крест, на котором казнили Иисуса Христа, его три раза подняли вверх, чтобы все люди вокруг могли видеть его. **Крестная сила** – защитная сила Креста Господня, с которой связана традиция креститься (символически изображать на себе рукой крест). Какие еще православные традиции вы знаете? Расскажите о них. <…>.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. К кому обращается лирический герой песни? Какие эмоции он переживает? Какими средствами это выражается в тексте? Как вы понимаете значение выражения *чтобы пела кровь*?

2. Найдите в тексте случаи противопоставления. Как вы думаете, какую функцию они выполняют в тексте?

3. Как вы думаете, какой важный для русской культуры концепт лежит в основе данной песни? Аргументируйте свой ответ.

4. Какие языковые единицы в тексте свидетельствуют от том, что эта песня о России? Выпишите их и составьте с некоторыми из них предложения.

5. Найдите в тексте песни случаи употребления местоимения *мы*. Дайте характеристику этому *мы*.

6. Как связаны между собой песни «Загадочная русская душа» и «Будем жить, Мать Россия!»?

XII. Терминологический опрос. Дайте определения следующим терминам и проиллюстрируйте эти определения примерами: концепт, ассоциация, цепочка ассоциаций, ассоциативное поле, прецедентный текст, отсылка к прецедентному тексту, топоним, фрейм, архетип.

XIII. Напишите эссе на тему «Концепт РУССКАЯ ТРОЙКА» / «Русские архетипы».

8. Ресурсное обеспечение

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНОЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Антология русской песни. М.: Изд-во «Эксмо», 2005.

Богомолов Н.А. Бардовская песня глазами литературоведа М.: Азбуковник, 2019. 408 с.

Доманский Ю.В. Субъект в художественных мирах актуальных направлений аудиальной словесности: стендап и рэп // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 2(35). Ч. 2. С. 302–312.

Кушнир А.И. 100 магнитоальбомов советского рока. 1977–1991: 15 лет подпольной звукозаписи. 395 с.

Не надо стесняться. История постсоветской поп-музыки в 169 песнях: 1991–2021 / Сб. статей под ред. А. Горбачева. М., 2021. 1110 с.

Ружицкий И.В. Контркультура в СССР и русский рок // Главы из истории русской культуры: Учебное пособие для иностранных учащихся. М.: МАКС Пресс, 2017. 23 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40−76.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Артёмов С. Тут все и кончилось: Когда и почему стала умирать рок-поэзия // Независимая газета. 2005. 20 окт.

Афанасьев А.С. Христианские мотивы в русской рок-поэзии: учебное пособие для студентов. Казань, Редакционно-издательский центр «Школа», 2014. 52 с.

Виноградова Т.Е. «Рок-поэзия А. Башлачева и Ю. Шевчука – новая глава Петербургского текста русской литературы» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 1. Тверь, 1998. С. 56–69.

Грудева Е.В. Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов // Научный диалог. 2021. № 9. С. 74–97 (DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-74-97).

Доманский Ю.В. «Провинциальный текст» Ленинградской рок-поэзии // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 1. Тверь, 1998.

Козицкая Е.А. «Чужое» слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 1. Тверь, 1998.

Логутов А.В. Субъектность популярного песенного текста: постановка проблемы и пути решения // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 2. С. 135–144.

Фролова Е.В. Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009–2013 гг.) М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 52 с. – (Серия WP20 «Философия и исследования культуры»).

Ярко А.Н. Петербургский текст и текст Бродского в творчестве группы «Сплин» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2016. № 16. С. 94−104.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ БАЗ ДАННЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ СПРАВОЧНЫХ СИСТЕМ

1. Каталог Российской государственной библиотеки: https://www.rsl.ru/ru/4readers/catalogues/

2. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: www.gramota.ru

3. Каталог Научной библиотеки МГУ: https://www.msu.ru/libraries/

4. Первый российский независимый иллюстрированный рок-журнал: https://www.rockcor.ru/

5. Информационный портал РЕПРОДУКТОР: https://reproduktor.net/

6 Информационный портал РЭП.РУ: https://www.rap.ru/

7. Информационный портал БАРДЫ.РУ: http://www.bards.ru/

9. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает доступ к интернету во внеаудиторное и аудиторное время; использование на занятиях компьютерного проектора и интерактивной электронной доски (специализированные мультимедийные кабинеты 950, 951); использование различного вида аудиовизуальных средств; виртуальная образовательная среда Moodle; доступность указанных ресурсов и литературы; поисковые системы WinDialex, WordCount и WordFinder.

10. Используемые образовательные, научно-исследовательские и научно-производственные технологии

Проблемная лекция, личностная ориентированность, диалогичность, межпредметность, мультимедийная презентация, активизация мыслительной деятельности, подготовка творческих работ и сообщений, дискуссии, работа в группах, моделирование проблемных ситуаций.

11. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы магистрантов, оценочные средства контроля успеваемости и про межуточной аттестации

Текущий контроль успеваемости проводится в форме аудиторных и внеаудиторных письменных заданий (контрольных работ), тестирования, устного опроса, докладов, рефератов, презентаций.

Разработчики:

Александра Андреевна Жукова,	Aleksandra A. Zhukova,
канд. филол. наук	PhD
преподаватель	Lecturer
филологический факультет	Philological Faculty
МГУ имени М.В. Ломоносова	Lomonosov Moscow State University
	alix_zhukova@mail.ru

Екатерина Владимировна Потемкина,	Ekaterina V. Potemkina,
канд. пед. наук	PhD
ст. преподаватель	Senior Lecturer
филологический факультет	Philological Faculty
МГУ имени М.В. Ломоносова	Lomonosov Moscow State University
	kpisareva@yandex.ru

Научная жизнь

Academic Life

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-175-182

М.М. Опачич (Белград, Сербия)

В сербской славистике:
журнал «Наш Језик» отметил юбилей профессора Срето Танасича[1]

Marija M. Opačić (Belgrade, Serbia)

In Serbian Slavonic Studies:
The Magazine «Nash Jezik» Celebrated the Anniversary of Professor Sreto Tanasić

Журнал «Наш језик», как уже известно, является одним из основополагающих периодических изданий сербской лингвистической славистики и ее составной части – науки о сербском языке – с 1932 г., когда из печати вышел первый номер старой серии. Начало новой серии было положено в 1949 г., а журнал «Наш језик» на протяжении семи десятилетий публиковал работы в области современного сербского языка[2], его литературной нормы и языковой культуры, оставаясь одним из главных изданий сербской лингвистической периодики.

Второй выпуск пятидесятого номера журнала (2019) отметил два значимых юбилея: семьдесят лет существования новой серии и семьдесят лет жизни его главного редактора с середины первого десятилетия XXI в. – профессора Срето Танасича, научного советника Института сербского языка САНИ и его директора (2006–2016), штатного профессора, члена-корреспондента АНИРС, действительного члена Матицы сербской, председателя Комитета по стандартизации сербского языка[3], члена и вице-председателя Славистического общества Сербии. Лингвистическую деятельность юбиляра в мире сербистики олицетворяют, преимущественно, синхронические синтаксико-семантические, диалектологические[4]

[1] Настоящий текст представляет собой перевод на русский язык измененной рецензии: *Опачић М.* Часопис Наш језик у част проф. др Срете Танасића // Наш језик L, св. 2. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2019, 811. Славистика XXV, св. 1, 2021: 314–319.

[2] До распада сербскохорватского языкового единства (середины 1990-х гг.) язык назывался сербскохорватским. См. библиографический очерк: *Живановић В., Спасојевић М., Цвијовић Д., Спасојевић А.* Наш језик I–XLIII – библиографија са регистрима (1932–2012) // Наш језик XLIII, св. 3–4, 2012: 139–280.

[3] Об участии проф. Срето Танасича в работе учреждений и органов, ответственных за изучение сербского языка, самые исчерпывающие сведения дает монография: *Танасић С.* Разумевање језика. Разговори са Сретом Танасићем. Разговоре водио Милош Јевтић. Колекција Одговори. Београд: NM Libris, 2017.

[4] Это, в первую очередь, работы в области диалектного синтаксиса, в которых языковые данные сербских говоров в Боснии и Герцеговине сопоставляются с ситуацией в литератрурном языке; их результаты учитываются при составлении «Сербского диалектологического атласа» (серб. «Српски дијалектолошки атлас») в рамках двух учреждений, САНИ и АНИРС. См. библиографию проф. С. Танасича в юбилейном выпуске «Наш језик» (9–30).

научные исследования, а также исследования по стандартизации и нормированию языка. Проявляя постоянный интерес к синтаксису глаголов в сербском языке, особенно к синтаксису и семантике пассива, профессор Танасич стал ведущим среди сербских лингвистов, их изучающих[1].

Научный путь юбиляра начинается с Сараева, с семидесятых годов XX в., когда он активно включается в сербокроатистические лигвистические исследования. В девяностые годы он переезжает в Белград, продолжает изучать синтаксико-семантические и диалектологические вопросы сербского языка, а затем в течение десяти лет (2006–2016 гг.) руководит Институтом сербского языка САНИ, и этот период характеризуется ростом численности институтского коллектива и расширением издательской деятельности. Одновременно профессор Танасич вел преподавательскую работу, она длилась более двух десятилетий на отделении сербского языка философского факультета в Нише и более пятнадцати лет в Баня-Луке, где он был приглашенным профессором и читал курс по современному сербскому языку на философском (филологическом) факультете. С другой стороны, два периода в научной работе профессора Танасича были связаны с Москвой и с университетом имени М.В. Ломоносова: первый – когда после окончания учебы в течение одного академического года он был лектором по сербскохорватскому языку межфакультетской кафедры славянских языков, а второй – когда по приглашению филологического факультета в качестве профессора он читал лекции (2008, 2013 гг.).

Кроме того, Срето Танасич, как подчеркивается во вступительном слове Марины Спасоевич, принимал участие в организации многочисленных отечественных и международных научных конференций под эгидой различных учреждений, в числе которых САНИ, Институт сербского языка САНИ, Матица сербская, Славистическое общество Сербии, философский факультет в Нише, филологический факультет в Белграде, нередко в качестве главы организационного комитета. О его работе в различных славистических центрах достоверно говорит и членство юбиляра в редколлегиях сербистских и славистических журналов: «Јужнословенски филолог», «Наш језик», «Славистика», «Задужбина» (Белград), «Годишњак за српски језик» (Ниш), «Исходишта» (Темишоара, Ниш), а также журнала «Хришћанска мисао» (Белград), который публикует исследования теологического, культурологического и социологического профиля.

Редактирование юбилейного выпуска журнала «Наш језик» было доверено Марине Николич и Марине Спасоевич. О значении этого номера журнала свидетельствует тот факт, что в сербской лингвистической славистике количество юбилейных номеров журналов и сборников сравнительно мало; вспомним, что отдельные публикации были посвящены в том числе академикам Павлу и Милке Ивич («Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XXVII–XXVIII», 1984–1985), академику Александру Младеновичу («Зборник Матице српске за филологију и лингвистику», XXXIII, 1990), профессору Драголюбу Петровичу («Зборник Матице српске за филологију и лингвистику», XLIII, 2000), Богдану

[1] Ср. замечания Марины Спасоевич: «Монографија... “Презент у савременом српском језику”... представља промену у приступу синтакси глаголских облика у српском језику. У овој књизи аутор је доградио Белићев методолошки приступ индикатива и релатива...» (Наш језик L, св. 2, 2019: 6) и Елены Павлович Јованович: «...Танасић је у својој монографији о презенту изградио нови теоријско-методолошки приступ синтакси глагола, што је означило почетак нове епохе у овој области српске синтаксе. То је омогућило и реинтерпретацију Белићеве теорије о синтаксичком индикативу и релативу, што је констатовала и академик Ирена Грицкат у приказу Танасићеве монографије» (Наш језик LII, св.1, 2021: 116).

Терзичу, знаменитому слависту и одному из самых выдающихся членов Славистического общества Сербии («Славистика», XIII, 2009), профессору Мато Пижурице («Зборник Матице српске за филологију и лингвистику», L, 2007), академику Милораду Радовановичу («Зборник Матице српске за филологију и лингвистику» LV, 1, 2012), академику Слободану Реметичу («Годишњак за српски језик», XXVI, бр. 13, 2013), академику Предрагу Пиперу (ур.: Људмила Поповић, Војводић Дојчил, Номаћи Мотоки, «У простору лингвистичке славистике. Зборник научних радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера», Београд: Филолошки факултет, 2015), профессору Мирославу Николичу («Наш језик», XLVIII, св. 3–4, 2017), профессору Миодрагу Сибиновичу («Славистика», XXI, св. 1–2, 2017); также см. некоторые номера журнала «Српски језик», посвященные юбилеям.

Все выше сказанное объясняет, почему перед нами находится самый объемный (811 страниц) выпуск журнала «Наш језик» с восьмьюдесятью статьями монолингвального, сопоставительно-типологического и общелингвистического направлений. Большинство работ рассматривает различные уровни сербского языка, в то время как меньшая часть исследований анализирует (меж)славянские языковые вопросы и общелингвистические темы. На первых страницах (см. *Tabula Gratulatoria*) представлены поздравления юбиляру от коллег, сотрудников и его бывших студентов.

Юбилейный выпуск имеет характер сборника, чем обусловлен иной, в сравнении с предыдущими номерами журнала, порядок рубрик. В нем, во-первых, выделяются статьи о юбилее и библиография Срето Танасича. Они разделены на две группы. В первой находятся два очерка: Марины Спасоевич («Седамдесет година живота др Срете Танасића – пола века љубави према српскоме језику», 1–7) и Весны Джорджевич («Библиографија радова др Срете Танасића», 9–30). Параллельно с биографическими данными (1–7) в этом разделе дана информацию и о библиографиии профессора Танасича (9–30), включающая монографические публикации[1] (9), очерки и статьи (166), критику и рецензии на книги (57), обзоры (14), воспоминания (12), лексикографические (14) и библиографические (16) очерки, тезисы (8), переводы с русского языка (9), информация о защите кандидатской и докторской диссертаций, интервью и газетные тексты (27).

Вторая часть этого тематического раздела – «Срето Танасич в сербской лингвистике» («Срето Танасић у српској лингвистици») – более подробно сообщает нам о работах юбиляра, посвященных стандартизации и нормированию и синтаксиса и семантики. В этом разделе представлены следующий статьи. Марина Николич пишет о стандартизации сербского языка и языковой культуре в исследованиях С. Танасича («Стандардизација српског језика и језичка култура у проучавањима Срете Танасића», 31–37), Биляна Самарджич – об усилиях С. Танасича в борьбе против языковых манипуляций («Срето Танасић против језичких манипулација», 39–47), а Йована Йованович о значении, которое имеют исследования Танасича для лексикографической обработки страдательного причастия в Словаре САНИ («Значај Танасићевих истраживања за лексикографски третман трпног глаголског придева у Речнику САНУ», 49–57).

Второй раздел состоит из двенадцати рубрик: акцентологической и фонологической («Акцентологија и фонологија», 59–93), морфологической и словообразователь-

[1] Тем временем вышеупомянутую библиографию дополнили и две новые монографические работы: *Танасић С.* Тако сам говорио зарад сутра. Интервјуи 2001–2020. Београд: Чигоја штампа, 2020; *Танасић С.* Прилози синтакси српског језика. Источно Ново Сарајево: ЈП «Завод за уџбенике и наставна средства», 2021.

ной («Морфологија и творба речи», 95–168), синтаксико-семантической («Синтакса и семантика», 169–368), лексикологической, лексикографической и терминологической («Лексикологија, лексикографија и терминологија», 369–463), стилистической («Стилистика», 465–540), прагматической («Прагматика», 541–570), диалектологической («Дијалектологија», 571–694), ономастической («Ономастика», 695–714), социолингвистической («Социолингвистика», 715–752), лингвокультурологической / страноведческой («Лингвокултурологија», 753–781), грамматикографической («Граматографија», 783–802) и библиографической («Библиографија», 803–811).

Акцентологическо-фонологическая часть содержит четыре исследования. Милорад Дешич рассматривает нисходящие ударения на неначальных слогах слов в сербском литературном языке («Силазни акценти на непочетним слоговима ријечи у српском књижевном језику», 59–64). Драга Зец – просодические аспекты рифмы в сербской поэзии («О прозодијским аспектима риме у српској поезији», 65–75), Александра Лончар Раичевич и Марина Янич представляют взгляды Белича на акцентологические вопросы и культуру слова в журнале «Наш језик» («Белићеви погледи на акценте и културу говора у часопису Наш језик из данашње перспективе», 77–85), Саня Кулянин некоторые спорные рефлексы ѣ («О неким спорним рефлексима јата», 87–93).

Морфологическо-словообразовательный раздел содержит восемь статей. Первая среди них – это работа Предрага Пипера о вопросе категоризации архаизмов в сербском языке («О архаизмима у српском језику, посебно граматичким», 95–107). Изучение языковых фактов с опорой на критерии границы и градуальности, кроме первой работы П. Пипера, присутствует еще в двух исследованиях: Райна Драгичевич пишет о градуальном характере префиксоидов в современном сербском языке («Прелазни карактер префиксоида у савременом српском језику», 109–116), а Мирьяна Илич о морфологических средствах, которыми усиливается или смягчается значение производящего слова в словообразовании («Морфолошка средства којима се појачава или ослабљује значење мотивне речи у творби (нацрт за једну могућу морфологију градуабилности», 117–122). В продолжении настоящей тематической части мы читаем статьи Аны Янюшевич Оливери о вопросе определения статуса лексемы *сам* в современном сербском языке («Статус лексеме *сам* у савременом српском језику», 123–129), Иваны Лазич-Коник об употреблении междометий в функции других частей речи в сербском языке («Узвици у служби других врста речи у српском језику», 131–139), Драганы Цвийович об экспрессивных возможностях собирательных существительных («Експресивна вредност збирних именица које означавају етничке, националне, верске скупине», 141–150), Марины Спасоевич о потенциальных семантических различиях отглагольных существительных на *-ње* («О могућим семантичким дистинкцијама глаголских именица у српском језику признање : признавање, придружење : придруживање и сл. у контексту актуелне политике», 151–159) и Весны Джорджевич об аспектуальности и акциональности («Видско парњаштво и акционалност (префикс *за-*)», 161–168).

Синтаксико-семантический раздел включает самое большое количество работ – девятнадцать. В него вошли статьи Бранислава Остойича об инфинитивных и аккузативных конструкциях, статус которых считается спорным в сербском языке («О двјема спорним конструкцијама у српском језику (за + инфинитив и за + акузатив у значењу одређивања правца кретања)», 169–176), Радое Симича и Елены Йованович Симич о значении и контексте употребления глагольных личных

форм («Значење и контекст: неки проблеми око значења и употребе глаголских личних облика», 177–187), Милоша Ковачевича о предложениях с сочетанием *а* и в позиции союза («О реченицама са спојем *а* и у везничкој позицији», 189–196), Димки Савовой о синтаксических конструкциях ‘глагол + ми се’ («Синтаксичке конструкције ‘глагол + ми се’ у српском језику», 197–204), Людмилы Попович об одной особенной контрафактивной конструкции в сербском языке («О једној посебној контрафактивној конструкцији у српском језику», 205–220), Владиславы Ружич о синтаксисе и семантике предикатного выражения *упознати (се)* («Синтакса и семантика предикатског израза *упознати (се)*», 221–236), Душки Кликовац о предлоге *поврх* («О предлогу *поврх*», 237–258), Иваны Антонич о синтаксисе и семантике предлога *при* («Синтакса и семантика предлога *при*», 259–268), Нады Арсениевич о сербском глаголе *радити* («О српском глаголу *радити*», 269–280), Миливоя Алановича о ресурсах значения функциональных глаголов на примере предиката *сукобити се* («Значењски ресурси функционалних глагола: на примеру предиката ‘сукобити се’», 281–288), Милицы Стоянович о влиянии полипрефиксации глагола на его синтаксическое окружение («Утицај полипрефиксације глагола на њихово синтаксичко окружење», 289–295), Иваны Йованович о лексико-грамматических значениях глагольных слов («О (лексичко-граматичким) значењима глаголских речи», 297–306), Елены Петкович об общих свойствах категории отрицания («Негација као језичка категорија – општи осврт», 307–314), Биляны Марич об одном типе безличных предложений в сербском и русском языках («Један тип безличних реченица у српском и руском (у контексту језичке слике света)», 315–322), Мияны Кубурич Мацуры о бессоюзных структурах с концессивным значением в современном сербском языке («Асиндетске структуре с концесивним значењем у савременом српском језику», 323–334), Иваны Митич об употреблении выражений *један / једно с другим* и *једна с другом* в сербском языке («О употреби израза *један / једно с другим* и *једна с другом* у српском језику», 335–342), Марии Опачич о линейном порядке протосоциативных и псевдосоциативных конструкций в сербском языке («Линеаризација протосоцијативних и псеудосоцијативних конструкција у српском језику», 343–351), Драганы Керкез об императиве как маркере неожиданности («Императив као маркер неочекиваности», 353–359), Елены Павлович Йованович о статусе финальных предложений на примере языкового материала XIX в. («Статус финалних реченица у Зборницима закона и уредбених указа из пете деценије 19. века», 361–368).

Косвенную связь с грамматическими рубриками имеет и отдельная грамматикографическая часть, содержащая две работы – Найды Ивановой о сербско-русскославянских взаимоотношениях в сербских грамматиках русскославянского языка первой половины XIX в. («Српско-рускословенски међуодноси у српским граматикама рускословенског језика прве половине 19. века», 783–790) и Милоша Окуки об истории сербского литературного языка и характеристиках грамматического учебника Владимира Вуйича («Србска Граматика за гимназіялну младежь Княжества Србіє Владимира Вујића (1856)», 791–802).

О лексикологических, лексикографических и терминологических темах авторы пишут в отдельной рубрике, содержащей девять работ. Это статьи Данко Шипки о трех типах авторитета и основах стратегии ключевых сербских словарей («Рјечници као средство успостављања ауторитета», 369–386), Виктории Иващенко о славянской терминографии конца XX и начала XXI в. («Слов’янська термінографія кінця XX – початку XXI століть у діалозі традиційної та електронної бібліографії»,

387–397), Джорджа Оташевича о новой лексике в области туризма в современном сербском языке («Нова лексика у области туризма у савременом српском језику», 399–408), Горданы Димкович Телебакович о транспортной терминологии в современном сербском языке («Саобраћајна терминологија у савременом српском језику», 409–418), Неджо Йошича о переводах Винавера и двух названиях груши, образованных от иностранных основ («Винаверове крушке крустуменка и бергамка и ријеч-двије поводом њих», 419–427), Марины Юришич и Елены Янкович о названиях грибов в сербских народных говорах («Називи за печурке у српским народним говорима», 429–439), Марии Джинджич о турцизмах в 20-м томе Словаря САНИ («Турцизми у 20. тому Речника САНУ», 441–448), Наташи Миланов о семантике прилагательного празан («Прилог опису семантике придева празан», 449–456), Ирены Цветкович Теофилович о наречии вуковски в сербском языке («Једно запажање о прилогу вуковски у српском језику», 457–463).

На нее опирается раздел с семью статьями из области стилистики. Он начинается работой Ненада Вуковича о творческих и лингвистических проблемах перевода в современном сербском языке («Превођење као креативни и лингвистички изазов у савременом српском језику», 465–471). Затем мы читаем работу Галины Тяпко о стилистических свойствах нарратива Андрича в романе «На Дрини ћуприја» («О стилистичким особинама Андрићева наратива у роману “На Дрини ћуприја”», 473–485), Бранко Тошовича о скобках в романах Андрича («Заграде у Андрићевим романима», 487–494), Драго Тешановича и Драганы Лазич о суффиксах *-ица* и *-ка* в языке Петра Кочича («Суфикси *-ица* и *-ка* у језику Петра Кочића», 495–506), Веселины Джуркин об индивидуальной лексике в творчестве Исидоры Секулич («Индивидуална лексика у дјелу Исидоре Секулић (творбено-семантичке одлике именица)», 507–520), Мирьяны Стойисавлевич о внутреннем содержании поэтонима Тигар Бранко Чопича («“Унутрашњост” поетонима Тигар Бранка Ћопића», 521–527) и Тани Русимович о (не)референциальности антецедента релятивных клауз в стихотворении «Он» Сунчицы Денич («(Не)референцијалност антецедента релативних клауза у песми “Он” Сунчице Денић», 529–540).

Темы, принадлежащие области прагматики, составляют также отдельный раздел – это статьи Бояны Милосавлевич об утешении собеседника в повседневной коммуникации (О пружању утехе саговорнику у говору свакодневне комуникације, 541–550) и Радославы Трнавац о риторической структуральной теории и реализации основных единиц дискурса в русском и сербском языках (Реторичка структурална теорија и реализација елементарних јединица дискурса на примеру онлајн коментара у српском и руском језику, 551–570).

Диалектологическую рубрику с тринадцатью статьями открывает исследование Слободана Реметича о говоре герцеговинцев в восточной Боснии и одной старой генитивной конструкции («О једној старој падежној конструкцији у говору источнобосанских Ера – генитив издвајања из скупине», 571–576). За ним следуют работы Марты Бьелетич о полисемии и омонимии в диалектных словарях («Третман полисемије и хомонимије у дијалекатским речницима», 577–585), Неделько Богдановича о языковых обломках и диалектном словаре («Језичке крхотине и дијалекатски речник», 587–593), Миодрага Јовановича о говорах Черногории, входящих в основу сербского литературного языка («Говори Црне Горе у основици српског књижевног језика», 595–603), Екатерины Якушкиной о результатах исследования лексики говора Манячи и о ее сопоставлении с материалом сербского литературного языка («Западнобоснийская диалектная лексика в

общесербском контексте (на примере говора Манячи)», 605–613), Михая Радана и Миляны-Радмилы Ускату о некоторых заимствованных словах в терминологии говора Карашево («Неке позајмљенице у коларској терминологији говора Карашева», 615–626), Йорданы Маркович о роли ударения в сохранении диалекта («О акценту као прилогу очувању дијалекта», 627–636), Любисава Чирича о рефлексах вокального *л* в говорах Лужницы и Пирота («Репартиција рефлекса вокалног *л* у говорима Лужнице и Пирота», 637–644), Аны Савич-Груйич о рефлексах финального *л* в лексеме *заова* в говорах призренско-тимокской диалектной зоны («Рефлекси финалног *л* у лексеми *заова* у говорима призренско-тимочке дијалекатске зоне», 645–653), Драгомира Козомары о редукции гласных в говоре деревни Бастасы («Вокалске редукције у говору Бастаса», 655–662), Зорана Симича о подходах к исследованию синтаксиса падежей в герцеговинско-краинских говорах («О приступима у досадашњим истраживањима синтаксе падежа у херцеговачко-крајишким говорима», 663–677), Радивоя Младеновича и Бояны Вельович о целевых предложениях цели в говоре Сиринича («Циљне (намерне, финалне) реченице у сиринићком говору», 679–685), а также Тани Милосавлевич о вербализации концепта *здравље* в тимокско-лужничких говорах («Вербализација концепта *здравље* у тимочко-лужничким говорима», 687–694).

Из области ономастики, которая в *Содержании* дана как отдельная рубрика, представлено три работы: Зузаны Тополиньской о сокращенных названиях предметов на определенной территории в польском и македонском языках («Marginalia onomastyczne», 695–698), Мирьяны Петрович-Савич о реляционных микротопонимах в области Раджевина («О релационим микротопонимима у Рађевини», 699–705), а затем и Елены Янич о реконструкции ойконима *Вогошћа* («Прилог реконструкцији ојконима *Вогошћа*», 707–714).

В юбилейный второй выпуск пятидесятого номера журнала «Наш језик» входят еще два раздела: социолингвистический и лингвокультурологический. В первом находятся исследования Мотоки Номати о втором издании произведения Историја разних словенских народа Йована Райича («Linguistic Ideology and the Art of Re-Edition on the Second Edition of Ioann Rajić's History of Various Slavic Peoples (1823)», 715–725), Велько Брборича о знакомстве студентов белградского филологического факультета с авторами орфографических кодексов сербского языка («Знање студената о ауторству наших правописа», 727–735), Наташи Киш о стандартном и родном языке («Стандардни и матерњи језик из другачије перспективе», 737–744) и Митры Релич об уничтоженном письменном наследии на Косово и Метохии на примере одного старого семейного архива («О уништеном писаном наслеђу на Косову и Метохији (на примеру сачуваног дела једне породичне архиве)», 745–752). Во втором разделе перед нами три работы: Софии Милорадович и Владана Јовановича о сложных словах с существительным *вода* в сербских народных говорах и сербской культуре («Сложенице са именицом вода у српским народним говорима и српској култури», 753–763), Наташи Вулович о *богатстве* в системе ценностей в сербском языке и культуре («“Богатство” – конвенционални суд у систему вредности у српском језику и култури», 765–772) и Даниелы Станич о стереотипах, связанных с жителями областей Западной Сербии («Стереотип о Ери», 773–781).

Выпуск закрывает статья Аны Голубович, в которой изложен обзор библиографических списоков, опубликованных в журнале «Наш језик» («Преглед библиографија објављених у часопису “Наш језик”», 803–811). В ней представлена

история журнала через посредство персональных, тематических и аналитических библиографий, напечатанных с 1932/1933 г., когда он был учрежден.

Помимо разного рода статей, юбиляру направили сердечные поздравления Биляна Бабич, Ана Батас, Драга Бойович, Ясна Влайич-Попович, Дойчил Войводич, В.П. Гудков, Саня Джурович, Милена Иванович, Веселинка Лаброска, Ружица Левушкина, Весна Ломпар, Александра Маркович, Алина Маслова, Нина Миланович, Ясмина Московлевич Попович, Драгана Мршевич Радович, Мирослав Николич, Слободан Павлович, Владимир Поломац, Милица Радович Тешич, Стана Ристич, Ольга Сабо, Виктор Савич, Биляна Сикимич, Станислав Станкович, Славко Станойчич, Балша Стипчевич, Елица Стоянович, Тияна Танасич Лазич, Светлана Толстая, Бояна Томич, Татьяна Трайкович, Весна Филипович и Илияна Чутура (см. *Tabula Gratulatoria*).

Как можно увидеть из вышеприведенного обзора, значение этого выпуска многостороннее. Выпуск отличается инновационностью и по структуре содержания, и по расположению материалов, что делает его интересным как с точки зрения лингвистических исследований в сербской славистике, так и с точки зрения библиографии. Подытоживая обзор, отметим, что пятидесятый выпуск журнала «Наш језик» занял особое место в сербской славистической периодике, так как посвящен двум юбилеям, а своим охватом может сравниться мало с какими юбилейными публикациями, которые появлялись в сербской славистике со второй половины XX в. по сегодняшний день.

Сведения об авторе:

Мария М. Опачич,
доктор филол. наук
независимый исследователь

Marija M. Opačić,
Doctor of Philology
Independent Researcher

mayaopacic@gmail.com

Заметки. Впечатления

Notes. Impressions

DOI 10.24249/2309-9917-2023-5-3-184-190

В.Г. Карапетян (Москва, Россия)

Интерпретация поэмы «Демон» М.Ю. Лермонтова в творчестве С.И. Параджанова

Аннотация: Статья представляет собой компаративный анализ поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» и нереализованного сценария к фильму «Демон» С.И. Параджанова – совершенно иного взгляда на привычный текст поэмы. Обладая уникальным стилем и вкусом, Параджанов вводит много новых элементов и микросюжетов, что модернизирует восприятие поэмы. Главной отличительной особенностью сценария становится личность Тамары. Уходя от канонического принципа выстраивания текста, где Демон выступает на первом плане, Параджанов хочет показать процесс трансформации души от лица Тамары, при этом используя большое количество символов.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, С.И. Параджанов, Демон, Тамара, гранат, сценарий

V.G. Karapetyan (Moscow, Russia)

Interpretation of the Mikhail Lermontov's Poem "Demon" in the Works of Sergei Parajanov

Abstract: The article represents a comparative analysis of Mikhail Lermontov's poem "Demon" and the unrealized script for the film "Demon" by Sergei Parajanov – a completely different view of the familiar text of the poem. Possessing a unique style and taste, Parajanov introduces many new elements and plots which modernize the perception of the poem. The main distinguishing feature of the script is the personality of Tamara. Moving away from the canonical principle of building the text, where the Demon appears in the foreground, Parajanov wants to show the process of soul transformation on behalf of Tamara, while using a large number of symbols.

Key words: M.Y. Lermontov, S.I. Parajanov, Demon, Tamara, pomegranate, script

Сергей Иосифович Параджанов (1924–1990) является одним из самых необычных и неординарных кинорежиссеров за всю историю мирового кино. Обладая изысканным и тонким вкусом, мастер создал большое количество сценариев, коллажей, рисунков на совершенно разные темы. К сожалению, многое из им созданного не прошло цензуру по тем или иным причинам. Однако благодаря части со-

хранившихся сценариев и эскизов, можно попытаться приблизиться к изначальному замыслу режиссера.

С самого раннего детства Параджанов был увлечен творчеством М.Ю. Лермонтова. «Параджанову удалось осуществить то, о чем, наверное, мечтает каждый ребенок, – реализовать наяву любимую детскую сказку, – писал автор жизнеописания мастера Л.Р. Григорян. – И этой сказкой, которую ему прочитала мать, когда, заболев, он лежал дома, был “Ашик-Кериб” Лермонтова. Простуда прошла скоро, но заболел он этой сказкой надолго, на всю жизнь. Сказка о бездомном бродячем певце-ашуге настолько запала в душу, что спустя долгие годы он, осуществив мечту, экранизировал ее. Запало в душу и другое детское открытие – поэма Лермонтова “Демон”, и, спустя годы, Параджанов написал замечательный сценарий и мечтал об экранизации»[1].

Сценарий «Демон» представляет собой большой интерес в силу того, что он пока еще малоизучен, но чрезвычайно интересен для исследователей. Как отмечает Л.Р. Григорян: «“Демон” написан очень ярко, сильно, с интереснейшими, динамичными, сугубо кинематографическими решениями. Все это видно даже в литературной записи. Можно смело сказать, что это один из самых интересных сценариев Параджанова. Высокую оценку этой работе дал в свое время и Шкловский. Но поскольку действие в нем развивается очень динамично, то растягивать до полнометражного фильма было невозможно. А для короткометражки опять же получалось много»[2]. Из переписки В.Б. Шкловского с Параджановым можно понять, что друг режиссера крайне насторожено отнесся к идее о создании нового фильма, который планировался немым.

– Дорогой Сергей! К сожалению, мы не можем снять немую ленту. Люди должны говорить, – В. Шкловский.
– Ненавижу словесный кинематограф, где говорят... говорят... говорят! – С. Параджанов.
– В детстве на Тамару во время охоты упал подстреленный черный лебедь. С тех пор ее преследует крик лебедя и видение лилового буйвола. – С. Параджанов.
– Черный лебедь не нужен. Лиловые буйволы не могут быть в горах. Это Западная Грузия. Гранат у Параджанова уже был... Надо сочувствовать Демону, а не Тамаре. – В. Шкловский[3].

Сценарий был написан режиссером в 1971 г., уже после того, как вышел его самый известный фильм «Цвет граната» (1969). Именно поэтому Параджанову хотелось снимать фильмы, в которых отсутствует речь, т. е. продолжить работу в жанре поэтического кино. Особенностью киноязыка мастера было обращение к чувственным образам, музыке, пластике. Главная идея Параджанова заключалась в том, чтобы вывести роль и личность Тамары на первый план, показать ее душевные мучения. Уже в этом можно увидеть отход от первоисточника – поэмы Лермонтова, где главенствует личность Демона. Кроме того, необычно то, что в начале сценария появляется сам автор поэмы – Лермонтов. Такое сюжетное построение само по себе уникально. Таким образом режиссер хотел показать связь между автором и его творением. Параджанов подчеркивает то, как личность автора отражается в самом произведении. Подобный метод мастер применял и в своих кинолентах. Герой у Параджанова не становится собирательным, обобщенным образом – он служит средством передачи личных чувств и переживаний автора.

[1] *Григорян Л.Р.* Параджанов. М., 2011. С. 20–21.
[2] Там же.
[3] Цит. по: переписка В.Б. Шкловского с С.И. Параджановым (письма от 20 июля 1971 г., 8 сентября 1971 г., 5 ноября 1971 г.).

В своей трактовке поэмы Параджанов сосредотачивается на личности Лермонтова; источником творческих фантазий становится для него и природа Кавказа. Сценарий начинается с того, как Лермонтов буквально проникается природой Кавказа: «Лермонтов касался грудью гор и отступал пораженный… От прикосновения груди поэта к скале пробивался горный поток! И снова поэт касался грудью скалы… И снова прорывалась благословенная вода // Орлиное перо в руках поэта писало: ДЕМОН: скобка… ВОСТОЧНАЯ ПОВЕСТЬ… скобка…»[1]. Данный пролог отсылает нас к посвящению к поэме «Демон», в котором Лермонтов раскрывает свои чувства, вызванные природой Кавказа:

…Еще ребенком робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников аллы.
Как ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы;
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был товарищ их воздушный.
С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел,
Он пролил в грудь мою забвенье бед
И дружески на дружный зов ответил.
И ныне здесь, в полуночном краю,
Всё о тебе мечтаю и пою[2].

Рис.1. Эскиз к сценарию «Демон»: «Поэт Лермонтов»

В ранних редакциях поэмы поэт фактически указывал на свое сходство с главным героем Демоном – то же хотелось передать и режиссеру. Во всем остальном Параджанов полностью переиначивает сюжет, показывая жизнь Тамары с детства и до ее смерти. Личность Тамары волнует обоих авторов: и Лермонтова, и Параджанова. Занимателен тот факт, что Лермонтов осмысленно дает имя своей героине: оно содержит библейские отсылки; в переводе с иврита – «финиковая пальма», воплощение красоты на Древнем Ближнем Востоке. Однако очевиднее всего связь этого образа с царицей Тамарой (1166–1213), которая олицетворяет «золотой век» Грузии. С образом царицы связана также легенда о многочисленных любовниках, от которых Тамара избавлялась, сбрасывая их тела в Терек. То, что имеет отношение к правде, – брак Тамары и Юрия, сына Андрея Боголюбского. В браке супруги пробыли недолго: Юрий, в отличие от отца, имел легкомысленный характер, отдавая предпочтение развлечениям, вместо участия в сражениях. Тамаре удалось получить разрешение на развод от церкви. При этом царица отправила Юрия в изгнание, дав ему крупную сумму. Именно после этих событий Тамаре приписывают легенды о множественных любовных связях.

Знакомство зрителя с Тамарой начинается совершенно неожиданно: на маленькую Тамару падает черная птица, которая оказывается черным лебедем, от уви-

[1] *Бархударян В., Журавлева В.* Сокровища у горы Арарат: Сценарии / С. Параджанов. Ереван, 2018. С. 174.
[2] *Лермонтов М.Ю.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 558.

денного она теряет сознание, и во сне «кричала черным лебедем Тамара! Боялась черных и лиловых мокрых буйволов… боялась черной бурки… и черных псов»[1]. Параджанов неслучайно вводит черного лебедя как символ ночи, темных сил и смерти. То есть судьба Тамары была предначертана с самого начала, увиденное послужило отправной точкой тому, что в душе героини поселились смутные чувства. Далее мы переносимся в период, когда девочке исполняется шестнадцать и к ней едет свататься Синодал, – но счастья молодым не видать. Среди скал уже стоял печальный Демон с камнями в руках, которыми он погубил юного жениха Тамары.

В следующей сцене Тамара встречает лилового буйвола. Она испугалась и стала кричать лебединым криком. Буйволы, которых нет в Западной Грузии, возможно, тоже своего рода предвестник встречи Тамары с Демоном. «Бык – животное, символизирующее сексуальную силу. На космологическом уровне бык выражает творческую, животворящую силу Демиурга»[2]. В тот момент со смертью Синодала жизнь Тамары будто бы тоже закончилась. Однако любой конец – это начало чего-то нового. Для Тамары это было начало новой жизни, когда в ней раскрываются непохожие на прежние черты характера. В этой сцене Параджанов показывает амбивалентность, двойственность образа Тамары, что сближает ее с противоречивой натурой Демона. Печальный Дух видит родственную душу в Тамаре: ее мятежный, отчасти горделивый характер. Таким образом режиссер хотел показать, что внутренние изменения происходили не только с Демоном, но в первую очередь – с Тамарой.

Рис. 2. Эскиз к сценарию «Демон»: «Танец Тамары». 1987 г.

Терзания Тамары символизируют гранаты. На протяжении всего сценария гранаты будут появляться практически в каждой главе. Гранат является одним из главных символов армянской культуры. Еще в период Урарту (IX–VII вв. до н. э.) можно было встретить изображение граната как символа Священного древа. Кроме того важно помнить, что «в дохристианское время плоды граната посвящали Богине матери и как первый плод, и как плод, символизирующий груди Анаит – Богини плодородия. А вином, изготовленным из сока граната, как нектаром, живительной влагой омывали священный алтарь. С почитанием Древа было связано также почитание зерна, и перед покосом Анаит приносили в дар первый сноп сена. После принятия христианства на капищах Анаит были воздвигнуты церкви, посвященные Богородице»[3]. Значит, гранат воспринимается как символ небесной любви, божественного благословения[4]. Красный сок граната символизирует кровь священномучеников, а множество семян, заключенных в единую оболочку,

---

[1] *Бархударян В., Журавлева В.* Сокровища у горы Арарат: Сценарии / С. Параджанов. С. 177.

[2] Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. М., 1999. С. 64.

[3] *Ծիրանի Մ.* Հայկական ասեղնագործության խորհրդանշանները իբրեւ նախնա-դպրյան արձագանքներ. «Հայկական ասեղնագործություն». Բեյրութ, 1999, էջ 91–92.

[4] *Степанян Н.* Мотив граната в раннесредневековом изобразительном искусстве Армении // Պատմաբանասիրական հանդես. 2008. № 2. С. 215.

воплощают идею соборности, символизируют людей, объединенных в церковную общину[1]. И выбор граната неслучаен в ходе всего сценария.

Первый раз гранаты появляются в части «Гранатовая роща», в ней героиня входит в гранатовый лес. «Тамара нашла бурый большой гранат и спрятала на грудь… под рясу… Кому-то предназначался бурый гранат…»[2]. Следующая сцена содержит в себе кульминационный эпизод – встречу Тамары и Демона. Тамара, находясь в своей келье, чувствует что-то неладное: «глубоко дышит грудь Тамары и среди грудей гранат…Тамара плачет…»[3]. Появляется черная тень Демона – падшего ангела. Демон овладевает Тамарой. Демоническая любовь вновь обыгрывается при помощи излюбленного символа Параджанова – граната. «И дух нащупал грудь Тамары… И гранат среди грудей… Тамаре казалось, что она кричала… Кто-то раздавил гранат среди грудей…» [4]. В этой сцене опять появляется черная птица, которая падает с криком на ложе Тамары. Это ознаменовало неминуемую гибель Тамары. Раздавлен также символ жизни, небесной любви. «На белой постели раздавлен бурый гранат… Пятно впитал тюфак, набитый полынью…»[5]. Именно в любовной сцене Параджанов обращается также к цитированию текста поэмы, чтобы более точно передать переживания главных героев. Как отмечает В.В. Катанян, «поэтические образы “Демона” переводятся на язык образа живописного. И лишь в любовной сцене – там, где “злой дух торжествовал”, – несвязный любовный лепет, сплетенный из обрывков лермонтовской строфы»[6].

Последняя часть сценария тоже по-новому осмысляется Параджановым. Он вводит эпизод, где должны были быть показаны похороны Тамары. Процесс погребения выглядел следующим образом: монахиня сначала растерла тело Тамары лампадным маслом, затем девушку завернули в красный персидский ковер, тело положили в арбу, запряженную буйволицами. И вновь перед нами возникает образ буйвола, но уже знаменуя конец жизни героини. Гудал, отец Тамары, не находит себе места. Его чувства отражает колокол: «...колокол очнулся и крикнул!!!»[7]. Стоит отметить, что Параджанов достаточно часто наделял предметы живыми свойствами. Самый яркий пример – летающая крыша Ахпатского монастыря[8] в фильме и сценарии «Цвет граната» (1969). Это лишний раз подтверждает, что язык режиссера изобилует олицетворениями и метафорами, создает ощущение ирреальности происходящего.

Рис. 3. Эскиз к сценарию «Демон»: «Князь Гудал». 1987 г.

[1] *Biedermann H.* Knaurs Lexikon der Symbole. Ausburg, 2000.
[2] *Бархударян В., Журавлева В.* Сокровища у горы Арарат: Сценарии / С. Параджанов. С. 192.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 193.
[5] Там же.
[6] *Катанян В.* Прикосновение к идолам: modernlib.net/books/katanyan_vasiliy/prikosnovenie_k_idolam_fragment/read/ (дата обращения 21.02.2023).
[7] *Бархударян В., Журавлева В.* Сокровища у горы Арарат: Сценарии / С. Параджанов. С. 197.
[8] Ахпат – памятник градостроительства средневековой Армении, датируемый X в., входит в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Отец не узнал дочь «в черной рясе – домотканого сукна»[1]. Наступает самое тяжелое испытание в жизни Гудала – похороны дочери. Несмотря на трагичность эмоций, Параджанов на протяжении всей этой части использует повтор белого цвета: «в белом гробу, обтянутом белым утробным руном, лежала в белом Тамара… В белой чохе одет Гудал… В белых башлыках слуги Гудала… И только красная чоха – умершего жениха Синодала лежала в ногах у мертвой невесты!»[2] Этой деталью режиссер хотел подчеркнуть ту светлую сторону, которая была в Тамаре. ~~Создавая~~ Наполняя пространство этой сцены светлыми тонами, он предотвращает возникновение тягостного чувства, казалось бы неизбежного, подводя нас к мысли, что все самое страшное осталось позади – впереди свет, возможно, воссоединение Тамары с женихом Синодалом.

В последней сцене за всем похоронным действием наблюдает печальный Дух. Все происходящее представлено в уже привычной сюрреалистической манере. «Люди вокруг белого гроба Тамары сложили сперва квадрат камней… Квадрат камней начал расти, расти, обрел перекрытия, каменные замки и купол – печальная базилика без окон и дверей. Призрак отступал по камням скал, и на камнях скал возникали дымящие следы…»[3]. Демон поражен и отступает, оставляя «кровавые следы на облаках», а душа Тамары устремляется в «прозрачное облако». «Ангел кричит, сопровождая облако – душу Тамары в небо!»[4] Изначально наделенная внутренней чистотой, способностью гармонично сосуществовать с внешним миром, Тамара приближается к Божьей благодати.

Рис. 4, 5. Эскиз к сценарию «Демон»: «Синодал и Тамара». 1987 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что текст сценария значительно отличается от своего первоисточника. Параджанову удалось содать совершенную особенную интерпретацию поэмы Лермонтова. Используя разнообразные художественные средства, режиссер меняет представление о том, кто такая Тамара, а кто – Демон. Образ Тамары стал ключевым в сценарии, благодаря чему режиссеру удалось выявить дуализм души главной героини: «Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла»[5]. Параджанов тем самым обращается к идее перевоплощений: любви в смерти, земного в небесное, дьявольского в ангельское – и наоборот. Кроме того, еще одной

[1] *Бархударян В., Журавлева В.* Сокровища у горы Арарат: Сценарии / С. Параджанов. С. 197.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] *Лермонтов М.Ю.* Соч. Т. 1. С. 218.

отличительной чертой становится то, что Параджанов вводит новые символы, которых нет в поэме (гранат, буйвол, облако и т. д.). Все эти средства вместе с необычным сюжетом, который придумал Параджанов, делают сценарий уникальным, неповторимым. Сам режиссер мечтал о том, чтобы главную роль в его фильме сыграла Майя Михайловна Плисецкая, с которой он был знаком. «Параджанов хотел в роли Демона снимать Плисецкую: “Представляете, ее рыжие волосы и костюмы из серого крепдешина, она в облаках серого крепдешина, черные тучи, сверкают молнии – и посреди рыжий Демон!” Сережа, фантазировал, и казалось, что именно он летает в облаках, а мы, как это всегда бывало в таких случаях, зачарованно смотрели на него»[1]. К сожалению, на экран этот сценарий не был перенесен, но благодаря сохранившемуся тексту, коллажам и воспоминаниям современников можно понять, что сценарий «Демон» – очередное истинное произведение искусства от мастера Сергея Параджанова.

ЛИТЕРАТУРА

Бархударян В., Журавлева В. Сокровища у горы Арарат: Сценарии / С. Параджанов. Ереван, 2018. 536 с.

Biedermann H. Knaurs Lexikon der Symbole. Ausburg, 2000. 591 p.

Григорян Л.Р. Параджанов. М., 2011. 318 с.

Лермонтов М.Ю. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988. 720 с.

Степанян Н. Мотив граната в раннесредневековом изобразительном искусстве Армении // Պատմա-բանասիրական հանդես. 2008. № 2.

Ծիրանի Մ. Հայկական ասեղնագործության խորհրդանշանները իբրեւ նախնա-դպրյան արձագանքներ // Հայկական ասեղնագործություն. Բեյրութ, 1999. էջ 91–92.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. М.: Локид; Миф, 1999. 556 с., [32] л. ил.

REFERENCES

Barkhudaryan V., Zhuravleva V. (2018) Treasures at Mount Ararat: Scenarios / S. Parajanov. Yerevan. 536 p.

Biedermann H. (2000) Knaurs Lexikon der Symbole. Ausburg. 591 p.

Grigoryan L.R. (2011) Parajanov. Moscow. 318 p.

Encyclopedia of Symbols, Signs, Emblems / Comp. by V. Andreeva et al. Moscow. Lokid; Mif. 1999. 556 p., [32] ill.

Lermontov M.Yu. The Works: In 2 vols. Vol. 1. Moscow. 1988. 720 p.

Stepanyan N. Pomegranate Motif in the Early Medieval Art of Armenia. *Historical-Philological Journal.* 2008. No 2.

Ծիրանի Մ. Հայկական ասեղնագործության խորհրդանշանները իբրեւ նախնա-դպրյան արձագանքներ. Մեջ: Հայկական ասեղնագործություն. Բեյրութ. 1999. էջ 91–92.

Сведения об авторе:

Ванесса Геворковна Карапетян,
Студентка
Факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vanessa G. Karapetyan,
Student
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University

vanessik2015@mail.ru

[1] *Катанян В.* Прикосновение к идолам.

DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-191-198

В.И. Хаустова (Москва, Россия)

Рецепция идей Сэмюэля Тейлора Колриджа Эдгаром Алланом По[1]

Аннотация: В статье рассматриваются особенности восприятия Э.А. По философских идей и художественного творчества С.Т. Колриджа. По считал Колриджа величайшим поэтом и мыслителем, однако нередко вступал с ним в полемику. Есть основания полагать, что некоторые тексты По написаны под неочевидным влиянием его английского предшественника. В качестве материала выбраны отдельные лирические произведения двух поэтов, а также их критические сочинения.

Ключевые слова: С.Т. Колридж, Э.А. По, рецепция, романтизм

V.I. Khaustova (Moscow, Russia)

Edgar Allan Poe's Reception of the Ideas of Samuel Taylor Coleridge

Abstract: The article regards peculiarities of Edgar Allan Poe's perception of the philosophical ideas and artistic creativity of Samuel Taylor Coleridge. Poe considered Coleridge the greatest poet and philosopher; however, he often engaged into controversy with him. There are some reasons to believe that some of Poe's texts were written under the non-obvious influence of his English predecessor. Several lyrical works of two poets, as well as their critical writings, were chosen to prove this.

Key words: Samuel Taylor Coleridge, Edgar Allan. Poe, reception, Romanticism

Поэтическая теория и творчество Эдгара По (1809–1849) опираются на фундамент романтической эстетики и поэтической практики европейского и американского романтизма. Перед английским поэтом Сэмюэлем Тейлором Колриджем (1772–1834) он преклонялся: «О Кольридже я не могу говорить иначе как благоговейно. Что за могучий интеллект! Какая огромная сила!»[2] По неоднократно отзывался о Колридже как о человеке, «перед чьим гигантским духом не смогли устоять самые гордые интеллекты Европы»[3]. Рецепция идей Колриджа у Эдгара По подразумевает переосмысление творческих методов поэта, реинтерпретацию содержания его произведений, всегда являясь своеобразным диалогом с предшественником.

---

[1] Статья написана по материалам устного доклада, представленного на студенческом Круглом столе, посвященном 250-летию со дня рождения С.Т. Колриджа.
[2] Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 92.
[3] *Ковалев Ю.В*. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. Л.: Худож. лит., 1984. С. 230.

Прежде всего мы сравним философско-эстетические воззрения двух поэтов, а потом перейдем к анализу их текстов, где эти воззрения отражены.

Рассмотрим понятия *воображение* и *фантазия*, сходства и различия в их интерпретации двумя поэтами. Согласно критическому сочинению Колриджа «Biographia Literaria» (1817), фантазия скована только чем-то «определенным и отлившимся в устойчивую форму», тогда как воображение безгранично; фантазия, оперируя материалом чувственно воспринимаемого мира, создает произвольные комбинации; воображение преобразует, переплавляет поток ощущений, чувственных образов и понятий в новые модели[1]. По, в целом разделяя эстетические взгляды Колриджа и используя эти же термины, тоже считал, что *воображение и фантазия лежат в основе творчества*, однако не видел реального различия между ними. Фантазия, по его мнению, создает не меньше, чем воображение, а в сущности, этого не делает ни то, ни другое, так как человеческий ум не способен вообразить то, чего не существует. В статье «Американские прозаики», опубликованной в начале 1845 г. в «Бродвейском журнале», По заявляет, что воображение, фантазия, фантастическое и юмор состоят из одних и тех же элементов – из «сочетаний» известных явлений и свойств «новизны», но воображение является среди них художником. Из новых сочетаний старых форм, которые ему являются, оно выбирает только гармоническое. Диапазон воображения безграничен, и даже из уродства оно может создать прекрасное[2]. Подобный взгляд на искусство объясняет, почему По, отвергая значимость житейской истины и нравственного долга для эстетики, видит главную цель поэзии в достижении эффекта, смысл которого сводится к эмоционально-психологическому воздействию на *душу* читателя, вызову у него душевного волнения, трепета. Именно поэтому в центре его лирики любовь и смерть – два события, которые, по единодушному мнению романтиков, обладали мощным эмоциональным зарядом. В этом он наследует Колриджу: в «Biographia Literaria» Колридж пишет, что поэт *приводит в действие всю душу человека* – акцент сделан на ее психическом воздействии на читателя[3]. Однако По был убежденным противником поэтической теории Вордсворта и Колриджа, изложенной в предисловии ко второму изданию «Лирических баллад» (1800). Представление о том, что поэт может быть проповедником и учителем, По называл «дидактической ересью»[4].

Воззрения По на процесс художественного творчества также продолжают рассуждения Колриджа. Если Колридж замечает, что поэт творит «бессознательно», «в необычайном состоянии волнения», «лихорадке ума», то По в эссе «Философия творчества» (1846) иронизирует над подобным видением[5]. Он признает, что иррациональная волна страсти – это первая стадия поэтического творчества, но далее заявляет: «Большинство литераторов, в особенности поэты, предпочитают, чтобы о них думали, будто они сочиняют в некоем порыве высокого безумия, под воздействием экстатической интуиции, и прямо-таки содрогнутся при одной мысли позволить публике заглянуть за кулисы и увидеть, как сложно и грубо работает мысль, бредущая на ощупь; увидеть, как сам автор постигает свою цель только в последний момент; как вполне созревшие плоды фантазии с отчаянием отвер-

[1] *Ковалев Ю.В*. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. С. 230.
[2] Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 106
[3] *Колридж С.*Т. Избранные труды. М.: Искусство, 1987. С. 103.
[4] *Ковалев Ю.В.* Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. С. 114.
[5] *Красавченко Т.Н.* С.Т. Колридж как критик и теоретик литературы // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН РАН. 2018. №44. С. 231.

гаются ввиду невозможности их воплотить; как кропотливо отбирают и отбрасывают; как мучительно делают вымарки и вставки – одним словом, увидеть колеса и шестерни, механизмы для перемены декораций, стремянки и люки, петушьи перья, румяна и мушки, которые в девяноста девяти случаях из ста составляют реквизит литературного лицедея»[1].

Таким образом, По усваивает большое количество философских и эстетических терминов благодаря Колриджу, за исключением деталей соглашается с трактовкой понятий *воображение* и *фантазия*, но не признает, что поэт творит *исключительно* в «необычайном состоянии волнения». Он соглашается с Колриджем, что цель поэзии в психологическом ошеломляющем воздействии на душу читателя, но отвергает дидактизм и морализаторство. Последнее особенно очевидно, если сравнивать их художественное творчество.

Долг Колриджу имел гораздо большее значение, чем долг Байрону или Муру, поскольку он касался главным образом стихов зрелых лет По и в немалой степени затрагивал его поэтические воззрения. Однако о непосредственных аллюзиях на его произведения говорить почти не приходится; единственное сходство с Колриджем в поэзии По, которое можно назвать копированием – дословной отсылкой – появляется в одной из строк стихотворения «To Helen»:

Helen, thy beauty is to me
Like those Nicean barks of yore,
That gently, o'er a perfumed sea,
The weary, way-worn wanderer bore
To his own native shore.

(Елена, твоя красота для меня
Как те никейские барки былых времен,
Что нежно над благовонным морем
Несли усталого, изнуренного странника
К его родному берегу.)

(Подстрочник и курсив наши. – *В.Х.*)

Сравнение из второй строки напоминает о стихотворении Колриджа «Youth and Age»:

This body that does me grievous wrong,
<...>
How lightly then it flashed along,
Like those trim skiffs, unknown of yore…

(Это тело, что приносит мне тяжкие страдания,
<...>
Как же легко оно мелькало тогда,
Как те нарядные неведомые ялики былых времен…)

(Подстрочник и курсив наши. – *В.Х.*)

Примечательно, что сравнение появляется в схожих контекстах и применяется относительно красоты юного тела.

Есть смысл говорить об общих особенностях стиля, сходстве мотивов и образов, фонетической стороне, музыкальности произведений, но ни в коем случае не о копировании элементов и не о подражании Колриджу. Вполне вероятно, что некоторые сходства произведений По с поэзией Колриджа – результат бессознательного восприятия идей и текстов последнего.

[1] Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 110.

Поэма Колриджа «Кристабель» (1800) повествует о том, как в тихую и благообразную невинную жизнь вошло мистическое зло. Прекрасная женщина – или злой дух – околдовывает ночью юную Кристабель, когда оказывается в ее постели:

A star hath set, a star hath risen,
O Geraldine! since arms of thine
Have been the lovely lady's prison.
O Geraldine! one hour was thine —
Thou'st had thy will!

Кристабель во власти ужасного сна.
Звезда закатилась, взошла звезда.
О, Джеральдина, тот час, когда
Твои объятья стали тюрьмой
Для прелестной леди – тот час был твой!
(Пер. Г. Иванова)

Сюжетные элементы «Кристабели» повторяются в стихотворении По «Спящая» (1831): читатель наблюдает «сон» умершей прекрасной возлюбленной лирического героя, злые призрачные тени в ее комнате.

The lady sleeps! Oh, may her sleep,
Which is enduring, so be deep!
Heaven have her in its sacred keep!
This chamber changed for one more holy,
This bed for one more melancholy,
I pray to God that she may lie
Forever with unopened eye,
While the pale sheeted ghosts go by!

Спит красота! На долгий срок
Пусть будет сон ее глубок!
Молю я Бога, что над нами,
Да с нераскрытыми очами,
Она здесь вековечно спит,
Меж тем как рой теней скользит,
И духи в саванах из дыма
Идут, дрожа, проходят мимо.
(Пер. К.Д. Бальмонта)

Тексты характеризуются общей недосказанностью, незавершенностью, атмосферой тайны. Самые существенные вопросы остаются без ответа: кто такая Джеральдина, почему она пришла к Кристабель, действительно ли она дочь старого друга ее отца или лишь дурачащий всю семью злой дух, вампир? Что именно увидела Кристабель ночью? Почему умерла спящая? Что за тени вокруг нее?

Есть и формальные сходства двух произведений: повествование прерываются риторическими вопросами, обращенными к читателю или к герою. Их функция – очередное указание на недосказанность и таинственность событий, усиление эмоционального воздействия на состояние читателя.

Alas! what ails poor Geraldine?
Why stares she with unsettled eye?
Can she the bodiless dead espy?
Why is thy cheek so wan and wild,
Sir Leoline? <...>

Джеральдина бедная – увы, что с ней?
Почему так странно она глядит,
Или мертвую видит во тьме ночной?
Почему так бледна твоя щека,
Сэр Леолайн?<...>

(«Кристабель»; пер. Г. Иванова)

Ср.:

Oh, lady dear, hast thou no fear?
Why and what art thou dreaming here?

Oh, lady bright! can it be right —
This window open to the night?

Тебя тревоги не гнетут?
О чем и как ты грезишь тут?

О, неги дочь! тут как помочь?
Зачем окно открыто в ночь?

(«Спящая»; пер. К.Д. Бальмонта)

Самое известное стихотворение По «Ворон» (1845) отличается музыкальностью, художественной выразительностью и мистической атмосферой. В основе сюжета этой баллады лежит таинственный визит говорящего ворона к убитому горем молодому человеку, потерявшему свою возлюбленную. В ответ на вопросы, полные отчаяния и надежды, ворон повторяет слово «nevermore» («больше никогда»), чем усугубляет душевные муки героя. По заимствовал ритмику «Ворона» из стихотворения британской поэтессы Элизабет Барретт «Сватовство Леди Джеральдины» («Lady Geraldine's Courtship»), но можно предположить, что «Ворон» был многим обязан традиции литературной баллады вообще и особенностям «Сказания о старом мореходе» Колриджа (1798) в частности. Сосредоточенность на одном трагическом событии, внутренние рифмы, анафоры, частые и ритмичные повторы присущи обоим текстам и призваны сгустить краски, усилить ощущение напряжения, тревоги, тайны у читателя:

Ah, distinctly I remember it was in the bleak December;
And each separate dying ember wrought its ghost upon the floor.
Eagerly I wished the morrow; –vainly I had sought to borrow
From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore

Ах, я вспоминаю ясно, был тогда декабрь ненастный,
И от каждой вспышки красной тень скользила на ковер.
Ждал я дня из мрачной дали, тщетно ждал, чтоб книги дали
Облегченье от печали по утраченной Линор,
По святой, что там, в Эдеме ангелы зовут Линор, –
Безыменной здесь с тех пор.

(«Ворон»; пер. М.А. Зенкевича)

And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting
On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
And his eyes have all the seeming of a demon's that is dreaming,
And the lamp-light o'er him streaming throws his shadow on the floor;
And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
Shall be lifted – nevermore!

И сидит, сидит над дверью Ворон, оправляя перья,
С бюста бледного Паллады не слетает с этих пор;
Он глядит в недвижном взлете, словно демон тьмы в дремоте,
И под люстрой, в позолоте, на полу, он тень простер.
И душой из этой тени не взлечу я с этих пор.
Никогда, о, nevermore!

(«Ворон»; пер. М.А. Зенкевича)

Ср.:

The ship drove fast, loud roared the blast,
And southward aye we fled.
And now there came both mist and snow,
And it grew wondrous cold:
And ice, mast-high, came floating by,
As green as emerald.

Корабль летел, а гром гремел,
И плыли мы на юг.
И встретил нас туман и снег
И злые холода,
Как изумруд, на нас плывут
Кругом громады льда.

(«Сказание о старом мореходе»; пер. Н.С. Гумилева)

На содержательном уровне также очевидны сходства. Первое – образ птицы (ворона или альбатроса) – *одновременно гостя и хозяина*, имеющего власть над героем, принадлежащего сразу и реальному, и потустороннему миру; от этого гостя *невозможно избавиться*: либо, как у По, он останется рядом с лирическим героем, либо, как у Колриджа, его *запрещено* убивать. В некотором смысле *вещая птица* играет роль знака судьбы в обоих произведениях. Второе важное сходство этих произведений заключается в том, что оба героя вынуждены находиться в состоянии «жизни после смерти»: они охвачены одной-единственной мыслью и испытывают душевные муки после событий, произошедших с ними.

Однако есть и существенное различие между этими текстами: По, рассказывая о присутствии в реальном мире иррациональной силы зла, разрабатывая мотивы, которые в литературу ввел ранее Колридж, лишает повествование дидактизма, морализма, часто присущих текстам последнего.

Наконец, обратимся к стихотворению По «Город на море» (1845). В нем с использованием общих элементов готической фантастической традиции описан воображаемый город, которым правит олицетворение Смерти. Этот текст можно назвать примером рецепции поэмы «Кубла Хан» Колриджа. Настроение и возвышенный, патетический стиль перекликаются; оба текста насыщены эпитетами (и прежде всего прилагательными). Стихотворные размеры часто меняются, сложными также являются модели рифмовки, в которых комбинируются опоясывающая, смежная и перекрестная рифмы.

Композиционное строение текстов очень похоже, но «Город на море» – это как бы частичный негатив от «Кубла Хан» (частичный, так как не все фрагменты поэмы Колриджа отражены в стихотворении По). Оба стихотворения начинаются с представления правителя, владеющего равно грандиозными, но противоположными по «настроению» царствами:

Lo! Death has reared himself a throne
In a strange city lying alone.

Здесь Смерть себе воздвигла трон,
Здесь город, призрачный, как сон.
(«Город на море»; пер. К.Д. Бальмонта)

In Xanadu did Kubla Khan
A stately pleasure-dome decree...

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан...
(«Кубла Хан»; пер. К.Д. Бальмонта)

Потом следует яркий романтический пейзаж, в центре которого находится водное пространство: бурлящий поток у Колриджа и застывшая угрюмая гладь у По, а затем и описание величественного царства. И там и там можно увидеть сплетение искусственного и природного, но если в тексте Колриджа живое, плодородное, цветущее преобладает и создает абсолютную гармонию с тем, что создано руками человека, то у По читатель наблюдает мрачный безжизненный пейзаж, где даже растения стеклянные, каменные, мраморные:

Up shadowy long-forgotten bowers
Of sculptured ivy and stone flowers –
Up many and many a marvellous shrine
Whose wreathed friezes intertwine
The viol, the violet, and the vine.

Среди изваянных беседок,
Среди растений из камней,
Средь полных смутной мглой беседок,
Где сетью мраморной горят
Фиалки, плющ и виноград.
(«Город на море»; пер. К.Д. Бальмонта)

В конце авторы апеллируют либо к образу рая (Колридж), либо к образам и рая, и ада (По).

But lo, a stir is in the air!
<...>
As if the towers had thrust aside,
In slightly sinking, the dull tide –
As if their tops had feebly given
A void within the filmy *Heaven*.
<...>
And when, amid no earthly moans,
Down, down that town shall settle hence,
Hell, rising from a thousand thrones,
Shall do it reverence.

Но чу! Возникла дрожь в волне!
<...>
Как будто башни, вдруг осев,
Разъяли в море сонный зев, –
Как будто их верхи, впотьмах
Пробел родили в *Небесах*.
<...>

И в час, когда, стеня в волне,
Сойдет тот город к глубине,
Прияв его в свою тюрьму,
Восстанет *Ад*, качая тьму,
И весь поклонится ему.
(«Город на море»; пер. К.Д. Бальмонта; курсив наш. – *В.Х.*)

Weave a circle round him thrice,
And close your eyes with holy dread
For he on honey-dew hath fed,
And drunk the milk of *Paradise*.

Пред песнопевцем взор склоните,
И, этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем что он воскормлен медом
И млеком *Рая* напоен!
(«Кубла Хан»; пер. К.Д. Бальмонта; курсив наш. – *В.Х.*)

В заключение подчеркнем, что эстетика, философия и лирика С.Т. Колриджа сильно повлияли на воззрения Э.А. По, однако философия и художественное творчество последнего никогда не были слепым переложением чужих идей, являясь скорее диалогом или даже полемикой.

ЛИТЕРАТУРА

Ковалев Ю.В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. Л.: Худож. лит., 1984. 296 с.

Кольридж С.Т. Избранные труды. М.: Искусство, 1987. 347 с.

Красавченко Т.Н. С.Т. Кольридж как критик и теоретик литературы // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН РАН. 2018. №44. С. 220–243.

Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. 464 с.

Campbell K. «The Origins of Poe», The Mind of Poe and Other Studies. N.Y.: Russell & Russell, Inc., 1962. P. 154–162.

REFERENCES

Kovalev Yu.V. (1984) Edgar Allan Poe. Novelist and Poet: Monograph. Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 296 p.

Coleridge S.T. Selected Works. Moscow. Iskusstvo Publ. 1987. 347 p.

Krasavchenko T.N. S.T. Coleridge as a Critic and Theoretician of Literature. *Literaturovedcheskiy Zhurnal.* Moscow. 2018. №44, pp. 220–243.

Aesthetics of American Romanticism. (1977) Moscow. Iskusstvo Publ. 464 p.

Campbell K. (1962) “The Origins of Poe”, The Mind of Poe and Other Studies. N.Y. Russell & Russell, Inc., pp. 154–162.

Сведения об авторе:

Варвара Игоревна Хаустова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Varvara I. Khaustova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

varvarahaustova62@gmail.com

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-1-199

STEPHANOS
2023
№ 3 (59)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2023
Май – May